

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ЛЕНИНА

ТРУДЫ
ТАШКЕНТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. В. И. ЛЕНИНА

ВЫПУСК 295

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ - 1966

Ответственный редактор
доктор исторических наук
М. Е. МАССОН

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- АН — Академия наук.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГИА — Государственный исторический архив.
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КТГГ — Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, Ташкент.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
ОАК — Отчеты археологической комиссии.
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
РОА — Русское археологическое общество.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
СМА — Сборник географических, топографических и статистических материалов
Азии.
СОНАТ — Социалистическая наука и техника.
СПб. — Санкт-Петербург.
ТашГУ — Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина.
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР.
ЦГА УзССР — Центральный Государственный архив Узбекской ССР.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum.
MDAFA — Mémoires de la Délégation Française Archéologique en Afghanistan.

М. Е. МАССОН

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ТАШГУ

«Нет» — не всегда значит «не было»

Первое апреля 1965 г. — дата двадцатипятилетия со дня фактического оформления утвержденной в начале 1940 г. кафедры археологии Средней Азии при историческом факультете САГУ, в недрах которого окончательно сложилась и получила развитие среднеазиатская археологическая школа¹. Как и всякая советская научная школа, она опирается на самое передовое материалистическое учение — марксизм-ленинизм. В настоящее время она охватывает уже довольно значительную группу специалистов и состоит из учеников и последователей, которых в их практической и теоретической исследовательской работе объединяет общность идейного направления в служении советской науке и решении поставленных задач, отчасти используемых приемов методики полевых и камеральных изысканий, преемственно воспринятых на кафедре и творчески развиваемых в дальнейшей активной деятельности при изучении прошлого народов, обитавших на территории Средней Азии в пору рабовладения и феодализма.

Истоки среднеазиатской археологической школы восходят к первым годам Великой Октябрьской социалистической революции, когда в период коренной ломки, охватившей все стороны жизни нашей Родины, создавались особо благоприятные условия для появления пионеров новых направлений и в области науки.

Немногочисленные археологи царской России уделяли очень мало внимания Туркестану. В. А. Городцов, создатель школы археологии первобытного общества, сам в Туркестанском крае не бывал и никого из своих сотрудников сюда не направлял. Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА) за 21 год своего существования не имел целенаправленной проблематики. В его деятельности господствовал самотек в смысле организации исследований и выдвижения тех или иных тем. На год планировались иногда лишь отдельные задачи частного порядка, а в основном преобладал учет того, что чаще всего по своей инициативе делали и наблюдали его члены-одиночки, разбросанные по всем пяти областям. Если учесть, что подлинно научных раскопок почти не велось, станет понятным, почему ТКЛА, в составе которого по существу не было ни одного подлинного археолога, не выработал своих приемов для ведения полевых исследований в условиях Средней Азии.

В дореволюционное время первый стратиграфический раскоп с данными о содержимом нижних культурных слоев был осуществлен в южной части Афрасиаба в 1883 г. чиновником особых поручений писателем В. В. Крестовским. На протяжении почти 42 м он опускался в

разных местах до глубины около 8 м от поверхности, причем, производя регистрацию встреченных археологических материалов примерно через каждые 71 см (1 аршин), установил несколько разновременных культурных слоев, точная датировка которых не могла быть произведена при тогдашнем уровне знаний. Этот стратиграфический раскоп сразу же был необоснованно охаен Императорской археологической комиссией. До недавнего времени это мнение комиссии было причиной несправедливых оценок раскопа, дававшихся в некоторых статьях по истории археологического изучения Средней Азии.

Проделанный в 1886 г. генералом А. В. Комаровым гигантский разрез северного бугра у городища Анау траншеей до 4 м ширины при общем объеме земляных работ около 2500 м³ с менее тщательной, чем у В. В. Крестовского, фиксацией не вызвал отрицательной реакции со стороны Императорской археологической комиссии. Полученные же уникальные для того времени находки (в том числе половины челюсти пещерного медведя) привели к постановке в 1903—1904 гг. раскопок американской экспедицией Института им. Карнеджи под руководством Р. Пампелли. Последние сами по себе не оказали никакого влияния на развитие раскопной деятельности ни в крае в целом, ни в Закаспийской области.

Участие Императорской археологической комиссии в изучении Туркестана было весьма скромным. До самых первых лет революции эталоном служили крупные раскопки, произведенные Н. И. Веселовским в 1885 г. на упомянутом городище Афрасиаб в Самарканде. Им были заложены мало что давшие многочисленные неглубокие траншеи в верхних культурных слоях, обычно разбивавшиеся по прямой линии, иногда с короткими ответвлениями под прямыми углами к основному направлению. Зафиксированные военными топографами на детальном плане городища в масштабе 25 сажен в дюйме с горизонталями через каждые 50 см, они легко распознавались на поверхности еще в начале XX столетия и послужили образцом для раскопок В. В. Бартольда в 1904 г. на месте соборной мечети Шахристана, а затем и для всех земляных археологических вскрытий В. В. Вяткина. С последними были связаны и мои первые шаги на поприще туркестанской археологии. За исключением расчисток некоторых засыпанных колодцев и выгребных ям-бадрабов на Афрасиабе, В. Л. Вяткин на раскопных площадках обычно не опускался ниже первого встретившегося более или менее четко прослеживаемого уровня пола того или иного сооружения. По существу не было никакой разработанной методикой ни для производства земляных работ, ни для регистрации находок, ни для графической фиксации самих раскопок, ни для ведения дневниковых записей.

В части археологического изучения Туркестана больше всего сделано в Самарканде: уже в 1874 г. был учрежден первый археологический музейчик, там же десятки лет функционировал самый бойкий в Средней Азии антикварный рынок и сложились наиболее крупные частные коллекции местных древностей В. Л. Вяткина, Б. Н. Кастаньского, М. В. Стоярова. Однако даже в этом городе не была разработана шкала для датировки археологических предметов эпохи, предшествовавшей арабскому завоеванию. Они обычно просто относились к так называемому «домусульманскому периоду», представлявшему для дореволюционного времени в части датировок почти *tabula rasa*. До 1917 г. в Туркестане для большинства раскопных работ характерно копанье любым способом ради наибоьстрейшей очистки намеченного объекта от скрывающей его земли и обнаружения, по возможности, интересных

предметов археологического инвентаря без достаточного внимания к самому содержащему их культурному слою.

Определенный успех старых туркестанцев в разнообразной краеведческой археологической работе по накоплению и сохранению большого числа наблюдений был связан с непреложным интересом, энтузиазмом и бескорыстным отношением большинства наиболее активных местных деятелей, что перешагнуло и через рубеж 1917 г.

Новое проявилось в самом начале в отрицании примитивных способов археологических вскрытий, проведения наблюдений без должной научной точности в документальной фиксации, исследований при отсутствии широкой проблемной направленности во время осуществления тех или иных археологических мероприятий.

На протяжении полувека в процессе разнохарактерной практической работы на археологическом поприще во всех республиках Средней Азии складывалось мое сredo, послужившее основой среднеазиатской археологической школы и базирующееся на следующих 20 положениях.

1. Советский археолог не должен собирать для себя частной коллекции предметов, являющихся объектами его исследований. Все попавшие к нему археологические вещи, каким бы путем они не поступили, должны войти в общественные музейные собрания, т. е. поступить в специальные научные хранилища тех или иных организаций.

2. По моему давно сформулированному и преподносимому воспитанникам кафедры определению, археология есть отрасль исторической науки, изучающая процесс развития человеческого общества в основном по разнообразным материальным следам его былой деятельности, преимущественно по вещественным памятникам с привлечением, где это возможно, данных письменных источников, языкознания, этнографии, антропологии, геологии, почвоведения, зоологии, ботаники и многих других дисциплин. При этом надо иметь в виду, что материальные следы деятельности людей далеко не всегда являются памятниками материальной культуры, что археология — не вещеведение и что археологические объекты для археолога важны не сами по себе, а в первую очередь как знаки общественных отношений.

3. Конечной целью всякой сколько-нибудь крупной археологической работы является доведение полученных результатов до историков, не занимающихся специально изучением памятников материальной культуры, причем наиболее благодарной задачей для археологов является участие в уточнении периодизации развития общества. Достаточно напомнить, что именно результатами работ советских археологов было опрокинуто господствовавшее до того в науке представление об извечности феодализма в Средней Азии. Первыми археологическими экспедициями, выдвинувшими на разрешение проблему о былом наличии здесь рабовладельческой формации и уточнении периодизации так называемого «дофеодалного периода», были организованная в 1936 г. Узкомстарисом Термезская археологическая комплексная экспедиция (работавшая на протяжении трех лет), а затем начавшая функционировать два года спустя (с 1938 г.) Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.

4. При проведении историко-археологического изучения крупных объектов, (например, руин больших городов с многовековым существованием) или целых районов обязательным условием должен быть принцип комплексности, находящий свое практическое выражение в привлечении специалистов различных дисциплин и профилей, в применении разнообразных приемов методики наблюдения и обработки материалов, в охвате разновременных археологических памятников во всех культур-

ных слоях всех эпох и всех категорий. Кстати, именно среднеазиатской археологии принадлежит приоритет по осуществлению первой не только в СССР археологической комплексной экспедиции в середине 30-х годов.

5. При постановке на отдельном объекте или в целом районе любых археологических полевых работ независимо от их масштаба археолог обязан в первую очередь поднять историю их изучения; уяснить, с какой исторической проблемой (или с какими проблемами) могут быть связаны ожидаемые результаты; четко поставить на разрешение вопросы, на которые можно получить те или иные ответы; затем наметить конкретную задачу (или задачи); составить план выполнения на месте и только после этого он имеет право приступить к практическому исполнению (в частности, к осуществлению земляных вскрытий), все время в процессе наблюдения не упуская из виду широкого исторического аспекта.

6. При раскопке сложного комплекса ^{города} объекта последний, в порядке применения диалектики в полевых исследованиях, должен изучаться под углом зрения выяснения истории его изначального появления, дальнейшего сложения, последовательных изменений с установлением разных периодов в его бытовании, возможного использования в какую-то пору не по прямому назначению, вплоть до установления этапов его постепенного разрушения с доведением изучения до современности на стыке с этнографией.

7. Учитывая последнее требование, осуществление археологических работ на месте следует сопровождать беседой с местным населением по предельно широкому кругу вопросов, связанных с изучаемым памятником, начиная с его наименования вплоть до осмысления самого объекта окрестными жителями, хотя бы в форме легенды или народного предания.

8. С самого начала полевых работ нужно ориентироваться в исторической географии района с учетом данных письменных первоисточников; определить в нем место и роль намеченного к изучению объекта; выяснить археологическую топографию последнего, если он представляет собой остатки более или менее крупного селения или города; наконец, осуществив вскрытие на определенной раскопчной площадке до какого-то горизонта, обязательно в первом же сезоне заложить разведочный шурф для установления археологической стратиграфии пункта, в котором расположен вскрываемый памятник, т. е. по возможности сразу же осветить его «и вширь и вглубь».

9. При изучении развалин крупных селений и городов, кроме использованных обычных хотя бы и детальных топографических съемок, желательно производить археолого-топографическую съемку самим археологом с применением разработанных мной специальных приемов изображения археологического микрорельефа. При этом горизонтально играют второстепенную, чисто служебную роль, воспроизводятся только частично, и, наоборот, предпочтение отдается линиям, отмечающим подлинный элемент графически восстановленных направлений улиц, стен, границ площадей, кварталов и т. п. с одновременным широким использованием подходящих топографических условных обозначений.

10. На объектах с недостаточной четко выраженным или целиком утраченным археологическим микрорельефом археологу рекомендуется предложенная мной съемка с использованием в качестве индикатора растительного покрова со специфическим для каждого района и сезона видовым составом растений. Как мной подмечено, многие травы не растут на погребенных в земле остатках былых стен из пахсы или сырцовых кирпичей и, наоборот, порой целыми куртинами занимают внут-

ренное пространство помещений и дворов, улицы, площади и т. д. В 1937 г. в Термезе с помощью растительного покрова удалось за один сезон при скромном масштабе земляных работ понять Каратепа как остатки крупного буддийского монастыря, занимавшего площадь почти 4 га и имевшего наземные и подземные (пещерные) сооружения, располагавшиеся в три яруса. В 1938 г. там же на территории города рабовладельческого общества по растительному покрову с проверкой системой шурфов удалось примерно выявить размеры обширного ремесленного квартала металлостов площадью несколько гектаров. Сам этот факт еще в большей мере, чем примененный новый в археологической практике прием, вызвал к себе скептическое отношение в Ленинграде со стороны того большинства историков, которое в то время не признавало наличия в Средней Азии рабовладельческой формации. В 1951 г., используя солянку *Salsola karelini*, в большом изобилии произрастающую тогда на Гяур-кале в Старом Мерве, я поднял на планшете в общих чертах внутреннюю планировку этого городища с учетом всех данных археологического микрорельефа, где это было возможно. Два года спустя позднее необычайно теплой осенью по появившемуся на Старой Нисе травяному покрову я впервые обнаружил остатки обширного комплекса строений, вытянутых почти на протяжении 150 м между дворцово-храмовыми зданиями и хозяйственно-складскими сооружениями парфянского времени. По растительному покрову мной была сделана примерная съемка указанного комплекса, причем характерно, что он не нашел никакого отражения на планшете произведенной до того детальной инструментальной топографической съемки с горизонталями через каждые 50 см. Осенью 1960 г. в северной части бывшего оазиса в низовьях Мургаба на совершенно гладкой такырной поверхности без всякого микрорельефа лишь по отсутствию растительности осуществлена на протяжении нескольких километров съемка бывшего направления районной стены Маргианы, возведенной в III в. до н. э. по распоряжению Антиоха I Сотера.

11. Всякие накопления земли, мусора внутри или снаружи раскопываемого здания, включая завалы стен и кровли, также являются собой «культурный слой», который нужно не просто удалять с раскопа, а внимательно изучать для раскрытия всей истории сооружения и разрушения памятника, а потому тщательно фиксировать, в частности, графически.

12. В 1920 г. при заложении на Самаркандском регистане и у тамошних медресе 24 крупных археологических шурфов, некоторые из которых опускались от современной поверхности земли на глубину до 11 м, я выполнил (при поддержке архитектора М. Ф. Мауера) детальные стратиграфические чертежи по предложенному мной тогда впервые в археологической практике методу развертки в ортогональных проекциях. Вот уже четверть века, как такая фиксация постепенно вошла в широкий обиход в среднеазиатских республиках через воспитанников нашей кафедры.

13. В условиях Средней Азии в толщах культурных наслоений, основными компонентами которых являются чаще всего лёсс, глины, надувные пустынный песок и которые иногда достигают мощности свыше 30 м, причем часть из них оказывается лежащей даже ниже современной окружающей местности, для определения уровней погребенных былых поверхностей (в том числе и погребенных почв) и в других случаях археологу необходимо уметь наблюдать и использовать данные естественного порядка. В основном это донца норок кое-каких видов жесткокрылых (Coleoptera) и отчасти перепончатокрылых

(Hymenoptera), преимущественно земляных пчел, а также раковины некоторых моллюсков, главным образом сухолюбивых (преимущественно *Helicella sandaharica*). Использование всех их в качестве археологических индикаторов до сих пор никем не предлагалось; меня же еще в 20-х годах привело к изучению отдельных моментов в биологии некоторых видов *insecta* и отчасти *mollusca*.

Успешное применение такого рода индикаторов, особенно для выявления на многослойных памятниках периодов упадка, запустения и их продолжительности, имело место в практике многих воспитанников среднеазиатской археологической школы, и этому приему наблюдения обеспечено большое будущее на всем земном шаре.

Настоятельно необходимо продолжить успешно начатые мною в 1937 г. совместно с зоологом А. Л. Бродским опыты по взятию археолого-биологических проб из древних культурно-ирригационных слоев для получения характеристики последних путем анализа содержащейся в них микрофауны (*protozoa* почвы).

14. При вскрытии более или менее значительных объектов, в том числе и архитектурных памятников, раскопная площадка разбивается по оси север — юг (для облегчения подвязки будущих работ) на квадраты 2×2 м, а снятие культурного слоя осуществляется поярусно через каждые 50 см.

Помимо записей в дневнике, должна вестись сплошная послойная текстовая фиксация в «Поквадратной описи» с уделением особого внимания графе «Характеристика культурного слоя» и воспроизведением в графе «Археологические находки» зарисовок отдельных находок. К концу работы в графу «Примечания» по данным полевого музея, разбираемого близ раскопа и воспроизводящего квадратную сетку раскопной площадки, заносятся цифры сводной статистики по отдельным видам и типам находок. В зависимости от деликатности вскрываемого объекта размеры квадратов могут быть 1×1 м и даже 50×50 см, а ярусов — 25 см и даже в особых случаях 5×5 см.

15. Средняя Азия исключительно богата памятниками материальной культуры, почему любая перепланировка поверхности на сколь угодно значительной площади неизбежно влечет исчезновение многообразных следов былой деятельности людей. В 20-х годах после длительного перерыва вновь начались земляные работы в городах и их ближайших окрестностях, и в разных пунктах стали обнажаться насыщенные археологическими материалами культурные слои. Это навело меня на мысль о целесообразности проведения попутного археологического наблюдения в таких местах. Мое предложение было встречено полным равнодушием, тем не менее я попытался осуществить его сам в Самарканде при прокладке в 1923 г. узкоколейной железной дороги от вокзала до Афрасиаба. Полученные результаты были опубликованы затем в «Известиях Средазкомстариса», вып. 1, и даже отдельной брошюрой на узбекском языке².

С 1924 по 1928 г. включительно наблюдения за рытьем строительных котлованов проводились мною в старой части Ташкента. В. В. Бартольд, ознакомившись с полученными таким путем новыми данными по истории Ташкента, решил даже задержать свою статью об этом городе для «Энциклопедии ислама».

Все же идея установления археологического надзора на новостройках Средней Азии еще долго встречала скептическое к себе отношение, даже после того, как в 1932 г. этот вопрос был положительно решен в ГАИМК, оформившей правительственным решением участие археоло-

тов в качестве наблюдателей при строительстве крупных объектов на территории, где находятся археологические памятники.

В 1939 г. методом народной стройки в полуторамесячный срок проводили сооружение огромного Большого Ферганского канала. На протяжении около 270 км предстояло перекопать свыше 15 000 000 м³ земли, из которых значительная часть приходилась на культурные слои. Чтобы использовать гигантские земляные работы как грандиозный археологический разрез через всю Фергану, а также оприходовать для науки возможные наблюдения и археологические находки, не мог быть применен обычный археологический надзор на новостройках, когда уничтожаемый памятник заблаговременно подвергается нормальному изучению путем планомерных раскопок.

На долю среднеазиатских археологов выпала разработка плана и практическое осуществление небывалого до того эксперимента по организации археологического надзора в условиях скоростного строительства. Несмотря на противодействие Узкомстариса, он был успешно проведен экспедицией археологического надзора, состоявшей из трех отрядов, одной архитектурной группы и включавшей 33 участника. Два года спустя организация этой экспедиции и методика ее полевой работы послужили примером при постановке А. Н. Бернштамом археологического надзора на строительстве Большого Чуйского канала в Киргизской ССР.

Хотя в послевоенный период археологический надзор проводился на некоторых объектах всех среднеазиатских республик, но совершенно очевидно, что при огромном объеме современного строительства в нашей стране он охватил и продолжает охватывать лишь весьма незначительный процент общего количества уничтожаемых памятников. Средняя Азия, за которой остается приоритет в части указанного надзора, в лице нового поколения археологов нашей школы должна разработать новые формы его организации в условиях бурных темпов развития строительства с вовлечением в него и органов охраны памятников и секторов археологии Института истории Академии наук Узбекской, Туркменской, Киргизской, Таджикской и Казахской ССР, до сих пор более чем вяло реагирующих на ежегодное массовое уничтожение археологических объектов.

16. Раскопки В. В. Бартольда в 1904 г. на Афрасиабе хотя и были единственными в его жизни, но своей целеустремленностью, четко поставленной топографической задачей (отыскать местонахождение соборной мечети в самаркандском шахристане), предварительной подготовкой к ней путем учета сведений из письменных источников и полученным положительным результатам были достаточно показательным примером. Большое количество сведений по топографии нескольких среднеазиатских феодальных городов, выбранных им из арабских и персидских средневековых сочинений, по существу стало более или менее широко использоваться на местах уже в советское время и способствовало в начале 20-х годов разворачиванию археологических работ по исторической топографии городов Самарканда, Бухары, Ташкента, Сайрама, Узгенда, Тараза и др.). Такая задача в качестве одной из главных проблем археологии Средней Азии в центральных организациях, как засвидетельствовал в 1964 г. А. М. Беленицкий³, впервые была выдвинута позднее, а именно в середине 30-х годов. В Ташкенте уже в 1939 г. на истфаке САГУ читался курс по исторической топографии городов Средней Азии.

На 1965 г. вклад в этот раздел членов нашей кафедры и среднеазиатской археологической школы весьма значителен, включая веду-

щееся до сих пор многолетнее изучение самого большого в СССР городища Старого Мерва, не говоря уже о целом ряде менее значительных городов и селений. Долг наших учеников принять эстафету по этой проблеме; участвуя в ее разрешении, археологи вносят крупнейшую лепту, содействуя выяснению деталей процесса исторического развития классового общества в Средней Азии.

17. Известная подготовительная работа проделана В. В. Бартольд-ом по Туркестану и в части исторической географии в ее прежнем представлении. Однако теперь историческая география Средней Азии должна восприниматься в более широком понимании; сюда входят изменения земной поверхности, протекающие с большей, чем считалось прежде, быстротой; данные по колебанию климата и об изменении режима вод за исторический период; границы расселения племен и народов в разные эпохи; данные по экономической географии за все периоды (в том числе бывшие торговые караванные пути, история горного дела, разных промыслов, ирригации, колодцев в пустыне и т. д.); ареалы обитания домашних и некоторых диких животных, а также распространение культурных растений и отдельных видов дикорастущей флоры и т. п. Археологам нашей школы на какой-то отрезок времени предстоит продолжить разработку отдельных вопросов по этой тематике, входивших в круг исследований их учителя. Только после накопления новых материалов окажется возможным дать текстовое и картографическое обобщение для различных эпох в целом.

18. Каждый советский археолог обязан помнить, что, помимо основной идеологической задачи по воссозданию картин прошлого человеческого общества, есть еще и «прикладные задачи в археологии», составляющие одну из специфик среднеазиатской археологической школы.

С первых лет революции я стремился содействовать использованию точно установленных фактов и выводов историко-археологического порядка в разных областях хозяйственного строительства нашей Родины и в различных отраслях не гуманитарных наук. Хорошие результаты дало кооперирование с самыми различными специалистами. Тематика прикладных задач археологии Средней Азии имеет широкий диапазон, охватывая геологию, гидрологию, метеорологию, освоение новых земель, водоснабжение, добычу полезных ископаемых, перепланировку и строительство городов, сельское хозяйство, биологию и т. д., включая и оборонную тематику 1941—1945 гг.⁴

Несколько более четверти века назад археологическая молодежь Ленинграда, увлеченная выдвинутыми и успешно тогда разрешавшимися мной «прикладными задачами», считала, что это и есть «настоящая новая советская археология». На самом деле, «прикладные задачи» — это один из новых путей в археологии, наметившийся в Советской стране. На эту тему по моим публикациям покойный крупный английский ученый Е. Н. Minns прочитал в Лондоне публичную лекцию, как о совершенно новом явлении.

Жаль, что за последние годы археологические организации всех среднеазиатских республик не уделяют им почти никакого внимания. Факт далеко не прогрессивный, и молодым археологам нашей школы надлежит выправить это ненормальное положение.

19. Результаты всяких полевых археологических исследований, будут ли это маршрутно-рекогносцировочные, разведочно-раскопочные, экспедиционные или стационарные работы, оцениваются не просто добытыми вещевыми материалами (которых в некоторых случаях может даже и не быть или быть очень мало), а получением конкретно доказуемых, точных ответов на поставленные до начала их осуществления

перед археологом вопросы, безразлично, будут ли они положительные или отрицательные, «да» или «нет».

20. За археологом-исследователем, добросовестно служащим науке, сохраняется при любых условиях право честной ошибки.

Подготовка археологов моего направления началась давно. Из музейных учеников начала 20-х годов по Самаркандскому областному музею вышел оставивший определенный след в науке археолог И. А. Сухарев, бывший в 1929 г. участником моей Сумбарской экспедиции по линии Средазгеолкома, в 1936 и 1937 гг. — Термезской археологической комплексной экспедиции и погибший в 1942 г. в сражении с фашистами. В археологическом кружке Главного среднеазиатского музея сформировался к концу 20-х годов Н. Н. Вундцеттель, бывший, между прочим, участником моей Тойтубинской экспедиции 1928 г. По моему совету он овладел приемами реставрации археологических предметов у художника-антиквара М. В. Столярова. Несколько реставрационных работ Н. Н. Вундцеттеля, а также его гипсовые увеличения некоторых монет до сих пор находятся в археологических кабинетах ТашГУ. Сам он погиб во время Великой Отечественной войны. При Главном Среднеазиатском музее выпестован мной покойный ныне Т. Миргиязов, специализировавшийся по нумизматике и с 1927 г. состоявший коллектором в нескольких моих экспедициях. С 1930 г. на протяжении многих лет под моим постоянным руководством стал археологом и кандидатом исторических наук защитивший диссертацию при нашей кафедре покойный ориенталист В. Д. Жуков, участвовавший с 1934 по 1947 г. во многих возглавлявшихся мной экспедициях в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Однако такая полукустарная подготовка давала слишком малый эффект, и из некоторых воспитывавшихся при мне молодых людей археологов не получилось.

Решительный сдвиг наметился в 1939 г., когда по окончании экспедиции археологического надзора на Большом Ферганском канале ректор САГУ В. Яроцкий и декан исторического факультета Позычаюк привлекли меня к чтению археологического спецкурса, а в 1940 г. была утверждена небольшая кафедра археологии Средней Азии. Ее работе по мере возможности уделяли внимание и все последующие деканы исторического факультета: И. К. Додонов, Д. И. Лобашов, Х. А. Ерзин, Л. В. Гентшке и А. Х. Хамраев.

Школу создавал не один ее основоположник, а коллектив кафедры в целом. Члены ее не только сами по мере сил и способностей активно участвовали в научно-исследовательской работе, но круглый год втягивали в нее всех студентов, специализирующихся по археологии и объединенных в Студенческий научно-исследовательский археологический кружок (СНАК). Подготовка молодых научных работников — передача знаний, навыков, приемов методики, а также и воспитательная работа — протекала и протекает не только в аудиториях, на лекциях, но в не меньшей мере на полевой практике, в экспедициях, на научных заседаниях кафедры и СНАК, в том числе полевых. За 25 лет только на 306 заседаниях кафедры было заслушано 604 научных доклада и сообщения. В основу же воспитательной работы положен принцип личного примера.

При создании кадров своей школы кафедра главное внимание уделяла их качеству. Никогда не ставилась задача готовить кандидатов в кандидаты наук, а выпускались и выпускаются научные работники, могущие самостоятельно производить исследовательские раскопки и осуществлять научную обработку добытых материалов. Вышедшие из среднеазиатской археологической школы специалисты, многие из кото-

рых уже получили ученые степени до доктора исторических наук включительно, ведут повседневную кропотливую, вместе с тем активную археологическую работу во всех среднеазиатских республиках по линии Академий наук, институтов, органов охраны памятников, музеев, а отчасти в центральных научных учреждениях Ленинграда и Москвы.

С деятельностью археологов среднеазиатской школы связан ряд крупных работ, а также открытий, являющихся новыми вехами на пути познания прошлого народов Средней Азии.

В Таджикской ССР добрая половина всех археологических мероприятий, в том числе и реставрация памятников, проводится с участием лиц, получивших специализацию по кафедре археологии ТашГУ.

По Казахской ССР можно отметить открытие многих интересных и неизвестных до того пунктов с памятниками каменного века (Х. Алпысбаев), обнаружение и раскопки первых на территории республики ранних земледельческих поселений в Джамбульском районе и многолетние работы на памятниках, затопляемых Чардаринским водохранилищем (М. С. Мершиев).

В Киргизской ССР отметим участие воспитанников кафедры во многих археологических экспедициях как в северной, так и в южной части республики, работы на памятниках архитектуры Узгенда (Е. З. Заурова) и многолетние исследования П. Н. Кожемяко, особенно по изучению исторической географии и археологической топографии городищ Чуйской долины, в которых за последние годы принимали участие В. Д. Горячева и П. П. Гаврюшенко.

Очень много сделано по Узбекской ССР. Тут заслуживают упоминания работы по изучению ферганского городища Кува, сопровождавшиеся открытием интересных раннесредневековых буддийских памятников (канд. ист. наук В. А. Левина-Булатова, И. Ахраров и Д. П. Вархотова); изучение средневекового стекла, встречающегося на территории Узбекистана (канд. ист. наук М. Аминджанова); обнаружение и раскоп Лявандакского и Кюмазарского могильников, а также изучение курганных погребений в средней части долины Зарафшана (канд. ист. наук О. В. Обельченко); раскопки старого ташкентского городища Мингурюк (с участием студентов истфака, членов кафедры канд. ист. наук С. Б. Луниной, З. И. Усмановой, канд. ист. наук О. В. Обельченко, Ю. Ф. Бурякова, Д. Г. Зильпер); многолетнее археолого-топографическое изучение Ташкента и его района всеми членами кафедры; обнаружение и раскопки в Фергане Чустского поселения поры поздней бронзы-раннего железа (канд. ист. наук В. И. Спришевский); раскопки у мавзолея Гуримир в разные годы (с участием заведующего кафедрой, всех членов и некоторых выпускников ее); работы Самаркандской археологической комплексной экспедиции по изучению города эпохи Навои (возглавлявшейся заведующим кафедрой с участием ее членов, воспитанников и студентов); археологические вскрытия на ряде архитектурных памятников Самарканда и Бухары (Н. Б. Немцева); изучение памятников до арабского завоевания в Южном Узбекистане, в частности, обнаружение изумительных росписей Балалык-тепе и древнеиндийских рукописных памятников (канд. ист. наук Л. И. Альбаум); раскопки под руководством д-ра искусств. наук Г. А. Пугаченковой дворцового здания в Халчяне с интереснейшими памятниками скульптуры и живописи, а также других памятников (с участием Д. Н. Сидоровой, канд. ист. наук Ш. Ташходжаева, Б. Тургунова, З. Хакимова); изучение самаркандской средневековой керамики (канд. ист. наук Ш. Ташходжаев); многолетние раскопки на Афрасиабе, почти все участники которых, за малым исключением, были воспитанниками кафедры

(Д. Т. Вархотова, Я. Крикис, канд. ист. наук О. В. Обельченко, М. Пачос, Е. Б. Пругер, канд. ист. наук Ш. Ташходжаев, М. Урманова, М. Н. Федоров, М. И. Филанович и Г. В. Шишкина); работы Кешской археолого-топографической экспедиции (возглавлявшейся заведующим кафедрой с участием З. И. Усмановой, Н. И. Крашенинниковой, Т. Ходжаниязова, Л. И. Жуковой и студентов). Разработкой вопросов по истории горного дела на территории Киргизии, Таджикистана и Узбекистана занимались и занимаются В. И. Белоусов, Л. И. Жукова, Е. З. Заурова, Е. Б. Пругер и особенно много Ю. Ф. Буряков, проводивший в этом аспекте многолетнее археолого-топографическое изучение Ангренского и Чаткальского районов.

Очень много сделано среднеазиатской археологической школой для Туркменской ССР, где за 19 последних лет, начиная с 1946 г., возглавляемая кафедрой Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция своими исследовательскими маршрутными и стационарными работами с тематикой от каменного века до XIX столетия включительно охватила обширную территорию от Каспийского моря до Керков и до южных границ Хивинского оазиса. Благодаря опубликованию около 400 работ результаты ее деятельности более или менее общеизвестны. Через полевую раскопчную практику в ЮТАКЭ прошло свыше 90% всех выпускников кафедры. В качестве уже археологов нашей школы в разных отрядах экспедиции работали Ю. Ф. Буряков, А. Ф. Ганялин, К. Кацурис, Н. И. Крашенинникова, канд. ист. наук Левина, канд. ист. наук С. Б. Лунина, А. Масимов, д-р ист. наук В. М. Массон, Л. Н. Мережин, М. С. Мерщев, канд. ист. наук О. В. Обельченко, Д. Оразов, В. Н. Пилипко, д-р искусств. наук Г. А. Пугаченкова, канд. ист. наук В. И. Сарияниди, канд. ист. наук Ш. Ташходжаев, Г. Е. Трапезников, З. И. Усманова, М. И. Филанович, Т. Ходжаниязов.

Количество всех экспедиций и полевых работ, в которых принимали и принимают участие археологи среднеазиатской школы, исчисляется сотнями.

Поле деятельности для археолога в Средней Азии почти безгранично. Важность ставящихся на разрешение проблем, широта охвата во времени и по территории, комплексность при изучении, применение передовой методики, контакт с представителями других отраслей знания — все это обеспечивает будущность среднеазиатской школе, причем кафедра продолжает делать попытки привлечения к своей работе кибернетики путем постановки в ТашГУ спецкурса «Применение математических методов к историческим исследованиям».

Подлинный адепт любой советской научной школы бескорыстно служит народу через свою науку и делает все от него зависящее, чтобы преемственно передать знания и опыт, полученные от учителя и приобретенные в процессе собственной работы, следующему поколению молодежи. Если специалист копнит знания для эгоистических целей, использует свое положение и науку в личных интересах (карьеры или материального благополучия), пытаясь превратить науку в служанку-пособницу, то он чужак, и пропасть отделяет его от тех, кто определяется высоким понятием «ученик». Право на последнее звание характеризуется в большей мере моральный облик ученого, чем любая ученая степень.

«В семье не без урода», и не все выпускники нашего университета с дипломом археолога могут считаться учениками среднеазиатской археологической школы. Но это исключение.

В отношении подавляющего большинства я могу с удовлетворением произнести — *Successoribus rem serio commendo*.

Добросовестно служа Родине, ученики среднеазиатской археологической школы, не теряя связи с идейной направленностью своей Alma mater, уверенно работая каждый на своем поприще, делают и сделают во славу советской науки столько, сколько их учитель не смог бы сделать за несколько сот лет. В автографах на работах, подносимых мне в последние годы некоторыми живущими вне Средней Азии авторами, стали появляться слова: «патриарху археологии Средней Азии». Во всяком случае, как старейший специалист из числа лиц, приобщившихся к среднеазиатской археологии еще в дореволюционное время, я желаю своим ученикам, т. е. моим дочерям и сыновьям, внукам и внучкам в науке, больше дерзаний, больше требовательности к самим себе, так как ценность вклада в сокровищницу знания определяется не количеством печатных листов, а качеством работ, и успешного продвижения по пути предстоящего дальнейшего расцвета советской археологии на подступах к коммунизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Массон М. Е. Научная работа кафедры археологии Средней Азии исторического факультета САГУ, «Археология Средней Азии», I, Труды САГУ, вып. 11, Ташкент, 1950, стр. 3; Лунина С. Б. и Массон М. Е. Кафедра археологии Средней Азии САГУ, «Археология Средней Азии», VI, Труды ТашГУ, вып. 200, Ташкент, 1963, стр. 7.

² Массон М. Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узкоколейной железной дороги в 1923 г., «Известия Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926.

³ Беленицкий А. М. Вопросы топографии и социально-экономической структуры раннефеодального города Средней Азии. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г.», М., 1964, стр. 56.

⁴ Массон М. Е. Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии, Комитет наук УзССР, Ташкент, 1937.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

К ДИСКУССИИ О «СОТЕРЕ МЕГАСЕ»

В науке нередко случается, что сложный, дискуссионный вопрос как будто получает, наконец, глубоко аргументированное решение, которое вдруг опять подвергается сомнению, тем самым вновь возвращая проблему к первоначальному хаосу многочисленных догадок и предположений.

Это случилось с монетами так называемого «Сотера Мегаса», которые в огромном числе находили (и находят) на территории Пакистана, Афганистана, юга Узбекской и Таджикской ССР, а одиночные экземпляры встречаются и в более удаленных районах — вплоть до Ташкента на севере и Мальве на юге. Они насчитывают до шести групп, содержащих лишь титулату и эпитет «Царь царей, великий спаситель», начертанные несколько искаженным греческим шрифтом [ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΗΤΕΡΜΕΓΑΣ] а на двух (менее распространенных) монетных группах — также письмом карошти [Maharajasa gadjadirajasa mahatasa tratarasa]. За отсутствием имени, инкогнито лица, с которым связана эта монетная эмиссия, оставалось нерасшифрованным, породив множество гипотез. Одни усматривали в безымянном царе Виму Кадфиза, другие — его наместника, правившего в индийских областях, третьи связывали его не с кушанской, но с индо-сакской или Финдо-парфянской династией, четвертые видели здесь собирательный чекан целого ряда государей или наместников кушанской Индии и т. д.

Разбор этих точек зрения был осуществлен в исследовании М. Е. Массона «Происхождение безымянного царя царей — великого спасителя»¹, пришедшего к выводу о их несостоятельности. Типологическая классификация и детальный анализ состава и распространения монетных кладов, особенностей чекана, палеографических деталей, титулатуры, тамговидных знаков и ряда реалий привели его к заключению, что инкогнито Сотера Мегаса не может быть расшифровано иначе, как отнесением его обширного чекана к основателю могущества Кушанов Кадфизу I, оперировавшему в Средней Азии в пору расцвета здесь рабовладельческого общества².

Основные доводы в пользу такого заключения сводятся — в самых общих чертах — к следующему. При большом разнообразии типов монеты «безымянного царя» объединяются в особый комплекс, связанный с чеканом единого правителя. Ареал их в основном охватывает Пенджаб, Кабулистан, право- и левобережный Тохаристан до долины Кашкадарьи, т. е. коренные земли государства Кушан. Большая численность найденных монетных кружков и сильная потертость их — свиде-

тельство многолетнего рыночного хождения в пределах долговременного царствования. Проставление одного лишь громкого титула — показатель большой известности правителя, выпускавшего монету, «царя царей», не нуждавшегося в выделении своего личного имени. Эклектичность типологических и изобразительных элементов (невыработанность типов, заимствование изображений и легенд с монет Герая, греко-бактрийских, греко-индийских и индо-скифских правителей I в. до н. э. — первой половины I в. н. э., одновременное применение разнообразных начертаний буквенных знаков явно трансформировавшегося тогда греческого алфавита и т. д.) является показателем некоего переходного периода в истории государства, находившегося на пути выработки собственного стиля, алфавита и стандартов. Своеобразна тамга — с тремя, реже — с четырьмя зубцами над кружком, которая, несомненно, связана с кушанскими тамгами, известными по монетам Кадфиза II, Канишки и др., типологически явно предшествуя им. Наконец, анализ исторической ситуации, кратко изложенной в древних хрониках, которые повествуют о Кадфизе I как объединителе разрозненных смежных юедажийских владений, располагавшихся в бассейнах Пенджабай Кабула и Амударьи — все это позволяет прийти к заключению, что если «именной» чекан Кадфиза I был связан с ранним периодом его правления, когда он еще фигурирует как «ябгу» (вождь — царек своего небольшого народа), то огромная монетная эмиссия «великого спасителя» падает на то время, когда Кузула Кадфиз становится «царем царей» огромной кушанской империи, каковой он правил долгие годы, прожив до 80 лет.

Исследование М. Е. Массона как будто поставило, наконец, на место большую, но неясную нумизматическую группу. Однако в последнее время в советской печати появились утверждения о якобы несостоятельности его концепции, причем публикация этих возражений в академических научных изданиях уже тем самым придавала им определенную весомость.

Для археологов, работающих в районах Приамударьинского бассейна (т. е. древней Бактрии — Тохаристана), вопрос о «безымянном царе» в настоящее время имеет животрепещущий интерес, ибо монеты Сотера Мегаса неизменно встречаются здесь на античных городищах как в подъемном материале, так и в определенных археологических слоях. И если решение вопроса Сотер Мегас = Кадфиз I давало, наконец, некий хронологический ключ, то отрицание этого вывода вновь лишило исследователей опорной точки.

Рассмотрим возражения противников данной концепции.

Б. Я. Ставиский в примечании к одной из своих статей пишет, будто отождествление Сотера Мегаса с Кадфизом I «... вряд ли может быть принято, так как М. Е. Массон при пересмотре вопроса о монетах «безымянного царя», во-первых, опирался на мнимую малочисленность монет Кадфиза I и, во-вторых, исходил из положения Смита-Маршалла, считавших «датой Канишки» 128 г. н. э. Если же учитывать все находки монет Кадфиза I и исходить из 78 г. н. э. как года воцарения Канишки (а большинство советских исследователей принимает именно эту дату), то построение М. Е. Массона оказывается слабо аргументированным»³. Полагая, что этого примечания достаточно для того, чтобы далее «с ходу» связать чекан Сотера Мегаса с Вимой Кадфизом, и, оперируя этим, как уже доказанным положением, Б. Я. Ставиский использует данные того же М. Е. Массона (уже без ссылки) об ареале и северных границах распространения монет «безымянного царя» для

доказательства распространения владычества Кушан за пределы северной Бактрии при Кадфизе II.

Зачеркивая двумя фразами итог большого, скрупулезного исследования, автор выдвигает в упомянутом примечании лишь два весьма неполновесных довода, не имеющих прямого отношения к подлинной аргументации его предшественника. Последний отнюдь не опирается на «мнимую малочисленность» монет Кадфиза I, но говорит об их известном соотношении с монетами Сотера Мегаса главным образом в бактрийских районах. Что касается утверждения, будто бы он строит свой вывод на «поздней» дате Канишки (которой, между прочим, придерживается и доньне Р. Гиршман и некоторые другие видные исследователи), то это далеко не так, ибо М. Е. Массон, напротив, трижды оговаривает условность и спорность принятой В. Смитом и др. хронологии царствования первых кушанских царей⁴, а в заключении статьи прямо выдвигает более раннюю датировку правления Кадфиза I⁵, вполне отвечающую и «ранней» дате Канишки.

Более основательно подошел к рассмотрению этого вопроса Е. В. Зеймаль. Отмечая распространенность среди зарубежных ученых старой точки зрения А. Каннингема, сблизившего «безымянного царя» с Вимой Кадфизом или его наместником, Е. В. Зеймаль приходит к заключению, будто «отожествление безымянного царя с Кадфизом I, предлагавшееся М. Е. Массоном, противоречит в настоящее время тем данным, которые накоплены наукой, и что более правильно считать эти монеты относящимися ко времени правления Вимы Кадфиза или Канишки»⁶.

Следует отметить, что ссылки автора на ряд предшествующих исследований М. Е. Массона нумизматических публикаций, в которых якобы дается отождествление Сотера Мегаса с Вимой Кадфизом или его индийским наместником, страдают неточностью интерпретаций. Так, к примеру, он ссылается: а) на статью A. Cunningham. Coins of the Kushans or Great Yue-ti (NC, 1892, pt. 1, p. 72), где (в действительности на стр. 71—72) А. Каннингем лишь говорит о некоторых сходных элементах в чекане Вимы Кадфиза и «безымянного царя», не предлагая никаких отождествлений; б) на статью A. Cunningham. Coins of the Sacas, (NC, 1890, pt. IV, стр. 115), где А. Каннингем, наоборот, решительно отказывается от своего прежнего отождествления «безымянного царя» с Вимой Кадфизом или с Викрашадита, а на стр. 115—117 предлагает новое отождествление его с сакским царем — правителем Синда Баркамарисом; в) на статью R. B. Whitehead. Two coins of «Soter Megas», IRAS, July, 1913 (без указания страниц) где Р. Уайтхэд на стр. 658 рассматривает «безымянного царя» как наместника не только Вимы Кадфиза, но и Кузулы Кадфиза (!) в индийских владениях; г) на монетный каталог Пенджабского музея того же автора, где последний опять-таки считает Сотера Мегаса современником одного из Кадфизов (R. B. Whitehead. Catalogue of Coins in the Punjab Museum, Lahor, vol. 1, Oxford, 1914, p. 161). Приведенные примеры невольно заставляют сомневаться в точности подобной ссылочной аппаратуры.

Исследование М. Е. Массона «Происхождение безымянного царя» было написано в 1943 г. (увидело свет лишь в 1950 г.)⁷, и, естественно, за 20 лет наукой накоплены новые важные факты. Для подкрепления своей точки зрения Е. В. Зеймаль ссылается на последние публикации Дж. Маршалла, Р. Гиршмана, И. ван-Лохвизен де Леев.

Ссылка Е. В. Зеймалю на книгу И. ван-Лохвизен де Леев «Скифский период» вызывает недоумение, поскольку ее автор не только не принимает, но оспаривает как точку зрения Л. Бахофера о тождестве Соте-

ра Мегаса с Вимой Кадфизом, так и мнение С. Конова, считавшего Сотера Мегаса наместником («вице-королем») Вимы Кадфиза в Индии; сама же И. ван-Лохвизен де Леев полагает, что «правильнее всего считать этот вопрос неразрешенным»⁸.

Р. Гиршман затронул вопрос о Сотере Мегасе в связи с анализом серебряной декадрахмы из частного тегеранского собрания⁹. Опубликованную им монету можно было бы назвать уникальной, поскольку она совершенно не имеет себе аналогий, если бы все ее особенности не вызвали уверенности, что это грубый фальсификат, какими — увы! — за рубежом нередко полны коллекции, пополняемые на частном нумизматическом рынке. Отсылая к глубоко аргументированному доказательству принадлежности этой монеты к продукции фальшивомонетчика, приведенному в статье Р. Гббля¹⁰, отметим, в свою очередь, бросающиеся в глаза особенности ее. Монета эта — с именем Вимы Кадфиза на одной стороне и Канишки на другой — литая, а не чеканенная и изготовлена из мягкого серебра, в то время как для монетных эмиссий обеих этих государей типичны медный и золотой чекан. Надписи выполнены неграмотно не только в части начертания букв: даже слова «Базилеос Канишка» выбиты зеркально-обратно, так как, очевидно, матрица была скопирована неумелым резчиком в прямом изображении. Голова на аверсе, где имеется имя Вимы Кадфиза, абсолютно не похожа на изображения этого царя на его подлинных монетах и явно некушанская по типу. Даже, если допустить, что обе стороны монетного знака скопированы фальшивомонетчиком с подлинных монет, аргументация Р. Гиршмана, основанная: а) на том, что лишь у Канишки надписи на монетах греческие, в то время как у его предшественников — Кадфизов I и II и Сотера Мегаса — двуязычные (греческое письмо и карошти); б) на наличии знака, напоминающего знак «ви», который встречается на монетах Сотера Мегаса; в) на допущении, будто стоящая фигура в длинном кафтане и сапогах сходна с Зевсом на некоторых его монетах — отнюдь недостаточна для идентификации Сотера Мегаса с Канишкой, особенно, если учесть, что в своем целом монетные типы того и другого прямых аналогий ни между собой, ни с публикуемой декадрахмой не имеют.

Большое значение имеют археологические данные, полученные при раскопках Дж. Маршалла в Таксиле. В сако-парфянской части этого городища — Сиркапе обнаружено было при 2500 «именных» монет Кузулы Кадфиза лишь 12 монет Сотера Мегаса, 16 — Вимы Кадфиза, 39 — Канишки, 5 — Хувишки, 27 — Васудевы¹¹.

В вопросе о роли Кадфизов I и II в завоевании Таксилы и прочном закреплении здесь Кушанов Дж. Маршалл высказал гипотезы, на которые затем опирался, как на уже доказанные положения. Отмечая в Сиркапе изобилие монет Кадфиза I, он все же настаивал на том, что не этот государь включил в свои владения Гандхару и Таксилу, а сын его Кадфиз II, поскольку древняя хроника говорит о завоевании Индии Вимой Кадфизом, поставившим здесь своего губернатора¹². Между тем, в этой хронике говорится, что Кадфиз I уже овладел Гибинью (которую большинство исследователей отождествляет с Кашмиром)¹³. Походы же Вимы Кадфиза лишь довершили начатое его отцом завоевание значительной части Индии (в частности при нем была завоевана Матхура), о чем, очевидно, и идет речь в древних источниках. Во всяком случае, обилие монет Кадфиза I в Таксиле служит чрезвычайно прочным аргументом в пользу того, что именно при нем эта область была подчинена Кушанам. Неубедительна попытка Дж. Маршалла отнести к чекану Вимы Кадфиза монеты группы Кузулы Кара-Кадафиза, основанная

лишь на отдаленной общности «кара» с позднетуркестанским «кала» (принцип).

Вместе с тем, наличие большого числа монет Кузулы Кадфиза в Сиркапе ничем особенно не противоречит позиции о принадлежности монет Сотера Мегаса к чекану Кадфиза I уже той поры, когда он из удельного царька-ябгу и удачливого полководца стал могущественным правителем огромной державы, поскольку упомянутые «именные» монеты этого царя из Таксилы относятся к раннему периоду его правления. Очевидно, ко времени подчинения Таксилы они составляли основную эмиссию Кадфиза I во вновь завоеванной провинции. Но во втором периоде правления, когда для закрепления результатов своих завоеваний Кадфиз I предпринимает крупное строительство, жизнь в Таксиле перемещается из сако-парфянского города Сиркапа на соседние территории; сам Дж. Маршалл считает кушанским городом Сирсукх, но связывая процесс перемещения опять-таки с Вимой Кадфизом¹⁴. Раскопки же на этом пункте, а также на буграх Джармараджика, Ходер Мохра, Акхаури, Калаван, Джандиал, Джолиан дали пропорционально равное соотношение монет Сотера Мегаса, Кадфиза II и других «Великих Кушан»²⁵. В частности, если в Сиркапе обнаружено 12 монет Сотера Мегаса, то на остальных пунктах — 81, при значительно меньшем числе именных монет Кадфиза¹⁶.

Дж. Маршалл не отождествляет Сотера Мегаса с Кадфизом II, но (присоединяясь, по существу, к старой точке зрения В. Смита и С. Конова) полагает, что Сотер Мегас мог быть наместником, назначенным Вимой Кадфизом управлять новыми индийскими владениями в его отсутствие¹⁷. Однако ареал монет Сотера Мегаса никак не согласуется с этой точкой зрения, так как возникает резонный вопрос — почему монетные знаки наместника далеких индийских провинций получили столь широкое распространение в областях Кабулистана, к северу от Гиндукуша, по всему Приамударьинскому бассейну? Оно могло иметь место лишь при признании общегосударственного значения чекана Сотера Мегаса как прерогативы могущественного «царя царей», обладателя обширных владений.

Итак, как видим, ссылка Е. В. Зеймаля на иностранные авторитеты пока отнюдь не подкрепляет его утверждения, будто новые научные данные противоречат отождествлению Сотера Мегаса с Кузулой Кадфизом и свидетельствуют о синхронности монет Сотера Мегаса с временем правления Вимы Кадфиза, вплоть до воцарения Канишки.

Какие же еще доводы выдвигаются в статье Е. В. Зеймаля? Следует отметить, что он не вполне объективен, утверждая, будто обоснования его предшественника построены лишь: а) на утверждении об одинаковых ареалах монет «безымянного царя» и Кузулы Кадфиза, чему «противоречит полное отсутствие зарегистрированных находок монет Кадфиза I к северу от Амударьи и обилие на той же территории чекана «Сотера Мегаса»¹⁸; б) на эпиграфическом анализе, который из-за неразработанности вопросов эволюции греческого шрифта на среднеазиатских монетах может быть использован лишь в сочетании с другими, не эпиграфическими материалами¹⁹. Но на это можно возразить, что а) М. Е. Массон не говорит об одинаковых ареалах, но как раз подчеркивает, что монеты Кадфиза I крайне редко встречаются на территории Средней Азии, а монеты «безымянного царя» — в изобилии²⁰ и б) анализ М. Е. Массона строится отнюдь не на рассмотрении лишь эпиграфической стороны легенд, но, как указано выше, всего цикла изобразительных мотивов²¹. А это весьма существенно, ибо тема владения на коне, следующая традиции кушанца царя Герая и индо-сак-

ских правителей, тип ободка, восходящего к ободкам греко-бактрийских монет и к чекану Герая, профильное (поворот вправо) изображение головы царя на аверсе — подобно монетам Герая и Гермея, образ сидящего на троне Зевса, близкий к монетам Гермея, — все это тяготеет к традициям, непосредственно предшествующим Кадфизу I, не встречая адекватных черт в последующем кушанском чекане; кушанская же тамга Сотера Мегаса отлична от тамг Кадфиза II и других кушанских царей. И если отдельные детали эпиграфики и титулатуры монет Сотера Мегаса вошли в некоторые монетные типы Кадфиза II, то это может быть объяснено традиционной преемственностью в пределах единой генеалогической линии.

Е. В. Зеймаль привлекает уникальную монету, описанную А. Каннингемом, на которой представлены два сросшихся лица под «индоскифским» шлемом — с бородатым профилем и тамгой Сотера Мегаса справа; на обороте — фигура вправо перед жертвенником²². Как любезно сообщил нам проф. А. Нарайн, при осмотре данной монеты он установил, что это — фальсификат.

В пользу сближения безымянного царя с Кадфизом I могут быть привлечены, на наш взгляд, также детали портретной иконографии. В составе «именных» монет Кадфиза I известна группа, где на аверсе переданы профиль и имя Гермея, а на обороте изображен Геракл и приведено имя Кузулы Кадфиза. Другая монетная группа уже несет на аверсе несколько отличный профиль и упоминание в круговой греческой легенде «вождя [ябгу] кушанов Кузула Кадфиза», а на обороте ту же легенду, писанную карошти, и фигуру царя или божества, восседающего на троне. Исследователи отмечают общность изображения на аверсе с чеканом Августа (около 12 г.)²³, либо Тиберия (14—37 гг.) или Клавдия (41—54 гг.)²⁴, а трона — якобы с курульным креслом. На этом основании здесь усматривается заимствование римского монетного типа, поскольку в эту пору Средний Восток начинает налаживать экономические связи с Римом. Этот глубоко укоренившийся в нумизматической литературе традиционный взгляд вызывает, однако, серьезные сомнения. Упомянутая группа чекана Кадфиза I явно следует монетному типу Гермея, который, в свою очередь, целиком связан с греко-бактрийской нумизматической традицией. Важно и другое: при Кадфизе I еще не было перехода на золотой номинал. Трудно представить, чтобы тип римского ауреуса был механически перенесен на медь, так как здесь немислим никаким денежным эквивалент. Портретный профиль Сотера Мегаса становится в единый стилистический ряд вместе с Гермеем и Кадфизом I. Все три монетных изображения передают типологически сходный обращенный вправо безбородый и безусый мужской профиль, с короткой разделанной бугорками кудрявой прической, перехваченной диадемой, концы которой раздваиваются на затылке. Однако индивидуальные отличия профиля несомненны — у Гермея он тяжелый, у Кадфиза I и Сотера Мегаса худощавый. У последнего нововведением является иногда лучистый ореол вокруг головы. Вряд ли монетарий использует и в данном случае римскую нумизматическую традицию, где ореолом снабжались на монетах лишь профили усопших императоров²⁵. Здесь скорее всего подчеркивается богоданный характер власти «царя царей».

Между тем достаточно беглого взгляда на портретный профиль Вимы Кадфиза (обращенный то вправо, то влево), чтобы убедиться, насколько же иному стилистическому кругу он принадлежит. В сравнении с Сотером Мегасом черты его совершенно отличны — мясистое лицо, густая борода и усы, овальная шапка, закрывающая волосы. Важно и

другое: изображение Вимы Кадфиза принадлежит иному художественному мировоззрению, в котором принципы индивидуальной портретной скульптуры уступают место той холодной, иератической трактовке царского образа, которая присуща позднекушанской монументальной пластике.

Маркварт уже отмечал последовательные фазы расширения титулатуры в «именном» чекане Кадфиза I, который вначале именуется простым ябгу, далее — «магараджа-мага», что соответствует греческому «Базилеос Мегас» и совпадает с титулом «великий царь», упоминаемым в отношении Кузулы Кадфиза в Ху-Хань-шу. Затем из титулатуры на монетах исчезает «ябгу Кушан», и царь фигурирует уже как «магараджа раджатираджа» (греч. «Базилеос Базилеон») с появлением также промежуточного слова «кара» и именуется «девапутра» (соответствует согдийскому *دېۋاپوترا*)²⁶. Титул же безымянного царя «Базилеос Базилеон» дополняется, как мы видим, еще и эпитетом «Сотер Мегас» — «великий спаситель», каковым Кадфиз I, очевидно, возвещал о себе вошедшим под его царский скипетр народам.

Интересно привлечь новые данные, приведенные в публикациях итальянского нумизмата А. Симонетта. Ссылаясь на Р. Уайтхеда о наличии якобы надчекана Сотера Мегаса на некоторых монетах Вимы Кадфиза, он сам приводит интереснейшие образцы надчекана арахозского типа царя Пакура на монетах Сотера Мегаса и приходит к заключению о синхронности этих правителей, полагая, что этот «таинственный персонаж» — Сотер Мегас в конце концов был устранен Вимой Кадфизом. В таблице сравнительной хронологии (с оговоркой об известной приблизительности дат) А. Симонетта ставит Сотера Мегаса в пределах 35—50 гг., Пакура — 35—55 гг., а начало правления Вимы Кадфиза — в 50-м г.²⁷ В статье А. Симонетта вызывает недоумение ссылка на каталог Р. Уайтхеда, в котором ничего не говорится о надчекане Сотера Мегаса на монетах Вимы Кадфиза²⁸. На посланный запрос итальянский нумизмат любезно пояснил, что он считает таковым опубликованную в данном каталоге под № 96 монету с традиционным всадником на реверсе и человеческой фигуркой с протянутой рукой на аверсе. В действительности никаких данных о надчекане здесь нет и в помине, монета же эта принадлежит к хорошо известной третьей группе (по классификации М. Е. Массона) монет «безымянного царя».

Иное дело опубликованные А. Симонетта монеты с очень отчетливым надчеканом Пакура на монетах Сотера Мегаса. В связи с тем, что хронология парфянских правителей относительно точна (при колебании некоторых дат в пределах лишь нескольких годов), в противовес кушанской, в отношении которой царит крайний разнородный датировок, с разницей во много десятилетий, приобретают огромное значение находки монет Сотера Мегаса с надчеканом Пакура, определяющих относительно раннюю — в пределах первой половины I в. н. э. — их датировку, вполне отвечающую времени правления Кадфиза I.

Проблема абсолютной датировки правления кушанских царей, связанная с давнишним спором об «эре Сака» — 78 г. н. э., которую часть исследователей отождествляет с «датой Канишки», другие — с победой Вимы Кадфиза над Малава, сдвигая воцарение Канишки к 128 г. и даже к 144 г., до сих пор служит предметом бесконечных дискуссий. Даже специальный симпозиум по этой теме (Лондон, 1960) не привел к единому мнению, хотя подавляющее большинство исследователей все же склоняется к положению «эра Сака» = «эра Канишки». Исходя из этой даты, по сопоставлению с историческими и нумизматическими дан-

ными И. ван Лохвизен де Леев приходит к датировке правления Кузулы Кадфиза ± 25 г. до н. э. ± 35 г. н. э.²⁹ А. К. Нарайн выдвигает несколько более позднюю дату — с первой декады I в. до н. э. — 60 г. н. э.³⁰ А. Симонетта определяет ее (с оговоркой на приблизительность) с 10 в. до н. э. по 40 г. н. э., выделяя отдельно царствование Кадафиза (10—50 гг. н. э.)³¹. М. Е. Массон в свое время также пришел к близкой датировке правления Кадфиза I самым концом I в. до н. э. — первой половине I в. н. э.³²

Поскольку археологические исследования настоятельно выдвигают необходимость уточнения дат, то, исходя из обоснованных выше данных обращения чекана Сотера Мегаса во второй половине правления Кадфиза I и опираясь на хронологию Кушан, выдвинутую упомянутыми видными исследователями, отождествляющими эру Сака с эрой Канишки, монеты Сотера Мегаса можно поставить примерно в рамках второго — пятого десятилетий I в. н. э.

Обратимся к некоторым археологическим наблюдениям. Указанной дате обращения монет Сотера Мегаса не противоречит характер тех археологических комплексов, в которых они обнаружены, что в свое время отмечалось исследователями Кей-Кобад-шаха³³. Этому положению отвечают и наши работы на городище Халчаян³⁴. Весьма интересно сопоставить соотношения предкушанских и кушанских монет, полученных во время археологических исследований на территории Афганистана, Узбекской и Таджикской ССР.

Ж. Акэн в предварительной (весьма общей по своему характеру) сводке о монетных находках на территории Афганистана³⁵ отмечал в Юго-Западном Кабулистане чрезвычайное обилие монет Гермея, Сотера Мегаса и Кушан при наличии также монет Аполлодота и Гандофара (к сожалению процентного соотношения монетных знаков кушанских государей он не уточнил)³⁶; в Восточном Кабулистане (Беграм и др.) — монеты поздних греко-бактрийских царей (с преобладанием чекана Менаандра), изобилие монет Сотера Мегаса и Кушан³⁷; в Северном Афганистане (Балх — Таш-Курган, т. е. левобережная Бактрия), наряду с чеканом греко-бактрийских царей, монеты Герая³⁸ и значительное число монетных знаков Кушан; хотя монеты Сотера Мегаса на сводной карте Акэн в данном районе не указаны, при последующих раскопках работ они были здесь обнаружены.

Более конкретные представления получены при археологических работах французской археологической делегации в Афганистане. Раскопки Р. Гиршмана в западной части городища Беграм дали три стратиграфических горизонта. Нижний слой (Беграм-1) содержит 49 монет индо-греческих царей от Евкратиды до Гермея, 25 — индо-скифских и индо-парфянских (в основном Гандофара), 59 — Кузулы Кадфиза (с Гермеем и одиночного), 29 — Сотера Мегаса и 26 — Вимы Кадфиза³⁹. В составе монет из так называемого «Нового царского города» имеется значительное число монетных кружков всех кушанских государей, в том числе Сотера Мегаса⁴⁰. Эти соотношения лишь свидетельствуют, что, как и Таксила (может быть даже ранее), Кабулистан был подчинен Кадфизу I еще в пору его соправления с Гермеем, далее — как самостоятельного «ябгу», а затем уже и «царя царей». Гораздо показательнее соотношение монетных находок из сектора «Базара» в Беграме, обнаружение которых на участке рыночных строений большого античного города особенно важно, поскольку они иллюстрируют состав наиболее ходовой монеты. Здесь при раскопках извлечено три монеты Гермея, четыре Сотера Мегаса, восемь Кадфиза II, семь Канишки и т. д.⁴¹; монеты Сотера Мегаса, таким образом, восполняют этап Кадфиза I, по-

скольку в жизни «Базара» не отмечено никаких археологических пере-
рывов. Исключительно интересны стратиграфические наблюдения в
участке «Южного въезда» у городских укреплений Беграма. Комплекс
верхних построек здесь определяют два строительных периода, из ко-
торых один датируется монетами Кадфиза II и Канишки, а другой —
Хувишки и Васудевы⁴². Между тем, в составе монетных находок, из-
влеченных из остатков самых нижних сооружений, предшествующих
возведению этих связанных с фортификацией построек, содержатся мо-
неты Аполлодота, Гермея, Кадфиза I и Сотера Мегаса⁴³. Здесь, следо-
вательно, прямо подтверждается связь Сотера Мегаса со временем
правления Кадфиза I, в то время как монеты Кадфиза II относятся к
лежащему выше стратиграфическому горизонту.

Весьма характерна стратиграфия одного из шурфов в древнем
Балхе. На уровне от 5,70 до 8,50 м от репера здесь были найдены мо-
неты Великих Кушан, а в предшествующем им слое на глуби-
не 10,75 м оказалась монета Сотера Мегаса⁴⁴. При разведочных раскоп-
ках на городище Шахри-Бану близ Таш-Кургана найдена одна монета
Евтидема, две Гелиокла (или его подражаний), две Сотера Мегаса,
одна Вимы Кадфиза, одна Хувишки⁴⁵.

Итак, и в Кабулистане и Балхской области (т. е. на территории
левобережной Бактрии) монеты Сотера Мегаса в некоторых случаях
либо заполняют лакуну между Гермеем, с одной стороны, и чеканом
Вимы Кадфиза — с другой, либо стратиграфически предшествуют Виме
Кадфизу⁴⁶.

Теперь обратимся к материалам советских археологических экспеди-
ций в области правобережной Бактрии.

В Термезском районе отмечено следующее. В самом древнем Термезе,
по данным М. Е. Массона, при работах Термезской археологической
комплексной экспедиции 1936—1938 гг. получены или зарегистрированы,
помимо греко-бактрийских монет, монеты Вимы Кадфиза и последующих
Кушан, большой процент Сотера Мегаса, при отсутствии Кадфиза I.
На античных в своей основе городищах Анхорского района Зартепа и
Хайрабаттепа, где Л. И. Альбаумом и В. Д. Жуковым получен большо-
й нумизматический сбор, из числа уже определенных монет имеется
две монеты Гелиокла (точнее — его «варварских подражаний» II—I вв.
до н. э.), одна Гиркода и одна Сападбиза (I в. до н. э.), группа монет
Канишки, Хувишки и Васудевы (конец I—III вв.) и 34 монеты Сотера
Мегаса⁴⁷. Среди монетных находок в Халчаяне мы имеем одну монету
Деметрия, восемь монет «варварского Гелиокла», четырнадцать Сотера
Мегаса, две Кадфиза II, семь Канишки, шесть Хувишки, четыре Васу-
девы I и пять Васудевы II. При раскопках на городище Кей-Кобад-шах
(древний Кобадзиан) обнаружена монета Герая, две — Сотера Мегаса⁴⁸
и одна Вимы Кадфиза⁴⁹. Среди находок на античном городище Шахри-
нау в Гиссарской долине имеются монеты «варварского Гелиокла», Со-
тера Мегаса и Вимы Кадфиза⁵⁰. Суммарная же сводка монетных нахо-
док в Южном Таджикистане, уточненных по месту их обнаружения, а
кое-где полученных в археологически зажатых слоях, дает пять круж-
ков «варварского Гелиокла»⁵¹, один Герая, четыре Кадфиза II, восемь
Канишки, несколько экземпляров последующих царей при двадцати
двух монетах Сотера Мегаса⁵².

Как видим, и в правобережной Бактрии лакуну периода правления
Кадфиза I логически заполняет монетный чекан Сотера Мегаса.

Таким образом, уровень современных знаний по существу не толь-
ко не колеблет, но подкрепляет правомерность отнесения массового че-
кана Сотера Мегаса ко второму периоду правления Кадфиза I, когда,

подчинив себе ряд владений, управляемых мелкими царьками, и последовательно изменив титулатуру с «ябгу» на «великого царя», он, наконец, счел возможным присвоить титул царь царей», а затем и эпитет «Сотер Мегас». В этой связи уместно вспомнить характеристику Бактрии, относящуюся ко II в. до н. э., где говорится, что область эта не имеет верховного государя, но распалась на пять небольших владений с собственными правителями во главе, в силу чего «народ слаб и боится войны»⁵³. Создав свыше столетия спустя единоподданную монархию, включившую все эти пять владений, и обеспечив подданым безопасностью от внешних вторжений, Кадфиз I как бы возвещал о своей высокой спасительной миссии, вводя эпитет «великий спаситель» в массовый общегосударственный чекан обширных монетных эмиссий, насчитывающий несколько близких типологических групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей» — «великого спасителя». Труды САГУ, вып. II, Ташкент, 1950, стр. 11—49.

² Там же, стр. 44.

³ Ставиский Б. Я. О северных границах кушанского государства, ВДИ, 1961, № 1, стр. 113, прим. 42.

⁴ Массон М. Е. Указ. соч., стр. 38, 39, 42.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ Зеймаль Е. В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, «Известия отделения общественных наук ТаджССР», вып. I (22), 1960, стр. 118—123; он же. Археологические разведки в Гиссарской долине. Археологические работы в Таджикистане, вып. 6, 1961, стр. 135. Опираясь на указанную статью Е. В. Зеймаля и на якобы совпадение ареала распространения монет Сотера Мегаса и Канишки, Б. А. Литвинский высказался в пользу отнесения их к царствованию Канишки (см. История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 356—357, прим. 55).

⁷ Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ, «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета», вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 189.

⁸ Van Lohuizen de Leeuw J. E. The «Scythian» Period. Leiden, 1949, p. 375.

⁹ Ghirshman R. Un décadrachme koushan inédit, «Melanges Louis Massignol», Institut Français de Damas, 1957, pp. 259—267; он же. Le problème de la chronologie des Kouchans, Cahier d'histoire Mondial, vol. III, Neuchâtel, 1957, ss. 380—384.

¹⁰ Göbl R. Zwei neuere Fälschungen, В книге F. Altheim. Geschichte der Gunnen, Berlin, 1959, ss. 380—384.

¹¹ Marshall J. Taxila, Cambridge, 1959, p. 212.

¹² Там же, стр. 66; на стр. 212 и 786 автор излагает свое предположение, как уже доказанный факт.

¹³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 227—228.

¹⁴ Marshall J. Taxila, p. 68.

¹⁵ Там же, p. 221, 239, 240, 247, 279, 289, 292—293, 319.

¹⁶ Там же, стр. 786.

¹⁷ Там же, стр. 68—69, 100.

¹⁸ Зеймаль Е. В. Указ. соч., стр. 120.

¹⁹ Там же, стр. 120—121.

²⁰ Массон М. Е. Указ. соч., стр. 42, 43.

²¹ Там же, стр. 19—22, 24, 35—38.

²² Cunningham A. Coins of the Kushans or Great Yue-ti. Numismatic Chronicle, vol. XII, London, 1892, pl. XV, No 14, p. 55—56.

²³ Там же, стр. 46; V. Smith. Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta, Oxford, 1906, pl. XI, 3, p. 66—67.

²⁴ Narain A. K. The Indo-Greeks, Oxford, 1957, p. 160—161, прим. 7; Rauchs u d r i H. Political History of Ancient India, Calcutta, 1950, p. 462, прим. 3, где приведена литература вопроса. Cp. Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum, vol. I, London, 1923, pl. I c.

²⁵ Mattingly H., p. lxiv-lxv.

²⁶ Marquart J. Eranshahr, Berlin, 1901, s. 209.

²⁷ Simonetta A. M. An Essay on the so Called «Indo-Greek» Coinage. «East

and West», vol. VIII, 1957, No 1, p. 49, pl. 3—1; он же. A New Essay on the Indo-Greeks. The Saka and the Pahlava, «East and West», vol. IX, 1958, No 3, p. 171, pl. XII.

²⁸ Whitehead R. B. Catalogue of Coins in the Punjab Museum, Lahor, vol. I, Oxford, 1914, p. 160 сл.

²⁹ Van Lohuizen de Leeuw J. E. p. 27 сл, 356.

³⁰ Narain A. K. The Indo-Greeks, p. 160—161.

³¹ Simonetta A. M. A New Essay, pl. XII.

³² Массон М. Е. Указ. соч., стр. 47.

³³ Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1963 гг., МИА СССР, № 66, М. — Л., 1958, стр. 310.

³⁴ Е. В. Зеймаль, исходя из отнесения чекана Сотера Мегаса ко времени правления Вимы Кадфиза или Канишки, датирует концом I — началом II в. археологический слой на Узбеккантепа (см. Он же. Археологические разведки., стр. 134—135), датировка которого, очевидно, нуждается в пересмотре и восходит к концу I в. до н. э. — I в. н. э.

³⁵ Hackin J. Répartition des monnaies anciennes en Afghanistan, «Journal Asiatique», t. CCXXVI, No 2, Paris, 1935, p. 287—292. Лишь в одном случае упомянуто о редких находках монет Кадфизов I и II в Бамиане.

³⁶ Там же, стр. 291.

³⁷ Там же, стр. 291.

³⁸ Там же, стр. 290.

³⁹ Ghirshman R. Begram. MDAFA, t. XII, Le Caire, 1946, p. 24, 43.

⁴⁰ Hackin J. Recherches archéologique à Begram. MDAFA, t. IX, Paris, 1939, p. 7; Он же. Nouvelles recherches archéologiques à Begram. MDAFA, t. XI, Paris, 1954, pp. 309—310.

⁴¹ Carl J. Le Bazar de Begram, MDAFA, t. VIII, Paris, 1959, p. 101.

⁴² Meunié J. Une entrée de la ville à Begram. MDAFA, t. VIII, p. 110.

⁴³ Meunié J. p. 111.

⁴⁴ Schlumberger D. La prospection archéologique de Bactres. «Syria», XXVI, 1949, fasc. 3—4, p. 184; Gardin J. C. Céramique de Bactres. MDAFA, t. XV, Paris, 1957, p. 119—120.

⁴⁵ Carl J. Fouilles dans la site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-tépé. MDAFA, t. VIII, Paris, 1959, p. 66, 70, 72, 73.

⁴⁶ Выдающийся по своему составу клад из Мир-Захара в Южном Афганистане, насчитывающий многие тысячи монет первых веков до и после н. э. индийского, греческого, индо-греческого, индо-скифского, индо-парфянского чекана, включает лишь 28 экземпляров кушанских монет (Кузула Кадфиз, Сотер Мегас, Канишка, Хувишка, Васудева), незначительный процент которых объясняется, очевидно, тем, что бронзовые монеты в глазах владельцев клада, не имели материальной ценности (Curiel R. et Schlumberger D. Le trésor de Mir-Zakar près de Gardez. MDAFA, t. XIV, Paris, 1953, p. 67 сл.). В смысле соотношения монет кушанских правителей данный клад непоказателен.

⁴⁷ Альбаум Л. И. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 39—40; Жуков В. Д. Археологические разведки на шахристане Хайрабат-тепе. История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 184—185. Обработка монет, полученных при исследованиях в Аихорском районе, осуществляемая в Эрмитаже, пока не завершена; нам не довелось просмотреть их по натуре.

⁴⁸ Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б. Указ. соч., стр. 309—310.

⁴⁹ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан), МИА, т. XXXVII, М. — Л., 1953, стр. 290.

⁵⁰ Давидович Е. А. О работах Гиссарского отряда, Труды АН ТаджССР, т. LXIII, 1956, стр. 77.

⁵¹ Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г., Археологические работы в Таджикистане в 1956 г., 1959, стр. 172.

⁵² Зеймаль Е. В. Кушанские монеты (пояснение к карте).

⁵³ Бичури И. Указ. соч., стр. 184.

Н. И. КРАШЕНИННИКОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ МОГИЛЬНИКОВ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

В начале 1963 г. Приташкентский отряд палеонтолого-стратиграфической партии Узглавгеологии, руководимый Н. В. Черкашенко, сообщил кафедре археологии о могильнике, обнаруженном им в старом карьере кирпичного завода около Троицкого шоссе между поселками Орджоникидзе и Дурмень (в 6,5 км от Ташкента). Был передан во фрагментарном состоянии инвентарь, неполностью извлеченный из одной могилы. Найденный в ней небольшой сосудик с ручкой, обобщенно изображающей животное, позволил предварительно отнести весь инвентарь этой могилы к хорошо известному в литературе кругу культуры типа Каунчи II. Осмотр указанного участка показал следующее: карьер, образовавшийся в результате выемки экскаватором очень плотного лесовидного суглинка IV террасы (Ташкентский комплекс отложений) р. Чирчик, имеет почти вертикальные стенки высотой 4—7 м и площадь более полугектара. В нескольких местах восточного и южного обреза карьера видны обруленные человеческие костяки на глубине 2—3,5 м от современной поверхности. Опрос окрестных жителей, наблюдавших выборку земли, подтвердил сообщение геологов о наличии в данном месте древнего могильника. На протяжении нескольких лет здесь извлекались человеческие костяки, иногда сосуды. Однако по этим данным не представлялось возможным сделать какие-либо выводы о могильнике. Ввиду предполагающегося сноса его остатков необходимо было вскрыть хотя бы несколько могил.

С этой целью в сентябре того же года студенты исторического факультета ТашГУ провели расчистку нескольких мест и вскрыли восемь могил. Лишь две из них сохранились полностью, остальные частично срезаны при выборе грунта для производства кирпича. Среди вскрытых могил по характеру устройства наметилось четыре типа.

К первому типу относится катакомба, от которой сохранилась лишь небольшая часть площадью $1,7 \times 0,9$ м, с одним прямым, слегка скругленным углом и со сводовым перекрытием. Максимальная высота свода 1,2 м. Дно катакомбы расположено на глубине 3,4 м от современной поверхности. Следов выхода на сохранившемся участке нет (рис. 1). На полу катакомбы на спине лежат три разрубленные экскаватором костяка, головой на восток, с незначительным отклонением к северу. Вдоль южной стены лежат два детских костяка, рядом скелет взрослого человека. От него сохранились лишь позвоночник, кости левой руки, ребра левой половины и начало бедра. Череп, как и у первого детского костяка, разможен поздним обвалом. Кости рыхлые, лежат в очень плот-

ных натеках, заполнивших всю катакомбу. Кости взрослой особи имеют неравномерный бледно-малиновый оттенок. Первый детский скелет как бы втиснут между скелетом взрослого и южной стеной и лежит выше, поэтому можно думать, что положен он позже. Ввиду наличия на нижней челюсти двух отрастающих передних резцов при остальных 18-ти молочных зубах возраст его определяется шестью-семью годами.

Еще позже был положен второй, несколько старший возрастом, ребенок. Голова его резко приподнята и лежит между правой ногой первого ребенка и левой кистью взрослого. Руки лежат прямо, лишь слегка отходят от туловища. Выше головы на живот первому ребенку был поставлен маленький кувшинчик-кружка с петлевидной ручкой (рис. 3, 3). В головах у первого ребенка стояли два таких же сосуда: один с ручкой в виде схематизированного животного (рис. 3, 4), второй с ручкой в виде головы петуха (рис. 2) с острым клювом, массивным девятизубчатым гребнем и налепными спиралевидными серьгами с двух сторон. Исходя из интерпретации Г. В. Григорьева гребня — шерстью, а спиралевидных вихревых налепов — рогами, ручку можно принять и за изображение барана¹. Для культуры Кауंची не чужды как тема барана, так и тема петуха.

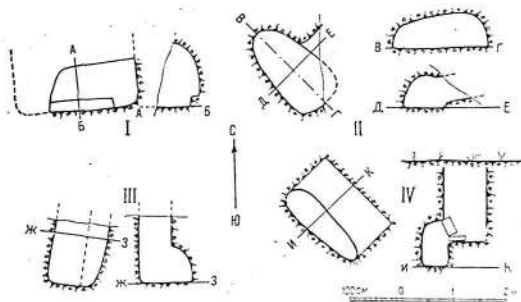

Рис. 1. Типы могильных устройств.

В головах взрослой особи на свободной площадке стояли две чашки и два крупных горшковидных сосуда, каждый с двумя петлевидными ручками ленточного сечения, с плоским дном (рис. 3, 5, 6, и 1). На тулове одного из них имеется глубоко врезанный знак, произведенный по сырой глине, в виде треугольника с черешком, как бы символизирующий наконечник стрелы. Неподалеку от него находился другой едва заметный из-за тонкости линий процарапанный знак, напоминающий лук со стрелой. Поверхность почти всего сосуда покрыта полосой, спиралевидно прочерченной расщепленной камышинкой.

Керамика изготовлена частично на примитивном ручном круге, частично путем ручной лепки. Тесто желтовато-розового цвета содержит мелкий песок и мелкотолченый ракушечник. Венчик с горловиной и дно крупных сосудов изготовлялись отдельно, затем приращивались к тулову. Нижняя часть сосудов, как правило, значительно обрезана с наружной стороны, дно ровно срезано и имеет обильные следы песка. Три

сосуда с затертой поверхностью, на ручке же, изображающей петуха (барана), имеются слабые следы вертикального лощения на розовом фоне; остальные сосуды покрыты толстым слоем темно-красного легко стирающегося ангоба.

В области шейных позвонков и лопатки найдены три раковины каури с отверстиями на спинке, шаровидная бусина из горного хрусталя и разложившаяся продолговатая бусина из полосчатого светло-коричневого стекла (рис. 4). Полосчатая структура стекла образовалась при накручивании капли быстро остывающей стеклянной массы на толстую проволоку. Здесь же найдена литая бронзовая пуговица-застежка, представляющая собой соединение двух конусов с шариками на вершинах. Место соединения утонено для удобства пришивания ее к одежде. Аналогию застежке можно найти в альбомах иллюстраций к

Рис. 2. Ручка сосуда в виде головы петуха (барана).

отчетам Императорской археологической комиссии. Значатся там как непонятные бронзовые предметы, обнаруженные в погребениях и поселениях Поволжья, а также найденные Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной в раскопках 1961—1962 гг. Актее II в районе среднего течения Сырдарьи в слоях, датированных ими II—III вв. н. э., трактуются как пуговицы-застежки. Такого мнения придерживаются современные исследователи Поволжья.

Ко второму типу можно отнести катакомбу для одиночного захоронения размером $1,85 \times 0,7 - 1$ м, представляющую собой в плане овал, сужающийся к ногам. Высота свода $0,5 - 0,7$ м. Вход в катакомбу с северо-восточной стороны, высота его $0,5$ м, ширина неизвестна, поскольку часть катакомбы, входа и вся могильная яма срублены. Уровень пола входного лаза на $0,2$ м выше пола катакомбы и имеет ярко выраженный скат. Дно катакомбы в настоящее время находится на глубине $1,9$ м от поверхности, но некогда было значительно ниже.

Костяк подростка-девочки длиной $1,5$ м лежал на спине головою на юго-восток. Череп почти весь срублен при выборке земли для подделки кирпичей. В области шейных позвонков и верхних ребер найдено шесть сильно разложившихся и рассыпавшихся при прикосновении продолговатых с продольным широким отверстием мелких бусин из зеленатого стекла. Одна из бусин несколько крупнее.

К третьему типу относится обычная прямоугольная могильная яма с небольшим полуовальным подбоем с восточной стороны. Она находится в 5 м от вышеописанной одиночной катакомбы, но на 2 м ниже ее, однако это еще не говорит о большей заглубленности, поскольку расположены обе они на крутом скате сая, где значительно нарушены верхние пласты земли. Сохранилась лишь головная часть могилы длиной $1,2$ м, ширина ямы выше подбоя $0,63$ м, ширина дна могилы с подбоем

1,02 м и высотой подбоя 0,7 м. Общая сохранившаяся высота могилы 1,25 м. Былая глубина до снятия верхних слоев превышала 3 м.

На южной вертикальной стене могильной ямы имеются три углубления диаметром 14—18 см и глубиной 8—12 см. Ориентация голов-

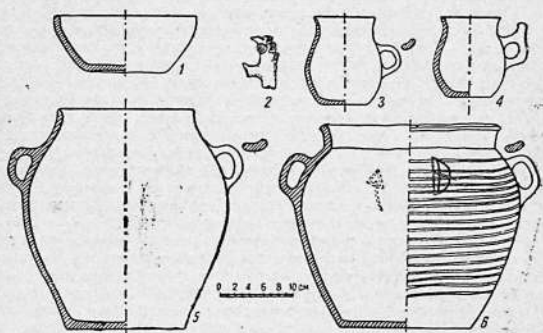

Рис. 3. Керамический инвентарь катакомбы первого типа.

ной части могилы южная, с легким отклонением к западу. Череп захороненного человека не сохранился, обнаружены лишь в очень плохом состоянии кости плеча, лопаток и верхних ребер. Кости мелкие и очень хрупкие, вероятно, также подростка. Голова не доходила до края могилы по крайней мере на 0,5 м, что косвенно может указывать на бывшее наличие погребального инвентаря. Ввиду того, что головная часть могилы заполнена очень рыхлыми крупнопесчаными отложениями, отличающимися от заполнения остальной части могилы, можно допустить, что в свое время она была ограблена.

Четвертый тип могил наиболее распространен. Нами вскрыто пять из них, к тому же несколько могил видно в обрезах. Они расположены в шахматном порядке. Расстояние между могилами не превышает 2—3 м. Второй ряд их подходит к первому почти вплотную. Глубина залегания дна ляхадов от современной поверхности 1,5—2 м. Никаких следов земляных холмиков на поверхности не осталось.

Устройство могил: узкая яма с северо-западной ориентацией головной части, с юго-западной стороны она узкой щелью сообщается со скругленным в плане заниженным ляхадом, размером 0,45—0,55 ×

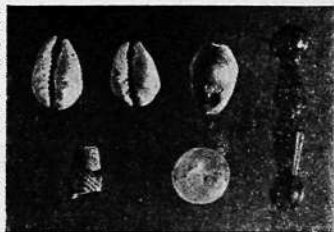

Рис. 4. Инвентарь катакомбы первого типа.

× 1,6 — 1,8 м при высоте 0,5 м. Вход в ляхад заложен, как правило, прямоугольными сырцовыми кирпичами размером 31,5 — 32 × 17 — 18,5 × 7,5 — 8 см, часто с примесью большого количества золы или ила, поэтому кирпич получил рыхлую структуру и темно-серый цвет. Кирпичи уложены в два ряда по-разному: на почти плашмя лежащем ряде сырца ряд наклонно стоящих кирпичей ребром к ляхаду, в другом случае — параллельно ляхаду узкой стороной кирпича, в третьем — штабелем в два ряда на торце широкой плоскости с легким наклоном и др. Видны обвалы кирпичей в ляхад.

Костяк лежит на спине с вытянутыми почти сомкнутыми ногами, голова слегка повернута в юго-западную сторону. Среди костяков — женские, детские, мужские разных возрастов, в том числе и глубоких стариков. Положение рук: левая согнута в локте под прямым углом и положена на живот; у женского костяка резко согнута и кисть, положенная на левое плечо; правая рука согнута под тупым углом и положена несколько ниже левой; лишь у детского костяка рука вытянута вдоль туловища. Таким образом, единообразия положения рук нет, хотя и намечается наиболее часто употреблявшийся вариант.

В сырец закладки ляхадов замешаны осколки керамики с глазурью по светло-рому ангобу — белой с зеленоватым оттенком в сочетании с техникой процарапывания и желтой в сочетании с темно-коричневой. В самую могилу попали черепки с зеленой, голубой глазурью и подглазурной росписью темно-коричневой краской по белому фону, подражающей надписи. Весь комплекс керамики имел довольно широкое распространение в Шаше и других районах Средней Азии в предмонгольское время², поэтому в сочетании с продолговатым шаш-илакским кирпичом, также встречавшимся тогда, верхний горизонт могильника можно датировать XII — началом XIII вв. Тип устройства могилы тоже весьма распространен для всей Средней Азии этого периода, отличаясь лишь формой и размером сырца, используемого для закладки, иногда несколько иным расположением по отношению к северу.

Наибольший интерес представляют первые три типа погребений и особенно первый из них. Катакомбные захоронения известны на территории Ташкентского оазиса еще с конца прошлого столетия. В 1887 г. Н. П. Остроумов вскрыл на Никифоровских землях (ныне по ул. Циолковского) вдоль правобережного чирчикского арыка Карасу около двух десятков катакомб с семейными захоронениями под курганными насыпями, тянувшимися в два ряда. Лишь в одной из катакомб найден сосуд с ручкой в виде какого-то животного. Раскопки в том же году четырех курганов к востоку от Караултепа на Ивановских землях (в том же районе, где были и Никифоровские земли, но ближе к Ташкенту. — Н. К.) дали несколько кувшинов с ручками, изображающими животных. По предположению производителя раскопок, это были бараны³.

Дополнительные сборы инвентаря из захоронений на этих участках сделаны Н. П. Остроумовым в 1893, 1907 и 1917 гг. В 1913 г. И. А. Кастанье также произвел расчистку одной катакомбы на приусадебном участке Н. Г. Маллицкого и извлек из нее два кувшина и широкий призмистый сосуд с ручкой, изображающей животное⁴. Неподалику находилось и оссуарное кладбище⁵. Однако ни Н. П. Остроумов, ни И. А. Кастанье не предложили датировки вскрытых погребений. Н. С. Лыкошин указывал на затруднительность как датировки вскрытых могил, так и отнесения их к какому-нибудь народу. Так, он допускал возможность отнесения их к скифам времени Геродота, финнам и монголам. Плохое же состояние костей заставило отнести их «ко времени отдаленному»⁶.

Г. В. Григорьев обратил внимание на одновременность этих погребений и, хотя он также не предложил конкретной датировки, однако указал на сходство инвентаря некоторых курганов с материалами слоя Каунчи II. Остальные же курганы он склонен был относить «при одинаковых способах захоронения... к самым различным периодам», подразумевая под этим, видимо, довольно широкую датировку во времени, особенно, если учесть предложенную им датировку культур Каунчи I и II.

К настоящему времени количество выявленных объектов с керамической посудой, имеющей ручки в виде животных, на территории Ташкентской области значительно увеличилось. и, по мнению большинства исследователей, они относятся к началу нашей эры и не позднее III в. н. э.⁷ К этому же времени можно отнести и рассмотренный нами первый тип погребения. Подобный же тип погребения и тоже с ручками-барашками у сосудов был вскрыт М. Е. Массоном в 1928 г. в Той-Тюбинской группе «Минг-тепе» и датирован гранью н. э.⁸

В самом Каунчи имеются аналогии ручкам кувшинчиков-кружек в виде барана и впервые встречающемуся изображению головы петуха или барана, а также несколько небрежно вырезанному до обжига знаку на горшке в виде треугольника с отходящей от основания линией. Аналогичный знак, но более геометризированный, изображен под ручкой-барашком одного из сосудов из Каунчи⁹. Характер изображения рогов на нем в виде двух спиралей с обратным заворотом концов одного жгунка глины, дающих в плане S-образный знак, в свою очередь, находит аналогии в керамике второго строительного участка (пикет 72) Ташкентского канала¹⁰. К этому же хронологическому и культурно-экономическому кругу памятников можно отнести и катакомбные захоронения на бывших Ивановских землях, также дающих, как правило, сосуды с ручками, имитирующими животных. Это подтверждается и рядом других аналогий.

Круг изображаемых животных значительно расширился: баран, козел, лиса или собака, лошадь или осел, змея, петух, кабан (?). Большинство исследователей вслед за К. М. Скалон¹¹ склонно видеть в изображаемых животных художественные образы охранителей сосудов, в основе которых лежат тотемические представления более древнего времени. Этнографические изыскания Е. М. Пещеревой в горных районах Средней Азии подтвердили это¹².

Чтение кратких отчетов о раскопках катакомбных погребений на Никифоровских землях и знакомство с частью керамических материалов, хранящихся в фондах Музея истории Узбекистана (коллекция 72) и кабинете археологии ТашГУ, позволило нам выделить следующий этап, не отличающийся, по-видимому, обрядом захоронения от предшествующей поры, но с несколько иным комплексом инвентаря. Здесь кружки с ручками-животными становятся уже редкостью. Цвет глины посуды из красноватого переходит в грязно-розовый с толстым белым ангобом. Преобладающей формой посуды становятся высокие широкогорлые кувшины с одной ручкой, иногда со сливом в виде прилепной горловинки в верхней части тулова, с очень широким и ровно срезаемым дном. Изготовлены они на медленн-вращающемся гончарном круге. Сюда же относятся и крупные фляги с одним плоским боком и чрезвычайно выпуклым шаровидным вторым боком. Аналогии этой керамике, в частности кувшинам (№ 21 и 22 из коллекции 72 музея), имеются в нижнем слое Минг-Урюка в Ташкенте, раскапываемого Ю. Ф. Буряковым и датированого IV—V вв.¹³, и также, меньше в далее расположенном поселении Чаштепе¹⁴, датированом III—V вв. Два кувшина (№ 21

и 22) из Никифоровских земель имеют врезанные до обжига знаки, один из которых в виде трех сомкнутых у основания линий аналогичен знаку на кувшине из Минг-Урюка. Это дает еще больше оснований датировать катакомбные захоронения на Никифоровских землях III—V вв. и приурочить их к культуре оседлых земледельцев-скотоводов типа культуры нижнего слоя Минг-Урюка. Следует добавить, что подобные кувшины описаны в публикациях Г. В. Григорьева и в материалах самого городища Каунчи. В нашем представлении комплекс находок Каунчи II делится на два слоя, следующих один за другим. Соответственно расширяется и датировка.

Таким образом, по имеющимся современным данным, терраса Чирчика вдоль правобережного арыка Карасу уже довольно интенсивно обживалась с грани нашей эры, а возможно и ранее, оседлым земледельческо-скотоводческим (с отгонным типом скотоводства) населением, и само проведение арыка Карасу, вероятно, связано с этим обживанием. Вопрос, в какой связи находились катакомбные погребения, указанные поселения и оссуарные захоронения рядом с катакомбами, до широких раскопок остается не совсем ясным.

Датировать расчищенные нами два других погребения (тип второй и третий) за неимением инвентаря не представляется возможным, однако как мелкие стекляные бусинки, так и характер устройства могил не противоречат домусульманскому обряду захоронения.

В Средней Азии вскрыто уже немалое количество катакомбных захоронений. За последнее десятилетие увеличилось их количество и в Ташкентской области. Раскопки Пскентско-Той-Тюбинской группы курганов Т. Агзамходжаевым (Туя-Богуз), А. Г. Максимовой в районе Чардаринского водохранилища (Ак-Тюбе II, Шаушуким и Жаман-Тогай — с рубежа н. э. до начала VI в. н. э.) дают дополнительный материал для характеристики народов, обитавших на стыке высокоразвитой торгово-земледельческой культуры Согда и кочевой степи Казахстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении, «Известия АН КазССР», серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 55, рис. 55 и 99.

² Буряков Ю. Ф. и Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ, новая серия, вып. 172, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 130—131 и 141—142; Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, там же, стр. 160; Лунина С. Б. и Усманова З. И. Керамика с поселения Ногай-курган близ Ташкента, там же; Ташходжаев Ш. Средневековый керамический комплекс из шурфа у медресе Кукельташ города Ташкента, там же.

³ Отчет ИАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. СХСIII—СХСIX.

⁴ ПТКЛА № 7 от 15 октября 1913 г.

⁵ Лыкошин Н. [С]. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, «Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, стр. 38—46 и 51; подробнее вопрос о находках оссуарных захоронений и их истолкований в дореволюционной литературе по археологии см. Б. В. Лунина. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958, стр. 174—192.

⁶ Лыкошин Н. [С]. Указ. соч., стр. 43—44.

⁷ Теренижкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, «Известия УзФАН», Ташкент, 1940, № 9, стр. 30—36; Его же. Согд и Чач. Автореферат диссертации, КСИИМК, вып. 33, 1950, тр. 159—169; Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчи, ВДИ, 1946, № 1, стр. 173—177; Кирипович Т. Н. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода, КСИИМК, вып. 28, 1949, стр. 72—76; Оболдуева Т. Г. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области (тезисы диссертации), КСИИМК, вып. 23, 1949, стр. 101—102.

⁸ Массон М. Е. Ахангаран, Ташкент, 1953, стр. 19—20.

⁹ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгюльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935, стр. 16, рис. 16.

¹⁰ Тереножкин А. И. Указ. соч., стр. 33—34, рис. 6, а также коллекция керамики с Ташкентского канала, хранящаяся на кафедре археологии Средней Азии института ТашГУ.

¹¹ Скалон К. М. Изображение животных на керамике сарматского периода, Труды отделения истории первобытной культуры Эрмитажа, т. I, Л., 1941, стр. 173—218.

¹² Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии, Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая, АН СССР, М.—Л., 1959.

¹³ Из личной беседы с Ю. Ф. Буряковым. До раскопок 1962 г., когда было получено значительно больше материала из нижнего слоя Минг-Урюка, он датировался им и Д. Г. Зильпер III—IV вв. н. э.; Буряков Ю. Ф. и Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды ТашГУ, новая серия, вып. 172, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 139.

¹⁴ Крашенинникова Н. И. Указ. соч., илл. 5, № 21.

З. И. УСМАНОВА

РАСКОПКИ АРСЕНАЛА САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ В СТАРОМ МЕРВЕ

В 1961 г. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, возглавляемая М. Е. Массоном, продолжила начатое много лет назад археологическое изучение городища Эрк-кала с целью получения новых данных по стратиграфии и исторической топографии античного и раннесредневекового Мерва. В Эрк-кале наше внимание давно привлекали всхолмления к западу и юго-западу от центрального бугра, которые вилотную подходят к крепостной стене, сливаясь с ее оплывами. В подъемном материале, собранном за многие годы на этих участках, представлена керамика парфяно-сасанидского времени, масса терракотовых фигурок, среди которых преобладали изображения коней и уродливых всадников. Отсутствие более позднего материала облегчило получение в этой части городища стратиграфии слоев античного времени, которой так не хватало для Эрк-калы. Поэтому здесь и был начат стратиграфический раскоп *б* к юго-западу от центрального бугра вдоль древней улицы шириной 4,1 м, тянущейся с севера на юг (рис. 1). Выбранное для раскопа место гораздо ниже культурных наслоений к югу и юго-востоку от центрального бугра, где мощность слоев достигает более 15 м по отношению к современному уровню самого низкого участка в северной части Эрк-калы. Раскопом охвачена площадь 126 м², на которой расчищены сохранившиеся участками выкладки из квадратного сырца со сторонами 34—35—37—44 и 9—10—13 см толщиной. Под этими кладками прослеживается планировка здания, правда в очень плохом состоянии. Стены в лучшем случае сохранились до высоты 50—70 см, местами кладка едва виднеется. Перед нами пример интенсивного процесса выдувания и разрушения, отмечаемого в Мерве почти на каждом раскопе.

После снятия остатков кладок бывших платформ обнаружен комплекс помещений, связанных между собой коридорами. Видимо, каждый коридор (вскрыто два) вместе с группой помещений составляет самостоятельную секцию.

В планировке здания выделяется своими размерами помещение длиной 15,7 и шириной 4,7 м, вытянутое с севера на юг¹. Стены толщиной 1,25 м сложены из сырца 39 × 40 × 10—11 см, уложенного по три в каждом ряду, местами использованы два целых кирпича и две половинки по краям (рис. 2).

Внутри помещения впритык к западной стене сложена суфа высотой 48—50 см, шириной 4,15 м и длиной 15,7 м. Между суфой и восточной стеной оставлен узкий проход шириной 56 см для свободного под-

хода к суфе, на которой было найдено *in situ* несколько круглых ядер и одно пирамидальное со сторонами основания 17—17,5 см. Суфа сделана в виде футляра из сырца с плотной забутовкой землей и строительным мусором. На суфе местами сохранилась обмазка с небольшими лунками от обожженных круглых ядер, уложенных, видимо, на еще сырую глиняную обмазку. Вход в помещение из коридора шириной 1,6 м, вытянутого с запада на восток. Из него же, вероятно, был вход в два других помещения, примыкающих к первому с запада. Сохранилась

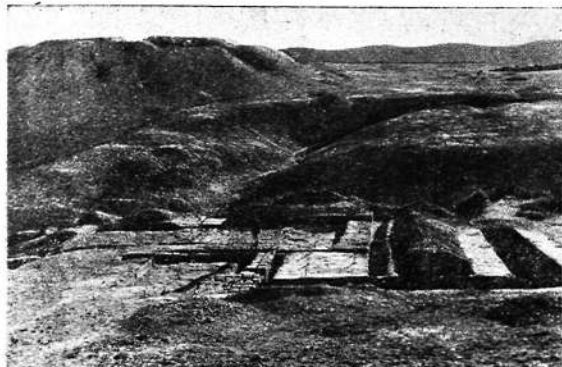

Рис. 1. Общий вид на раскоп с западного фаса крепостной стены.

одна общая для них стена шириной 80 см, специально подрубленная и позднее соединенная с кладкой платформы, перекрывшей оба помещения. При расчистке суфы и коридора найдены бронзовые наконечники стрел, монеты позднесасанидского чекана, медный крючок, сердоликовые бусы, фрагменты стекла и керамики, не дающие представления об определенных формах. К северу расположены еще два помещения с примыкающим к ним коридором (1,6 м), имеющим также направление с запада на восток. Выступ в 52 см сокращает ширину коридора в западном направлении. На уровне пола коридора сохранился очаг с зольником и слой сгнившей камышовой подстилки, на которой хранилось металлическое оружие. Найдена фигурка коня со следами отбитого всадника. Среди керамики обнаружена небольшая закопченная глиняная чашечка со следами прилипшей меди и кусочки медного шлака. Возможно, что здесь же в арсенале при необходимости отливали наконечники стрел.

К северу от коридора начинается резкий ослыв, за которым на соседнем холме в 1958 г. проводились раскопки. В сторону крепостной стены мощность слоя ослыва увеличивается, но дальше платформы, перекрывающей помещения II и III, никаких остатков строений определить не удалось. Видимо, между объектом и крепостной стеной было свободное пространство. Только в 10 м к югу от раскопа встречена мощная платформа, уходящая на юг. В ней прослежено шесть рядов кирпичной кладки, в промазке под одним кирпичом найдены тонень-

кие кусочки коры (?) белого цвета. Платформа принадлежит уже новому комплексу.

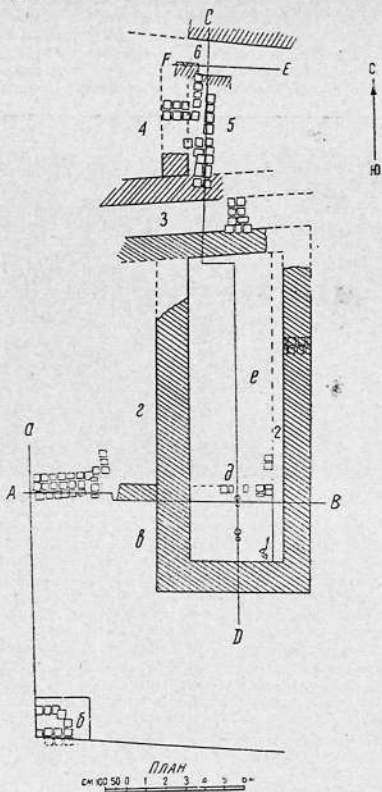

Рис. 2. План раскопа.

а—крепостная стена Эрк-калы, *б*—платформа, *в*—второе помещение, *г*—третье помещение, *д*—суфа, *е*—первое помещение; 2—проход к суфе, 3—первый коридор, 4—четвертое помещение, 5—пятое помещение, 6—второй коридор.

Вскрытый нами объект оказался не совсем обычным: крупные размеры помещений без хозяйственной утвари, но с большими суфами

специально для хранения ядер, толщина стен от 1,2 до 1,5 м, характер находок (наконечники стрел, фигурки коней, ядра и т. д.), а также само расположение комплекса позволили считать объект крупным крепостным арсеналом для хранения оружия и ядер. Не исключена возможность, что ядра, обжигавшиеся прямо в Эрк-кале в специальных печах на западном склоне центрального бугра, поступали именно в этот арсенал. Поскольку углубление по всей поверхности раскопа не превышало одного метра, то и собранный материал оказался смешанным, что лишило нас возможности определить абсолютно точные даты. В целом же хронологические данные укладываются в пределах сасанидской эпохи. Чтобы проверить наши сведения и получить более четкую стратиграфию для объекта, был заложен маленький разведывательный шурфик во втором коридоре на северном фаса арсенала (рис. 3). Прорезав пол и углубившись более чем на 2 м, мы получили следующую картину. Коридор арсенала оказался покоящимся на забутовке более раннего по времени помещения, на полу которого сохранился очаг, сделанный из стенок огромного хума диаметром 86 см, высотой 34 см.

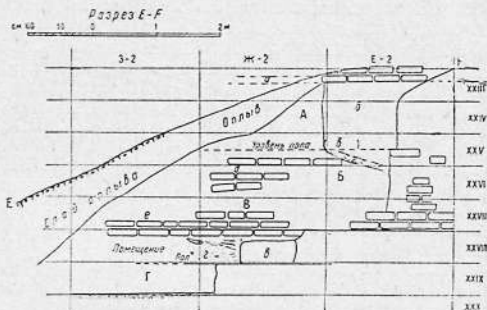

Рис. 3. Разрез шурфа с востока на запад

А — слой разрушившегося кирпича, Б — плотный слой земли с включением гипсовых частиц, В — слой разрушившегося кирпича, Г — плотный серый слой земли с включением гипсовых частиц, керамики, а — платформы VI—VII вв., б — стена коридора, в — очаг, г — зольник, д — платформа, е — платформа III—IV вв.

В самом очаге скопился толстый слой золы, а вокруг земля обгорела до темно-коричневого цвета. В разрезе (рис. 4) хорошо видно, что помещение только наполовину перекрыто платформой из крупного сырца размером 44—46 × 11—13 см с пометками на обороте в виде одной и двух полос. Высота платформы 1,42 м, позднее на ней возведена стена коридора арсенала. Верхний уровень платформы совпадает с уровнем пола коридора, на котором обнаружен очаг и предметы, свидетельствующие о каком-то производстве (лячка, куски кричного железа и медного шлака)². Пол коридора находится на забутовочном слое той части помещения, которая оказалась не перекрытой платформой. Очевидно, при возведении платформы специально был устроен коридор, функционировавший одновременно с платформой, а впоследствии забутованный. В слое забутовки встречены фрагменты керамики, датируемые по мервской керамической шкале II—IV вв. Вместе с тем некото-

рые формы (венчики кувшинов и горшкообразных сосудов) явно находят себе прямые аналоги в материале V—VII вв.²

Хотя керамика и найдена в небольшом количестве, однако удалось выделить преобладающие формы. Основную массу составляют горшкообразные сосуды с разным профилем венчиков, одни имеют слегка выделенную невысокую горловину, опоясанную несколькими рядами валиков. Черепок розовый и серый, ангоб цвета теста, диаметр не превышает 15 см.³

Вторую группу составляет посуда типа крупных глиняных мисок диаметром 19—26 см, повторяющих форму чаш, с черепком очень толстым и хорошего качества⁴.

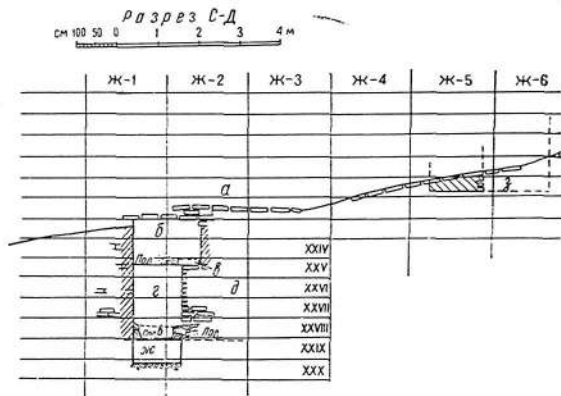

Рис. 4. Разрез шурфа с севера на юг

а—платформа VI—VII вв., *б*—коридор арсенала, *в*—отвал, *г*—забутовка, *д*—платформа III—IV вв., *е*—золиник, *ж*—плотный серый слой земли, *з*—коридор.

Последняя группа представлена кувшинами с высокой горловиной, заканчивающейся изящным венчиком, с подчеркнутым переходом к тулову (рис. 5). Диаметр венчика 4—10 см, черепок большей частью серый с таким же ангобом. Подобные кувшины датируются III—IV вв., а некоторые профили венчиков тяготеют к V—VII вв., особенно большие широкогорлые кувшины с налетом на ручках⁵. В забутовочном слое вместе с керамикой встречена терракотовая фигурка, изображающая всадника, в руках которого двухструнный музыкальный инструмент. Фигурка вылеплена от руки, нос отбит, а глаза переданы кружками, она приспособлена для посадки на спину коня и напоминает уродливых всадников, часто встречающихся в Мерве и датирующихся IV—V вв.⁶

Полученный материал из-под пола коридора показывает, что оружие арсенала может быть датировано не ранее V—VI вв., это подтверждается и нумизматическими находками, определенными М. Е. Массоном: 1) из помещения в халк династии Сасанидов, Шапур II (309—380 гг.); 2) из коридора I позднесасанидский чекан VII в.; 3) с южного фаса монета середины VII в. и две литые монеты, харак-

терные для середины VII в. Их чеканили местные правители (марзбаны), изображавшие на реверсе в качестве символа жертвенник, но без фигур стражников.

Что касается платформы, то крупноформатный кирпич с клеймами применялся в строительстве при первых Сасанидах, в частности, закладки помещений замкового сооружения в Эрк-кале из такого сырца датированы монетами чекана Арташира I, Шапура I и монетами позднепарфянской маргианской эмиссии конца II—III вв.⁷

Таким образом, данные шурфа показали, что первоначально на месте арсенала было сооружение без признаков хозяйственного назначения, на руинах которого в III—IV вв. возвели платформу. Одновре-

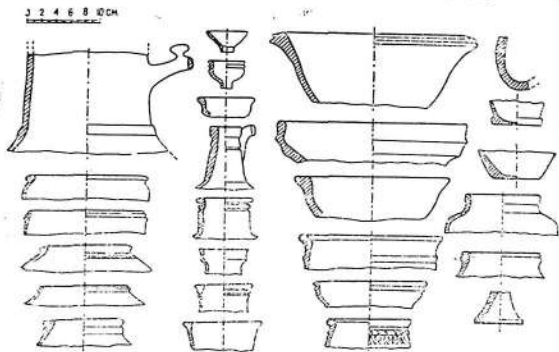

Рис. 5. Керамика IV—VI вв.

менно с ней продолжало функционировать узкое помещение, которое забутовано при строительстве арсенала после выхода Мерва из кризиса рабовладельческой формации. Для Эрк-калы аналогичная картина зафиксирована на раскопе 3, расположенном к северу от арсенала. Отмеченный на этом объекте момент упадка и запустения (завалы, под которыми сохранились обуглившиеся зерна злаковых растений) относится к поре кризиса, после чего строительство возобновилось. Все строения, пришедшие в упадок, были сnivelированы платформой из плохого сырца размером 38—40 × 9—10 см. Найденная монета Хормизда IV (579—590 гг.) позволила заключить, что платформа возводилась не ранее конца VI в., чему соответствовал керамический материал верхнего слоя⁸. Этой же дате не противоречит материал, полученный при вскрытии арсенала. Наиболее наглядной является коллекция terra-cotta фигурок коней и всадников, из которых хорошо моделирована только одна фигурка коня: на груди удлиненный налет, грива передана насечками, на спине сохранился след седла. Все остальные фигурки — либо одна голова с гривой, либо отдельные части туловища. Передача фигуры коня в целом схематичная. Тесто светло-желтое и желтое с зеленоватым оттенком. Всадники выполнены точно так же, как и вышеупомянутый всадник-музыкант. Есть экземпляры, у которых глаза переданы простой вмятиной, а нос защином. Подобные фигурки всадников

и коней описаны в литературе и датируются V—VII вв. Исследователи считают эти изображения устрашающими образами, имеющими значение оберега или амулета, и усматривают в этой группе уродливых всадников из Мерва, Согда, Ирана отражение кризиса художественной культуры, наступившего около середины X в.⁹ Здесь же найдена выполенная обобщенно голова фигурки бычка с широкой мордой и утолщенной верхней губой, рогов еще нет, уши отбиты. Фигурки быков в Эрк-кале найдены вместе с материалами III—IV вв.¹⁰

Из подъемного материала следует упомянуть плоские женские терракотовые фигурки в богатой одежде, украшенной нашивными блясками. Фигурки повторяют тип статуэток III в. из Чичанлык-депе. Головки штамповались отдельно в высоком скульптурном рельефе. У всех статуэток лицо овальное, большие глаза обрамлены дугами бровей, нос с горбинкой, рот маленький. В ушах подвески, на шее ожерелье из бус. Руки сложены на животе. У одной фигурки платье окрашено в красный цвет. Этот тип статуэток хорошо известен нам по Мерву, Чичанлык-депе, Кишман-депе, Куртлы-депе, Чильбурдж¹¹.

Из других находок отметим железный крючок (длина 7,5; ширина 2,8; толщина 0,6 см; длина согнутого стержня 3,5 см), фрагменты стеклянной посуды, бронзовое кольцо и бронзовые наконечники стрел, встретившиеся в раскопе и подъемном материале. Наконечники стрел из раскопа: 1) медно-бронзовый двухлопастный втульчатый, диаметр втулки 0,5, высота 2,2 см; 2) медно-бронзовый двухлопастный с удлиненной втулкой, диаметр 0,6, высота 4,8 см; 3) медно-бронзовый со скрытой втулкой и слегка приспущенными лопастями, прикрывающими втулку диаметром 0,6, высота 2,9 см.

Наконечники стрел из подъемного материала: 1) медно-бронзовый двухлопастный с удлиненной втулкой диаметром 0,5 см и второй со скрытой втулкой; 2) медно-бронзовый двухгранный со скрытой втулкой и заостренными концами граней, высота 2,3, диаметр 0,8 см; 3) медно-бронзовый трехгранный со сквозным отверстием и скрытой втулкой, грани приспущены, высота 2,4, длина граней 3, диаметр втулки 0,6 см; 4) медно-бронзовый трехлопастный черешковый; 5) железный трехгранный черешковый высотой 1,7 см.

Перечень наконечников из раскопа 6 повторяет основные типы, выделенные для материала, собранного на Эрк-кале в течение многих лет работ и сведенного в одну таблицу¹². В ней фигурируют только два медно-бронзовых черешковых наконечника лавролистной формы, а остальные наконечники все втульчатые. Среди собранных в 1961 г. оказался еще один черешковый наконечник с тремя лопастями. Приходится еще раз констатировать, что вообще в Мерве черешковые наконечники встречаются редко, а железный найден впервые, если не считать поднятый с поверхности холма к северу от арсенала крупный наконечник с черешком, отнесенный нами к VII в. В печати уже отмечалось, что для Мерва характерно долгое бытование бронзовых наконечников стрел, в то время как в исконных районах Парфии уже со II в. до н. э. входят в употребление железные наконечники¹³. Отмечалось также, что форма двухлопастных и трехлопастных наконечников, восходящая к эпохе поздней бронзы, сохраняется в парфянскую пору¹⁴.

Раскопки арсенала показали, что после кризиса рабовладельческой системы, в период становления феодальных отношений при Сасанидах в Мерве наряду с освоением производства железных наконечников продолжается изготовление тех же самых форм медно-бронзовых наконечников. Главную силу маргианского войска составляла по-прежнему кавалерия, принимавшая в период войн в свои ряды знатных дехкан,

которые в мирное время совершенствовали свое искусство стрельбы из лука на охоте. Расписная мервская ваза V—VI вв. донесла до нас одну из сцен охоты мервского дехкана, скачущего на коне и стреляющего из лука¹⁵. В искусстве того времени развивалась тема благородного всадника, связанная с прославлением персонажей местных народных сказаний поры формирования раннефеодального эпоса¹⁶. Мервские terra-cottовые фигурки всадников передавали образ того нарождающегося сословия дехкан, которое прочно вступало на историческую арену.

Раскопки арсенала показали также, что в сасанидскую пору в Мерве широко применялись метательные орудия, для которых в хранилищах всегда был большой запас керамических ядер. Занимаясь систематизацией ядер, собранных в Мерве в разные годы из разных раскопок, мы заметили, что в позднепарфянское время наблюдается измельчание метательных керамических ядер (раскоп 1 в Эрк-кале, Акча-депе)¹⁷. Однако наблюдения последних лет показывают, что при Сасанидах в Мерве наряду с мелкими ядрами (6—10 см) обжигались и крупные, скопления которых были зафиксированы на раскопе 14 и 15 в Гяур-кале у ворот Синджан¹⁸.

Раскоп 14 расположен в 300 м к юго-западу от ворот и в 100 м от крепостной стены. Здесь обнаружен отвал ядер диаметром 9—10 и 20 см и площадка с такими же ядрами, уложенными в три ряда. С ядрами найдена неполная керамика VII—VIII вв. Ядра перекрыты слоем мелкого песка в 35 см¹⁹. Следы более позднего обживания этой территории не обнаружены. Следы запустения отмечены и на раскопе 15, расположенном на гребне первой башни к северу от ворот Синджан, где зафиксировано скопление керамических ядер для камнеметных орудий на площади 4,8 × 7,2 м, примыкающей вплотную к крепостной стене²⁰. Ядра диаметром 4,7—14,6 см уложены в три ряда и перекрыты слоем глины в 2—3 см. Это могли сделать только в период запустения городской территории, когда отпала всякая необходимость защиты городских стен и ворот, т. е. по-видимому, уже после взятия Мерва арабами. Неиспользованные в свое время ядра были сверху замазаны при сооружении не сохранившихся ныне построек²¹. Стратиграфические наблюдения над верхними культурными слоями Гяур-калы, проводимые археологом М. И. Филанович, показали, что запустение городской территории у восточных и южных ворот относится к VIII в., тогда же сложился целый квартал керамистов, а печи устраивались даже на самой крепостной стене²². Таким образом, скопление ядер у восточных ворот относится ко времени, предшествующему запустению, и связывается с деятельностью сасанидских правителей Мерва (марзбанов), от имени которых чеканены монеты, найденные при раскопках арсенала в Эрк-кале. Видимо, к этому же времени следует отнести обжигаемые печи на западном склоне центрального бугра, ошибочно принимавшиеся за античные²³. В одной печи найден был фельс второй половины VII в., указывающий на одновременное функционирование печи и арсенала. Вторая печь длиной 6 м осталась загруженной круглыми ядрами и это, видимо, как-то связано с неиспользованными ядрами на площадке у восточных ворот Гяур-калы.

В 1961 г. установлен факт слабой застройки западной части цитадели Эрк-калы, где вдоль широкой улицы, огибающей центральный бугор, располагались в основном правительственные хранилища, арсенал и другие здания административного порядка. Зато южная и юго-восточная часть цитадели обживались очень интенсивно, и культурные напластования здесь достигают более 17 м. Это отмечено в стратиграфи-

ческом шурфе, заложенном на площади между центральным бугром и воротами цитадели.

Время функционирования арсенала совпадает с правлением Сасанидов, тративших большие средства на новое строительство и работы по укреплению цитадели и стен города²⁴. Эти работы проводились при Хормизде IV (579—590 гг.), монеты которого находили при раскопках, и особенно при Хосрове I Ануширване (531—579 гг.)²⁵.

Большое значение придавалось укреплению военной мощи Мерва, подвергавшегося частым нападениям воинственно настроенных племен, — сначала эфталитов, а затем и тюркского каганата²⁶. Хосров I в 60-х годах VI в. дал сокрушительный отпор эфталитам и захватил территорию до Амударьи, ставшей границей между сасанидским государством и тюркским каганатом²⁷. Однако крупным форпостом на северо-восточной границе сасанидской державы по-прежнему оставался Мерв, укреплявшийся, чтобы быть всегда готовым отразить натиск врага.

Раскопки арсенала — это новые ожившие странички из прошлого безмолвных руин Эрк-калы и Мерва, раскрывающие предысторию туркменского народа в сасанидскую пору.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гаур-кала, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 168, 171—173.

² Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 101, рис. 13; стр. 102, рис. 14; стр. 106, рис. 17.

³ Усманова З. И. Указ. соч., стр. 185, рис. 14; Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гаур-калы, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 145, рис. 16.

⁴ Там же, стр. 143, рис. 13; Рутковская Л. М. Указ. соч., стр. 101—106, рис. 13, 14, 17.

⁵ Кацурис К., Буряков Ю. Указ. соч., стр. 145, рис. 16; Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г., «Известия АН ТССР», 1963, вып. 3, стр. 54, рис. 3.

⁶ Пугаченкова Г. А. Корoplastика древнего Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 160. В Согде подобные всадники относятся к эфталитско-тюркской эпохе (V—VIII вв.); Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, стр. 76, табл. XI, XIV.

⁷ Усманова З. И. Эрк-кала, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 49—52.

⁸ Там же, стр. 85. Посуда за номером 6, 7, 21, 22 на стр. 84 ошибочно включена в таблицу керамики III в. Эта поправка подтверждается и данными стратиграфического шурфа в Эрк-кале.

⁹ Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 352, рис. 27; Пугаченкова Г. А. Указ. соч., стр. 159—162, рис. 26—28.

¹⁰ Там же, стр. 164.

¹¹ Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 333; Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня, «Советская археология» XXI—XXX, М., 1959, стр. 132, рис. 12; Она же. Корoplastика древнего Мерва, стр. 137.

¹² Усманова З. И. Указ. соч., стр. 65, рис. 33а.

¹³ Там же, стр. 67.

¹⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, М.—Л., 1959, стр. 40, рис. 12; стр. 104, рис. 34; Усманова З. М. Указ. соч., стр. 66.

¹⁵ Массон М. Е. Указ. соч., стр. 55.

¹⁶ Пугаченкова Г. А. Указ. соч., стр. 159.

¹⁷ Усманова З. И. Керамические ядра из Мерва, Труды ТашГУ, вып. 172, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 40.

¹⁸ Работы велель коллекторами Н. Г. Галочкиной и С. Исмаиловым осенью 1962 г. Архив ЮТАКЭ. Дневник и отчет М. Е. Массона.

¹⁹ Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гаур-кала Старого Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 198—204, рис. 17—22.

²⁰ Галочкина Н. Г. К стратиграфии верхних культурных слоев городища Гяур-кала в Старом Мерве (машинпись), Ташкент, 1964, стр. 22; Архив ЮТАКЭ за 1963 г.

²¹ Перед вторжением арабов в Мерв ворота города запирались. Когда Пездигерд III приехал в Мерв после своего поражения при Нихавенде в 642 г., ему не открыли ворот и не впустили в город. Ал-Белазури. Китоб футухал булдан, пер. С. Волина, МИИТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 62.

²² Заурова Е. З. Указ. соч., стр. 252.

²³ Архив ЮТАКЭ за 1950 г. Отчет и дневник М. С. Мерциева.

²⁴ Федоров М. Н. Сасанидская крепостная стена городища Гяур-кала в Старом Мерве (машинпись), Ташкент, 1959. Архив ЮТАКЭ за 1958 г.: Кошеленко Г. А., Усманова З. И. К истории городских укреплений древнего Мерва, «Известия АН ТССР», 1964, вып. I, стр. 34—40.

²⁵ В Гяур-кале на холме против разреза крепостной стены на северном фасае был найден С. Туваковой и Б. Абдулгазиевой кладок из 166 медных монет, выпущенных Хозроем I (531—579 гг.) во второй половине его правления.

²⁶ Бартольд В. В. История Туркестана, Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 113; История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 406—409.

²⁷ Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа, Сочинения, т. II, ч. I, стр. 556; История Туркменской ССР, т. I, книга I, Ашхабад, 1957, стр. 157.

С. Б. ЛУНИНА

ГРУППА «КАРАУЛТЕПА» И НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОСТАНДЫКСКОГО РАЙОНА

История изучения Бостандыкского района Ташкентской области не особенно насыщена фактами. До сих пор это ознакомление ведется в основном по линии разведочного и разведочно-рекогносцировочного обследования, хотя район давно признан достаточно перспективным в археологическом отношении. Почти полное отсутствие данных письменных источников по древней истории района делает особенно важными все факты, полученные археологами и историками.

В 1885 г. долину р. Чирчик посетил Н. И. Веселовский, в частности, им были отмечены наскальные изображения в местности Сусинган (на берегу р. Угам)¹.

В 1897 г. Н. Г. Маллицкий обследовал находившиеся в сел. Ходжакент семь надгробных камней с надписями. Надписи были расшифрованы, надгробники оказались принадлежавшими представителям мусульманского духовенства и были датированы Н. Г. Маллицким XIV в².

Стожествление отдельных городов и местностей Бостандыкского района по данным письменных источников было сделано В. В. Бартольд в его работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»³. Он высказал, например, предположение, что Неджм находился на месте нынешнего сел. Нанай и что округ Джидгиль соответствует долине Чаткала⁴. Им же приводится рассказ о том, что арабы выстроили для защиты от набегов кочевников стену, которая простиралась от Сырдарьи до гор Сайлык, причем отмечалось, что в том месте вблизи гор и теперь находится сел. Сайлык⁵.

В 1907—1908 гг. сбор археологического материала в долине Чирчика проводил член Туркестанского кружка любителей археологии С. Ф. Николаи, который привез чрезвычайно интересные предметы, найденные в окрестностях сел. Чимбайлык⁶.

Доарабская керамика, смешанная с керамикой XI—XII вв., была собрана в 1937 г. Д. Д. Букиничем из отвалов могил мусульманского кладбища на левом берегу Зах-арыка у бугра Паргос⁷.

В 1945 г. в верховьях Чирчика проводил рекогносцировку М. Э. Воронец. Им описаны два комплекса вещей, обнаруженных там ранее и хранящихся теперь в фондах Музея истории АН УзССР⁸. В том же году геологом Р. В. Смирновым на одной из террас реки Пскем найдено скребло мустьерского времени.

В 1949 г. близ Ходжакента Х. А. Алпысбаев обнаружил дисковидный мустьерский нуклеус и отщеп архаического облика⁹.

В 1949—1950 гг. он же совершил по поручению кафедры археоло-

гии Средней Азии ТашГУ две маршрутных поездки в Бостандыкский район и обследовал территорию протяжением 120 км, причем особое внимание уделил памятникам наскальной живописи в окрестностях села Ходжакент¹⁰.

В 1947—1951 гг. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция провела разведку в Бостандыкском районе вдоль предгорий Пскемского хребта¹¹.

В 1957 г. кафедра археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета осуществила археологическую рекогносцировку в кишл. Нанай. В 1960 г. кафедра включилась в комплексную тему по изучению Бостандыкского района, разрабатываемую ТашГУ.

На протяжении последних лет несколько отрядов Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР проводило обследование памятников этого района с постановкой отдельных раскопочных работ. Сотрудники Института открыли группы новых наскальных изображений, раскопали пещерные стоянки первобытного человека, обследовали курганные группы и поселения, провели разведку следов каменного века¹².

Бостандыкский район, видимо, входит в число мест, где можно будет проследить развитие человеческого общества от эпохи палеолита до наших дней. Во всяком случае для многих этапов обитание здесь человека подтверждено археологическими фактами. Например, специально созданный палеолитический отряд Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР собрал в русле Каласии коллекцию древних орудий труда, датированных культурами шель и ашель — первыми стадиями эпохи палеолита. И хотя вряд ли на основании изучения этих находок можно делать вывод о том, что «эпоха становления человеческого общества в нашем представлении должна отодвинуться еще на сотни тысяч лет в глубь веков, корни человеческого развития уйдут в конец третичного периода»¹³ и пр., как это делает археолог Г. В. Парфенов, находки орудий труда эпохи палеолита представляют несомненный интерес.

Выше упоминались отдельные находки орудий эпохи мустье. В 1958 г. палеолитическая экспедиция Института истории и археологии АН УзССР под руководством А. П. Окладникова произвела раскопки Ходжакентской пещеры, показавшие, что здесь располагалась стоянка людей мустьерского времени, и давшие характерный и своеобразный комплекс многочисленных каменных изделий¹⁴.

Летом 1962 г. отряд Института истории и археологии АН УзССР под руководством М. М. Герасимова проводил раскопки грота Пальтау за сел. Аурахмат и обнаружил здесь мощный культурный слой с многочисленными орудиями труда конца эпохи мустье.

Эпохой бронзы датируется так называемый Чимбайлыкский клад, состоящий из вислобушного бронзового топора, а также шила и ножа листовидной формы, сделанных из того же металла и слитка бронзы. Несколько экземплярами представлены найденные в верховьях Чирчика бронзовые браслеты с рожками на концах, относящиеся к той же эпохе¹⁵.

Ходжикентские наскальные рисунки Х. А. Алпысбаев находит возможным датировать I тысячелетием до н. э.¹⁶

Широко представлен здесь подъемный материал, начиная с VI в. н. э. (культурные слои VI—VII, XI—XII и XIV вв.). Обнаруженные в сел. Сиджак надмогильники датируются, видимо, XVII в.

При изучении Бостандыкского района в будущем необходимо решать задачи раскопочно-археологического порядка. Без проведения

расколк невозможно представить археологическую стратиграфию района, историю отдельных поселений, их характер. Однако проведение такого рода работ должно базироваться на данных разведки района и изучении подъемного материала. Это облегчит и выбор объектов, и предварительную датировку культурных наслоений в них. Поэтому считаем необходимым описать данные, полученные нами в 1961—1962 гг. при обследовании группы тепе Бостандыкского района, именуемых местным населением «караултепа» и расположенных в долине Чирчика и одного из его истоков — Пскема, а также некоторых других памятников.

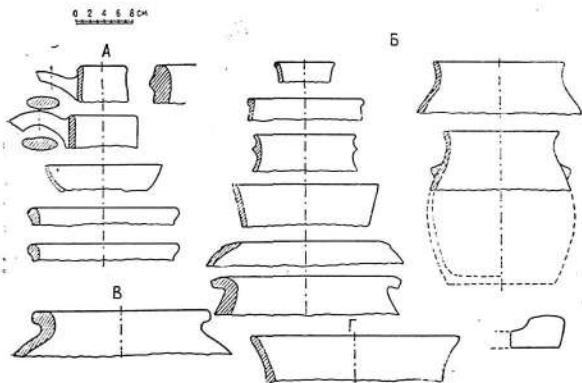

Рис. 1. Неполвиная керамика.

А—Паргос-тепе, Б—Карашуль сай-тепе, В—Навай-тепе, Г—Думалак-тепе.

Почти непосредственно на западной границе Бостандыкского района расположены остатки древнего поселения Паргос-тепе, с вершины которого и в западном и в восточном направлениях прекрасно просматривается долина Чирчика. Размер поселения в настоящее время: с севера на юг 95 м, с востока на запад 60 м. В обрывах прослеживаются остатки кладки из сырцового кирпича $38 \times ? \times 8 \text{ см}^3$ и $39 \times ? \times 9 \text{ см}^3$. Фрагмент жженого кирпича, поднятый на поверхности, имел толщину 4 см. С северной стороны тепе протекает Зах-арык, по другую сторону которого расположено кладбище. Подъемный материал с последнего чрезвычайно невыразителен, однако Д. Д. Букинич при сборах здесь керамики находил возможным, как указывалось выше, выделять комплексы доаравской керамики и керамики XI—XII вв.

Поверхность же самого Паргос-тепе буквально усыпана фрагментами как поливной, так и неполвиной керамики (рис. 1). Среди последней выделяются черепки с черными и красными полосами по красноватому и желтоватому фону (черепок в изломе красноватого и коричневатого цвета, отмучка средняя, обжиг неровный) с процарапанной линейной и волнистой орнаментацией. Выделяются фрагменты толсто-

стенной посуды (толщина в изломе 1,5—2 см), с весьма значительной примесью крупной дресвы и покрытые внутри красным ангобом, и, наконец, тонко- и среднестенные черепки, покрытые по такому же ангобу лощением.

Несколькими фрагментами представлены венчики кувшинов с отходящими от них крупными ручками (черепок в изломе коричневатого цвета, отмучка средняя, прослеживаются даже выгоревшие растительные частицы). Найдены также фрагмент венчика хума с очень пористым черепком и крупными примесями (черепок в изломе красновато-коричневого цвета), фрагменты изящного венчика чаши, открытой внутри и снаружи коричневатым ангобом, венчики горшкообразных сосудов и один фрагмент симобкузачи серого цвета с орнаментом в виде рядов очень мелких цветочков, оттиснутых штампом.

У поливных сосудов черепок в изломе красноватого и коричневатого цвета. Гладкая полива имеет цвета: белый, зеленый, синий, темно-коричневый. Под поливой салатного цвета и голубовато-белой встречается процарапанный орнамент. Большим количеством мелких фрагментов представлена поливная керамика с орнаментами черной краской на белом фоне, коричневой на белом, коричневой и красной на белом, красной и коричневой на желтом. Среди этих фрагментов, которые могут быть датированы XI—XII вв., выделяются черепки с голубым и фиолетовым орнаментом на белом фоне, могущие быть отнесенными к XIV в. Найдены здесь также куски ошлакованной поверхности керамической обжигательной печи, свидетельствующие о развитии гончарного производства, а также фрагмент костяного орудия. Население считает, что тепе получило свое название по имени жившего здесь правителя.

В трех с лишним километрах от Газалкента на самом берегу Чирчика расположено Думалак или Юмалактепа. Само слово «думалак» означает «круглое», что действительно соответствует очертаниям тепе в плане. Тепе расположено на правом берегу неглубокого сая у его впадения в Чирчик, что было достаточно удобным, а поверхности же его хорошо просматривалась долина Чирчика. Диаметр тепе свыше 40 м, высота 4—6 м. Около тепе найдено несколько фрагментов зернотерок из белого и красного гранита, средние их размеры: длина 28 см, ширина 17 см, высота 8 см. Здесь же был найден и фрагмент «бегунка» к зернотерке — в разрезе прямоугольного со скругленными углами, к краю несколько суженного, ширина его 6 см, высота 7 см, длина сохранившейся части 11 см.

Керамика, собранная на тепе, явно принадлежит двум хронологическим периодам. Собраны фрагменты стенок сосудов, неровно обожженных (красноватый цвет снаружи, серый внутри) с процарапанной в четыре ряда волнистой орнаментацией, фрагменты стенок и донец с примесью мелкоистолченной дресвы и красным ангобом снаружи, несколько фрагментов стенок с густым красным ангобом и полосчатым лощением. Много здесь и фрагментов стенок с примесью дресвы, неровно обожженных, иногда пористых, серого, темноватого и красного цвета снаружи, с черными и красными прорисованными на поверхности полосами. Несколько фрагментов стенок сосудов имеют поливу белого и зеленого цвета. Формы сосудов почти не восстанавливаются. С южной стороны тепе значительно разрушено.

В нескольких километрах от Думалак-тепе, выше по Чирчику, приблизительно в 200 м от впадения Каранкуль-сая в Чирчик, с правой стороны сая расположено тепе, именуемое населением по назва-

нию сая Каранкуль-сай-тепе. Размеры его 36×36 м, высота около 3 м. Керамика встречается вокруг тепа в радиусе до 175 м. Основная масса керамики найдена в отвале геологического шурфа, заложенного на поселении.

Здесь обнаружено большое количество фрагментов неполивной керамики; стенки и венчики горшков, кувшинов, хумов и хумча. Выделяются фрагменты с примесью дресвы, неровно обожженные, но снаружи с красным ангобом и полосчатым лощением. В одном случае лощение сделано по коричневатому ангобу, густой темно-красный ангоб имеется на многих сосудах без лощения.

Фрагменты венчиков части горшкообразных сосудов имеют диаметр от 16 до 18 см (черепок с большой примесью мелко истолченного кварца, поверхность тщательно обработана и покрыта красным ангобом и лощением). На одном из фрагментов ниже венчика наклепана округлая шишечка с просверленной снизу неглубокой дырочкой. По-видимому, эта декоративного назначения деталь произошла от ручки со сквозным отверстием для подвешивания.

Косо поставленный венчик округлого горшкообразного сосуда с отходящими непосредственно от него стенками имеет грубый черепок со значительными примесями и следами неровного обжига, снаружи покрытый красным ангобом и полосчатым лощением (диаметр 18 см). Очень тщательно и изящно сделан, но неровно обожжен венчик горшкообразного сосуда диаметром 14 см с остросеребряным выступом ниже венчика (черепок в изломе красного цвета, покрыт красным ангобом).

Венчик хумчи диаметром 24 см (черепок коричневатого цвета, пористый, ровного обжига) имеет выступающий наружу бортик, оформленный зашипами.

Интересен небольшой фрагмент плоской керамической поделки с широким округлым бортиком, нижняя поверхность которой залощена до блеска от длительного употребления. Быть может следует усматривать в ней керамический диск, употребляемый гончарами, по данным Е. М. Пещеревой, при изготовлении крупных сосудов¹⁷.

Одним фрагментом представлена посуда с примитивным штампованным орнаментом в виде S-образных фигур. В поливной керамике преобладает белая и зеленая гладкая полива, есть черепки с коричневым орнаментом на белом фоне и подглазурным, процарапанным по белому и зеленому фону.

Остатки древнего поселения такого же типа, расположенного на берегу Пскема, имеются на территории сел. Богустан, северо-восточнее его центра. У местного населения оно носит название Кадвак-тепа (или Кадвак-дунги-тепа). Размер его 75×63 м, высота 11—12 м, одной стороной тепа непосредственно обрывается к реке. На поверхности здесь преобладают фрагменты неполивной керамики, в основном стенки сосудов; черепок в изломе сероватого, коричневатого и красноватого цвета, все черепки с различными примесями (частицы иногда довольно крупные), есть с большой примесью кварца и отдельными частицами слюды. Обжиг обычно неровный — часто черепок красноватый с краю и темно-серый или черноватый в середине. Фрагмент донца крупного сосуда имеет диаметр 24 см, сосуд сделан от руки, у донца явно прослеживаются отпечатки пальцев. Встречен также фрагмент венчика сосуда типа тагора, но диаметр его определить не удалось, то же и для другого фрагмента венчика довольно тонкостенного сосуда (толщина сечения 6 мм), покрытого внутри и снаружи красным ангобом. Фрагмент ручки лепного сосуда с большим количеством примесей имеет в разрезе подпрямоугольное очертание со скругленными углами.

Длина 2,5 см, ширина 1,2 см. Коричневатый в изломе черепок у маленького фрагмента изящного сосуда, видимо, широкогорлого кувшинчика.

Фрагмент поливного сосуда с черным и синим орнаментом по белому фону может быть безошибочно отнесен к XIV в. Найдено здесь и керамическое пряслице. Керамика прослеживается вокруг тепе на площади радиусом свыше 100 м.

С западной стороны тепе видны остатки кладки из сырцового кирпича, однако размер их удалось проследить лишь в одном случае: $25 \times 7 \times 5 \text{ см}^3$.

На высоком естественном возвышении в излучине Пскема, занимая чрезвычайно выгодное положение, располагается поселение Нанай-тепе размером $60 \times 32 \text{ м}$ и высотой около 30 м. Оно находится примерно в 500 м северо-западнее центра сел. Нанай на правом берегу реки.

Подъемный материал представлен в основном фрагментами стенок и донцев средне- и толстостенной керамики (толщина стенок в изломе от 1 до 2,7 см), черепок в изломе красноватого или коричневатого цвета с примесью дресвы, иногда дресвы и шамота. На фрагменте хумчи (диаметр венчика 24 см) под венчиком сделаны крупные вмятины пальцами. На одном фрагменте стенки сосуда видны небрежно нанесенные полосы красной краски.

Следует снова подчеркнуть, что описанный материал является подъемным; как правило, он получен именно с поверхности тепе, а не из их обрывов, т. е. не непосредственно из культурного слоя, поэтому он может лишь достаточно условно характеризовать этапы жизни на поселениях. С уверенностью, однако, можно утверждать, что почти все описанные тепе имеют культурные слои VI—VII и XI—XII вв., а некоторые и слой XIV в.

К первому слою относятся фрагменты красноангобированной, а также с лошением по красному ангобу керамики. Таковы фрагменты красноангобированных кружек (считается, что кружка — обычный предмет домашнего обихода VI—VII вв.)¹⁸. Краснолощенная керамика получила широкое распространение в Средней Азии в VI—VII вв. Она найдена на городище Минг-Урюк в Ташкенте¹⁹, на городищах Ташкентской области — Актепа, Чаштепа²¹ и многих других, на городищах области Илак²², среди керамики V — начала VII вв., Балалыктепа в Сурхандарьинской области²³, на городище Кува в Фергане²⁴ и т. д. И хотя следует оговориться, что краснолощенная керамика встречается на городищах и в слоях X—XII вв., цвет черепка наших фрагментов, тщательность их выделки, форма сосудов говорят явно в пользу именно датировки их VI—VII вв.

Веками XI—XII датируются многочисленные фрагменты поливной керамики, а также по аналогии некоторые фрагменты неполвной. Например, ручки котлов в виде серповидных горизонтальных налепов встречаются в керамике XI—XII вв. Минг-Урюка²⁵, Актепа²⁶. На Минг-Урюке же найдены крышки котлов дисковидной формы, орнаментированные вмятинами пальцев и процарапанными линиями²⁷. Труднее датировать черепки с растеками красной и черной красок по поверхности. Для городищ Кашкадарьинской области, Балалыктепа²⁸, Актепа под Ташкентом²⁹ такие черепки датируются V—VII вв., однако на многих городищах они встречены в слоях XI—XII вв., в том числе в большом количестве на Минг-Урюке³⁰.

Отметив наличие на описанных поселениях культурных слоев трех хронологических периодов, считаем, однако, преждевременным делать

на основании исследованного подъемного материала выводы о периодах подъема и упадка этих поселений.

Все описанные выше поселения местные жители относят к группе «караултепа», считая при этом, что такие тепа располагались в среднем на расстоянии 3—3,5 км друг от друга. Старики считают, что на них всегда имелись запасы особого горючего, которое в случае приближения опасности зажигалось на ближнем к противнику тепа. Как только сигнал бедствия замечали на следующем тепа, зажигали костер и там, и так весть об опасности по цепочке передавалась в Ташкент. Между Паргосом и Кадваком местные жители называют еще Ханвайтепа и Хакимбекни-толи-тепа, остатки которых пока не найдены³¹. От Паргоса сигналы передавались на запад на Карабай-тепа и Кош-курган и далее по другим тепе долины Чирчика в Ташкент. Этот же смысл придан и названию Кадвактепа, где слово «кадвак» употреблено в смысле «связь».

Думается, что в этих утверждениях содержится доля истины. Для передачи подобных сигналов высота поселений вполне достаточна, а их удобное расположение в пойме Чирчика и его истоков обеспечивало возможность приема сигналов каждым следующим звеном цепочки. Но эти тепа нельзя рассматривать только как сторожевые башни, напротив их размеры и распространение на большой площади вокруг них подъемного материала говорят о наличии здесь небольших сельских поселений с усадьбами феодалов. Значительны и находки на них, представленные фрагментами разнообразной керамики, зернотерками, пряслицами — свидетельство занятий ткачеством, присутствие керамических шлаков говорит о гончарном производстве и др.

Нельзя не признать, однако, что только проведение раскопчных работ поможет восстановить ясную картину жизни на этих поселениях и их характер. Такие результаты должно дать археологическое обследование, включающее раскопчные работы и намечаемое в связи со строительством Чарвакского каскада гидроэлектростанций, могущих поставить под угрозу существование многих интересных археологических памятников.

В 1962 г. кафедра археологии Средней Азии осуществила несколько рекогносцировочных выездов в Бостандыкский район с целью фиксации остатков древних поселений-тепе, сбора на них подъемного материала, а также опроса местных жителей, которые могут сообщить интересные сведения о расположении отдельных объектов, связанных с ними легендах и помочь установить этимологию названий отдельных пунктов. Одна из таких поездок предпринята совместно с Отделом охраны памятников при Министерстве культуры Узбекской ССР.

Было проведено археологическое обследование Ходжакента. Обнаруженные здесь ранее намогильные камни-кайраки с надписями и наскальные изображения довольно широко известны. Гораздо меньше привлекали внимание остатки древнего поселения. Оно расположено на правом берегу Чирчика около моста. Длина его в настоящее время 130 м (в направлении запад-восток), ширина около 120 м (с севера на юг). Часть территории поселения перепахана, а сохранившуюся площадь пересекают арыки и дороги. Население сейчас называет тепа его поздним наименованием — Ходжакент-базар-баши. Надо думать, что именно здесь располагался древний Ходжакент, тем более, что на территории современного Ходжакента имеется лишь бугор Ак-тепе размером 20 × 20 м и высотой 7 м, лишенный подъемного материала, но содержащий в обресе с трудом прослеживаемые на высоте 1 м от по-

дошвы остатки кладки из сырцового кирпича размером $25 \times ? \times 6$ см и $28 \times ? \times 7$ см.

Упомянутые же выше остатки поселения дали довольно обильный и разнообразный подъемный керамический материал, представленный фрагментами хумов, хумча, котлов, горшков, чаш и др. Кроме того, на поверхности собраны фрагменты жженого кирпича размером $25 \times ? \times 5$ см и $26 \times ? \times 5$ см, а кое-где прослежены отвалы древесного угля (рис. 2).

В подъемном керамическом материале выделяются фрагменты краснолощенной керамики, в частности, довольно обильно представлена среднестенная (толщина стенки $0,8-1,0$ см) керамика со сплошной примесью довольно крупной дресвы, покрытая снаружи темно-красным ангобом и лошением (был встречен один фрагмент такого же черепка, но с черным ангобом и полосчатым лошением). Встречаются также фрагменты красноангобированных и лошенных чаш, кружек. Последние имеют сбоку небольшую прямоугольную в сечении ручку. На ряде фраг-

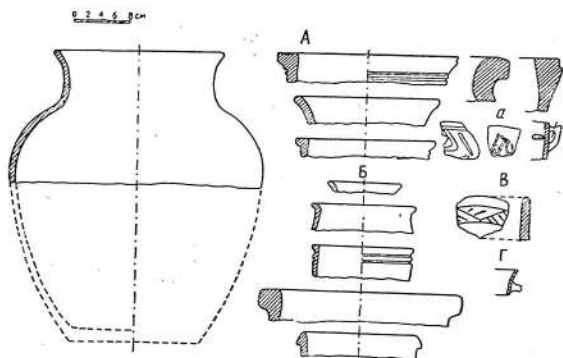

Рис. 2. Неполившая керамика.

А—Ходжакент, Б—Грич-Мулла, В—Турткуль-тепе, Г—Кадзак-тепе, а—краснолощенная.

ментов такой керамики орнамент обычно в виде прочерченных и вдавленных полос и кругов, причем часто полосы прочерчены довольно глубоко. В одном случае в стенке было сквозное круглое отверстие. Интересны фрагменты красноангобированных сосудов с маленькими, длиной 5 см, тонкими наклепными горизонтальными серпообразными ручками. Два фрагмента ручек сосудов с красным ангобом и лошением имеют косые насечки в верхней части, создающие впечатление витой ручки.

Фрагменты неполивной керамики, найденные здесь, содержат, как правило, примесь мелконтоленной, а иногда и довольно крупной дресвы, черепок в изломе обычно красноватого или коричневого цвета. Диаметр венчиков хумов установить не удалось, черепок их в изломе обычно пористый, а в некоторых случаях видны даже обильные выгоревшие растительные примеси, обжиг неровный. На одном из фрагментов с на-

ружной стороны наклепана дополнительная полоска глины, по которой пальцами оформлены зашпы, служащие своеобразным украшением хума.

В одном из обрезов найдена верхняя часть широкогорлого округлого лепного кувшина с диаметром венчика 24 см, черепок в изломе красного цвета с большой примесью мелкоистолченной дресвы. Ниже венчика расположены серпообразные витые горизонтально наклепанные ручки. Фрагменты крупных горшкообразных сосудов с горизонтальными наклепными ручками длиной 9—10 см, серпообразными и витыми, обнаружены в разных частях площади поселения. В конце ручек, превратившихся скорее в декоративное украшение, видны следы вмятин от пальцев, прикреплявших ручку.

В большом количестве встречены фрагменты сосудов с полосами, нанесенными черной и красной краской.

Любопытны остатки вылепленного от руки очажка диаметром 42 и толщиной стенки 4,5 см. Глина смешана приблизительно в равном соотношении с галькой, иногда довольно крупной (до 1—1,2 см диаметром). Снаружи стенки заглажены, а на венчике заложены, видимо, от длительного употребления. На одном фрагменте внутри, на 2 см ниже венчика, сохранились остатки округлого выступа, явно предназначенного для удобства установки котлов.

В меньшем количестве обнаружена здесь поливная керамика, среди которой два фрагмента с гладкой ярко-голубой поливой, несколько с гладкой зеленой и несколько фрагментов с зеленым и синим орнаментом по белому фону.

Интересно, что на поверхности бугра естественного происхождения, ныне именуемого Тупрак-кан, был прослежен культурный слой толщиной до 1 м, содержащий остатки погребений по суннитскому мусульманскому обряду (ориентация костяка в направлении север-юг, голова повернута на запад) и явно вымытую отсюда поливную керамику XIV в. Последняя имеет черепок в изломе красноватого и коричневатого цвета, средней отмучки, ровного обжига. Орнамент нанесен синей, черной и марганцево-черной краской по белому фону, в том числе один с голубыми полосами и черными спиральными завитками. Находившаяся здесь же неполиванная керамика маловыразительна и датирована быть не может; все сосуды сделаны на гончарном круге, черепок в изломе красноватого и коричневатого цвета. Найденный на поверхности фрагмент зернотерки имел ширину 20 и толщину 6 см. Неподалеку находился жженный кирпич размером 24×?×5 см.

Не менее интересно, что на том же бугре удалось отметить следы двух средневековых плавильных печей с кусками железного шлака около них.

В связи с упомянутыми находками керамики XIV в. нельзя не подчеркнуть, что керамика этого времени найдена не только на этом бугре, но и на поселении Ходжакент-базар-баши и в верхнем культурном слое у скалы с наскальными изображениями, а также часто встречается в обломке современных дувалов в Ходжакенте, глина для которых бралась где-то рядом, опять-таки из культурного слоя. Все это вместе взятое не может не говорить о значительной площади поселения и о расцвете жизни здесь в указанный период. Сказанное становится особенно убедительным в связи с обнаружением здесь намогильных камней-кайраков, надписи на которых прочитаны Н. Г. Маллицким и датированы XIV в. Принадлежность намогильников мусульманским шейхам повзоила Н. Г. Маллицкому считать Ходжакент XIV в. «маленьким центром религиозной учености»³². Видимо, не случайным является и на-

звание Ходжакент («Город хаджей»), которое местное население единодушно связывает с тем, что в древности здесь жило много людей, совершавших хадж — паломничество в Мекку. Старики-информаторы сообщили, что еще в прошлом веке на территории Газалкента и Ходжакента было шесть мечетей. Видимо, Ходжакент являлся не столько центром «религиозной учености» сколько одним из центров религиозного фанатизма.

Любопытно, однако, что здесь почитание некоторых священных мест явно уходит своими корнями в глубокую древность и никак не связано с мусульманской религией. Например, метрах в 500 от центра Газалкента, по дороге в Ходжакент, на берегу Чирчика расположена маленькая рощица и небольшая территория площадью 100×25 м, окруженная с трех сторон невысокой насыпью из гальки. Считается, что раньше здесь находилось кладбище, позже смытое рекой. Место это носит название «Кум-ата» («отец песков»). По преданию здесь похоронен святой Кум-ата. Культ его явно связан с очень древним культом р. Чирчик, культом воды.

Не доезжая сел. Бурчмулла, приблизительно в 500 м от него, перпендикулярно к дороге и по обе стороны от нее тянется вал длиной около 220 м, ширина его у подошвы достигает 8—10, а высота 2 м. Расположенный между двумя саями он возможно имел оборонительное значение, тем более, что на довольно большой площади к западу и несколько к востоку от него находятся отдельные всхолмления, с которых удалось собрать весьма значительный подъемный керамический материал, а также фрагменты ошлакованных стенок плавильных печей и куски железного и свинцового шлака. Собранная здесь керамика почти сплошь поливная, много стенок средние и толстостенных сосудов (толщина от 0,8 до 2 см) с красноватым и коричневым в изломе черепком, как правило, пористым, причем на некоторых черепках отчетливо видны следы выгоревших значительных растительных добавок, много также черепков с большой примесью дресвы, причем и те и другие обычно очень неровно обожжены. Встречены фрагменты донец крупных грубых лепных сосудов (диаметр одного из них 16 см). Большое место в подъемной керамике занимают венчики широкогорлых кувшинов (диаметр от 10 до 14 см) и горшкообразных сосудов (диаметр 16—28 см). Стенки некоторых сосудов имеют сплошное грубоватое рифление. Встретились и красноангобированные сосуды, в том числе один фрагмент ручки с тремя ребрами по поверхности, начинающимися несколько отступая от венчика, ниже поперечного выступа, и, наконец, такие же сосуды с лощением. Поливная керамика представлена двумя фрагментами с коричневым орнаментом на белом фоне. Нельзя не вспомнить, что, по мнению Е. М. Пещеровой, лучшие сорта железистой глины для получения красно-коричневых тонов в орнаменте поливной посуды, употреблявшиеся ташкентскими гончарами, добывали в Чаткальских горах и привозили из селений Ходжакент, Хумсан и Бурчмулла. Из Бурчмуллы и Бостандыка доставляли марганец, дающий на посуде темно-лиловые тона³³. Следовательно, местные гончары имели в своем распоряжении разнообразное сырье для производства поливной керамики.

В сел. Сиджак на правом берегу Пскема были обнаружены три кайрака с надписями. Они сложены под одним деревом и явно принесены сюда из другого места, однако откуда именно население уже не помнит. Два кайрака из красноватого песчаника с многострочными надписями. Один из них овальной формы размером $88 \times 32 \times 19$ см, другой размером $90 \times 40 \times 20$ см несколько неправильной формы, уто-

няющийся книзу, до 12 см в толщину. Надписи на обоих кайраках заключены в прямоугольную рамку с острым выступом наверху. Третий кайрак — маленький, из серого песчаника размером 38 × 32 × 10 см, имеет двустрочную надпись крупными буквами. По предварительному определению М. Е. Массона, надписи датируются XVII—XVIII вв. Собранные здесь фрагменты поливной керамики, видимо, также могут быть отнесены к этому времени — это фрагменты донец с неопределенного оттенка коричневой поливой, черепки с марганцево-черной и грязно-голубой поливой. Неподалеку от кайраков найдены фрагменты стенок явно плавильной печи и куски железного шлака. Несколько мелких фрагментов поливной керамики как будто могут быть датированы XIV в., но говорить о наличии здесь культурного слоя этого времени пока преждевременно.

Одна галька-кайрак XVIII в. находится в 1 км от Богустана на территории аулия шейхи Умар ва Али Богустани. Галька несколько необычной формы — узкая сверху (ширина всего 15 см), с расширенной (55 см) и закругленной нижней частью. Высота гальки 90 см. В конце надписи проставлена дата 1184 г. хиджры (1770 г.). М. Е. Массон считает, что галька не может быть надмогилией, а надпись на ней является памятной.

Обнаружение нескольких памятников материальной культуры XVII—XVIII вв. представляет значительный интерес, причем значение их безусловно повысится после прочтения надписей.

Приблизительно в 4 км к северу от пос. Таваксай было обследовано расположенное в горах поселение Турткуль-тепе, от которого сохранился округлой формы бугор диаметром свыше 70 м. Здесь собрано свыше 30 фрагментов неполивной керамики, имеющей черепок в изломе красного и коричневого цвета, покрытой светлым либо цвета черепка ангобом, а также восемь фрагментов котлов с примесью очень крупной дресвы и красноватым или черным в изломе черепком. Датировать по этим фрагментам чрезвычайно затруднительно, однако несколько ниже поселения встречен явно вымытый оттуда прекрасный черепок XIV в., что следует считать намеком на наличие культурного слоя этого времени на упомянутом тепе. Небольшая площадь тепе и очень удобное расположение его в горах позволяют видеть в нем небольшую крепость, предназначенную для охраны оазиса от набегов врага.

Разведочные поездки еще раз подтвердили необходимость внимательного изучения памятников материальной культуры прошлого, расположенных в верховьях реки Чирчик и ее истоков. Постановка на некоторых из них археологических раскопок с большей полнотой осветит историю этих поселений, их характер и время существования. Кроме того, обнаружение интересных эпиграфических памятников подсказывает необходимость более тщательного опроса населения с целью выявления новых объектов такого рода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Веселовский Н. И. Поездка в местность Сусинган, ЗВО РАО, т. II, вып. 1, СПб., 1887, стр. 25.

² Маллицкий Н. Г. Ходжакентские надгробные надписи XIV столетия, ПТКЛА, II, Ташкент, 1897.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, соч. т. I, М., 1963.

⁴ Там же, стр. 219.

⁵ Бартольд В. В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии, «Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, июнь, стр. 26—27.

- ⁶ Протокол № 2 от 11 апреля 1907 г., ПТКЛА, XII, Т., 1908, стр. 36; протокол № 1 от 23 марта 1908 г., ПТКЛА, XIII, Т., 1909, стр. 3.
- ⁷ Букиннич Д. Д. Новые данные для истории канала Боз-су, СОНАТ, 1937, № 6, стр. 72.
- ⁸ Воронец М. Э. Браслеты бронзовой эпохи музея истории АН УзССР, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Т., 1948.
- ⁹ Алпысбаев Х. А. Находки нижнего палеолита в южном Казахстане, Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. VII, 1959, стр. 232.
- ¹⁰ Алпысбаев Х. А. Новые наскальные изображения Бостандыкского района, Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. I, 1956, стр. 182.
- ¹¹ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. V, Археология, 1958, стр. 4.
- ¹² Насретдинов Х. К. Разведка следов каменного века в Бостандыкском районе в 1959 г., История материальной культуры Узбекистана, вып. 4, Ташкент, 1963.
- ¹³ Парфенов Г. Полмиллиона лет назад, «Ташкентская правда», 20 октября 1959 г., № 207 (1469).
- ¹⁴ Окладников А. П. Краткий отчет о раскопках Ходжакентской пещеры в 1958 г., История материальной культуры Узбекистана, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 30.
- ¹⁵ Воронец М. Э. Указ. соч., стр. 65.
- ¹⁶ Алпысбаев Х. А. Указ. соч., стр. 187.
- ¹⁷ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. XLII, 1959, стр. 194.
- ¹⁸ Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 114.
- ¹⁹ Буряков Ю. Городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды САГУ, вып. XXXI, Ташкент, 1956, стр. 127.
- ²⁰ Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, Труды ТашГУ, вып. 172, Ташкент, 1960, стр. 160.
- ²¹ Баишев И., Массон В. М. Археологические разведки в районе Ташкента, Труды САГУ, вып. 81, Ташкент, 1956, стр. 136.
- ²² Массон М. Е. Ахангаран, Ташкент, 1953, стр. 27.
- ²³ Альбаум Л. И. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 122.
- ²⁴ Гражданкина Н. С. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана, История материальной культуры Узбекистана, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 123.
- ²⁵ Буряков Ю. Указ. соч., стр. 129.
- ²⁶ Тереножкин А. И. Указ. соч., стр. 105.
- ²⁷ Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г., Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ, вып. 172, Ташкент, 1960, стр. 137.
- ²⁸ Альбаум Л. И. Указ. соч., стр. 24.
- ²⁹ Тереножкин А. И. Указ. соч., стр. 117.
- ³⁰ Буряков Ю. Указ. соч., стр. 129.
- ³¹ Буль промежуточного пункта в такой сигнализации могло играть и Ходжакентское поселение.
- ³² Маллицкий Н. Г. Указ. соч., стр. 21.
- ³³ Пещерева Е. М. Указ. соч., стр. 174.

Г. Я. ДРЕСВЯНСКАЯ

КАМЕННЫЕ БУСЫ С ГОРОДИЩ СТАРОГО МЕРВА

Впервые древние туркменистанские бусы, найденные в районе Иолотани, упоминаются в статье А. В. Комарова¹. О бусах из других районов Средней Азии написана работа А. С. Бобровой «Бусы Афрасиаба» (по материалам, хранящимся в археологическом кабинете ТашГУ)². Статья И. В. Пташниковой «Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма»³ и С. А. Трудновской «Украшения позднеантичного Хорезма»⁴ основаны на материале Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. В сборнике кафедры археологии Средней Азии ТашГУ опубликована статья З. И. Усмановой и А. Ахрарова «Бусы Кувы»⁵. В ряде работ встречаются описания среднеазиатских бус из раскопок погребений и жилых комплексов. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) уделяет много внимания изучению бус. Наиболее ранние, палеолитические, бусы-раковины встречены А. П. Окладниковым в мастерской древнего «ювелира» на мысе Куба-Сенгир и в гроте Дам-Дам-Чешме на Красноводском полуострове⁶. Бусы эпохи бронзы описаны в работе В. М. Массона «Древнеземледельческая культура Маргианы»⁷. Об античных бусах упоминает М. Е. Массон в статье «Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства»⁸. Студентка кафедры археологии Средней Азии ТашГУ Д. П. Вархотова⁹ в дипломной работе описывает бусы позднеантичного и средневекового Мерва.

При изучении в 1953—1957 гг. квартала мукомолов на Гяур-кале (раскоп 6) найдены каменные бусы II—III вв. н. э. разных форм, в том числе круглые, бочонковидные, цилиндрические и др.¹⁰

В коллекции мервских бус, состоящей из 212 экземпляров, имеется хорошо датированный комплекс бус II—III вв. н. э. с раскопов 6 и 13 городища Гяур-калы, бусы XI—XIII вв. н. э. с раскопов 7 и 10 Гяур-калы, раскопа 1 Султан-калы, раскопа 1 рабада Султан-калы, а также одна бусина V—VI вв. н. э. с городища Битик и одна бусина X в. н. э. из шурфа 1 Султан-калы. Разумеется, и в пору кризиса рабовладельческой системы на Среднем Востоке, и в эпоху зарождения и развития феодализма бусы оставались по-прежнему наиболее распространенными украшениями, но, к сожалению, пока нет возможности четко разграничить бусы этого времени. В отношении датированных бус следует помнить, что приведены даты не изготовления, а лишь последнего употребления украшений.

Гяур-кала, раскоп 6. Мраморовидный оникс. Пятьдесят бусин кольцевидной формы Д—4—11, т—3—8, д—1—1,5 мм*.

Сердолик. Десять шаровидных бусин Д—6—14, д—1—2 мм. Из них две орнаментированы содой, одна сплошь покрыта скобками, обращенными острыми концами навстречу друг другу, на боку второй зубчатое изображение, напоминающее арабскую букву «син». Три цилиндрические бусины Д—5—7, дл—7—13, д—1,5 мм. Из них одна дипирамидальная шестигранная, покрыта содовым орнаментом в виде пятиугольников, где Д—8, дл—14, д—1,5 мм; другая в форме параллелепипеда со срезанными углами, в поперечном сечении представляет квадрат со стороной 7, дл—6, д—2 мм.

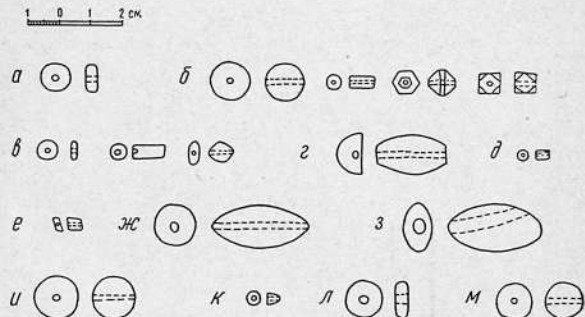

Рис. 1. Формы каменных бус II—III вв.

а—оникс, б—сердолик, в—бирюза, г—хрусталь, д—коралл, е—гранат, ж—агат, з—талч, и—кварц, к—перламутр, л—гаргат, м—халцедон.

Бирюза. Одна кольцевидная бусина Д—6, т—1,5, д—1 мм; одна оваллоидная Д—7, т—4, дл—8, д—1 мм; одна заготовка для бусины цилиндрической формы со следами начатого сверления Д—4, дл—11 мм.

Горный хрусталь. Одна линзовидная бусина Д—13, т—9, дл—22, д—2 мм.

Коралл. Четыре цилиндрические бусины Д—3—5, дл 3—6, д—1,5 мм.

Гранат. Четыре бусины неправильной формы, приближающиеся к параллелепипеду, Д—5—7, т—3—5, д—1 мм.

Агат. Одна эллипсоидная бусина Д—14, дл—31, д—2 мм. Агат полосчатый представляет чередование черных и светло-серых полос под углом к оси бусины.

Талч. Две оваллоидные бусины Д—16—18, т—10—15, дл—30 и 31, д—5—7 мм. Первая из них бракованная с отверстием, вышедшим в бок бусины (вследствие косоного положения сверла).

* Диаметр — Д, толщина — т, диаметр отверстия — д, высота — в, длина — дл, ширина — ш.

Кварц. Одна шаровидная бусина Д—15, д—2 мм.

Перламутр. Две бусины в форме усеченного конуса Д5, дл—3 и 7, д—1 мм.

Гагат. Две кольцевидные бусины Д—11 и 14, т—4 и 7, д—2,5—3 мм.

Халцедон. Четыре шаровидные бусины Д—10, д—1,5 мм.

Гяур-кала, раскоп 13. Сердолик. Шаровидная бусина с воронкой выкола, Д—13, д—2 мм.

Бирюза. Оваллоидная бусина с отверстием поперечным овалу, Д—6, т—2, дл—4, д—1 мм.

V—VI вв. н. э., городище Битик

Бусина из сердолика, шаровидной формы, Д—10, д—1,5 мм.

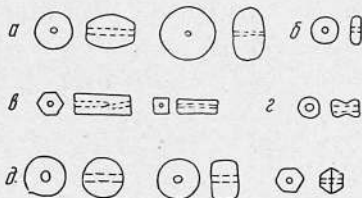

Рис. 2 Формы каменных бус XI—XIII вв.
а—хрусталь, б—лазурит, в—сердолик, г—гипс, д—гагат.

X в. н. э., Султан-кала, шурф 1

Бусина из гагата в форме упругого шара Д—15, т—13, д—2,5 мм.

Бусы XI—XII вв. н. э. (рис. 2)

Горный хрусталь. Одна эллипсоидная бусина Д—11, дл—15, д—2 мм и одна в форме упругого шара Д—18, т—10, д—1 мм (раскоп 7, Гяур-кала).

Лазурит. Одна кольцевидная бусина Д—9, т—3, д—2 мм (Гяур-кала, раскоп 10).

Бусы XII—начала XIII вв. н. э., Султан-кала, раскоп 1

Сердолик. Одна призматическая шестигранная бусина Д—8, дл—19, д—2 мм.

Гагат. Одна шаровидная бусина Д—15, д—2,5 мм; одна эллипсоидная Д—15, дл—20, д—2,5 мм; одна кольцевидная Д—14, т—10, д—2 мм; другая кольцевидная с шестью ребрами Д—9, т—8, д—2 мм.

Бусы XI—XIII вв. н. э., Султан-кала, раскоп 1

Сердолик. Одна призматическая четырехгранная бусина с содовым орнаментом в виде зубчатых линий, расположенных поперек бусины. В поперечном сечении представляет собой квадрат со стороной 5, дл—13, д—1,5 мм.

Гагат. Две шаровидные бусины Д—10 и 17, д—3 и 7 мм.

Гипс. Одна бусина глобоидальной формы имеет наибольший диаметр 7, наименьший—5, дл—9, д—3 мм.

Подъемные бусы

Мраморовидный оникс. На городище Гяур-кала нашли двадцать одну кольцевидную бусину Д—4—10, т—3—6, д—1—1,5 мм; две шаровидные Д—4 и 10, д—1 мм; две цилиндрические Д—4—6, дл—4—7, д—1 мм; одну глобондальную, где наибольший диаметр 5, наименьший—3, дл—6, д—1 мм; одну оваллоидную бусину с двумя параллельными отверстиями, Д—10, т—6, дл—13, д—1 мм; одну трапециевидную бусину-подвеску высотой 13 мм, длиной оснований: нижнего 12, верхнего 5 мм, т—4, д—1 мм; одну заготовку для клыквидной бусины без отверстия и с отломанным краем, Д—16, т—3—8 мм. На Эрк-кале найдена одна шаровидная бусина Д—4, д—1 мм; одна кольцевидная Д—4, т—3, д—1 мм; одна клыквидная бусина-подвеска Д—12, т—4, д—1 мм. С городища Мунон-депе имеется одна кольцевидная бусина Д—5, т—4, д—1 мм. На городище Султан-кала были встречены бусы: шесть кольцевидных Д—4—8, т—3—6, д—1—1,5 мм; одна шаровидная Д—5, д—1 мм; на северном обводе Султан-кала найдены одна битрапеционидная бусина с наиболее широкой частью 8 мм, на концах по 5 мм, дл—11, т—3, д—1,5 мм; одна оваллоидная Д—4, т—2, дл—5, д—1 мм. С Шайм-калы поднята одна оваллоидная бусина Д—7, т—4, дл—8, д—1 мм.

Сердолик. На Гяур-кале найдены три шаровидные бусины Д—7, 8, 10, д—1 мм, у последней имеется воронка выкола д—2 мм; одна эллипсоидная Д—8, дл—19, д—2 мм; две бочонковидные Д—8 и 9, дл—9 и 15, д—2 мм; две кольцевидные Д—7 и 11, т—5 и 8, д—2 мм; две дипирамидальные, одна с четырьмя гранями Д—6, дл—11, д—2 мм; вторая с шестью гранями Д—16, дл—14, д—2 мм; одна оваллоидная Д—10, т—6, дл—18 мм, д—2 мм. На Эрк-кале поднята одна цилиндрическая бусина Д—6, дл—12, д—1 мм. На Султан-кале найдена одна шаровидная бусина Д—12, д—2 мм; одна каплевидная, слегка сжатая с продольным отверстием, Д наиболее широкой части 7 мм, т—5, дл—11, д—1 мм; одна в форме куба со срезанными углами со стороной 5 мм, д—1 мм. На северном обводе Султан-калы найдена одна шаровидная бусина Д—6, д—1 мм. На городище Хурмузфарра встречена одна цилиндрическая бусина Д—6, дл—10, д—1 мм.

Гагат. На Гяур-кале поднята одна шаровидная бусина Д—9, д—2,5 мм одна кольцевидная Д—13, т—8, д—5 мм, орнаментированная тремя кругами Д—4 мм, в которых находятся четыре кружка с точкой Д—1 мм. 4-миллиметровые круги ограничены с двух сторон двумя параллельными палочками с маленьким кружком, и между ними находится еще один кружок с точкой и двумя отходящими от него штрихами. Он расположен так, что вместе с кружками на параллельных палочках образует треугольник. На Султан-кале найдена одна цилиндрическая бусина Д—6, дл—10, д—1 мм; две кольцевидные Д—13—14, дл—5 и 10, д—2,5 мм; одна кольцевидная с шестью гранями Д—11, т—8, д—2 мм; одна грушевидная Д—13, дл—13, д—3 мм; одна эллипсоидная Д—18, дл—15, д—7 мм. Прямыми тонкими линиями бусина разделена на шесть частей. В одной части изображено четыре кружка с точкой Д—2 мм, расположенных крестообразно, в остальных частях по одному кружку с точкой.

Бирюза. На Гяур-кале найдены бусины: одна в форме параллелепипеда со срезанными углами, представляющая собой в поперечном сечении квадрат со стороной 4 мм, дл—7, д—1 мм; другая цилиндрическая Д—4, дл—10, д—1 мм; третья эллипсоидная Д—5,

дл — 8, д — 1 мм. На Эрк-кале обнаружена одна оваллоидная бусина с двумя гранями Д — 7, т — 4, дл — 7, д — 1 мм; другая оваллоидная Д — 4, т — 3, дл — 7, д — 1 мм. На Султан-кале поднята одна шаровидная бусина Д — 15, д — 2 мм. На северном обводе Султан-калы найдена одна дисковидная бусина из костяной бирюзы (однотолит) Д — 12, т — 6, д — 3 мм.

Горный хрусталь. На Гяур-кале обнаружена каплевидная бусина-подвеска Д — 10, в — 20, д — 2 мм; бусинка в форме куба со срезанными углами со стороной 11 мм, д — 2 мм. На Султан-кале найдены кольцевидная бусина Д — 10, т — 6, д — 1 мм; две шаровидные Д — 6 и 8, д — 1 мм; бусинка в форме параллелепипеда со срезанными углами, представляющая собой в поперечном сечении квадрат со стороной 10, дл — 12, д — 2 мм; бусина в форме параллелепипеда в — 5, ш — 3, дл — 5, д — 1 мм.

Лазурит. На Гяур-кале обнаружены две бусины в форме параллелепипеда со срезанными углами, одна в поперечном сечении представляет собой квадрат со стороной 5 мм, дл — 6, д — 1 мм, вторая в продольном сечении — квадрат со стороной 6 мм, т — 4, д — 1 мм, а также треугольная бусина, у которой длина основания треугольника 9, в — 6 мм, т — 2, д — 1,5 мм. На Эрк-кале найдена одна цилиндрическая бусина Д — 7, дл — 7, д — 1,5 мм. С Султан-калы иеются две бусины в виде параллелепипедов со срезанными углами, у одной в — 8, т — 5, дл — 7, д — 1,5 мм; вторая в поперечном сечении представляет собой квадрат со стороной 6 мм, дл — 8, д — 1,5 мм; одна каплевидная Д — 6, дл — 12, д — 1,5 мм; одна кольцевидная Д — 5, т — 5, д — 1 мм, одна шестигранная дипирамидальная Д — 12, дл — 18 мм, причем наибольший диаметр смещен с центра и делит бусину на 7 и 11 мм, д — 2 мм.

Коралл. На Султан-кале обнаружены три цилиндрические бусины Д — 3 — 4, дл — 4 — 7, д — 1 мм; одна крестовидная в — 6, т — 2, дл — 9 мм, ширина сторон креста около 3 мм, д — 1 мм; один кусок коралла — заготовка для изделия Д — 5, дл — 25 мм. На Шаим-кале найдена одна цилиндрическая бусина с поперечным отверстием Д — 4, дл — 10, д — 1 мм.

Халцедон. На Эрк-кале поднята одна шаровидная бусина Д — 10, д — 1,5 мм.

Агат. На Эрк-кале обнаружена одна цилиндрическая бусина из полосчатого агата Д — 4, дл — 6, д — 1 мм. На бусине чередуются тонкие светло-серые и белые полоски. На Султан-кале найдена одна эллипсоидная бусина из черного агата с белой широкой полосой посредине и несколькими белыми узкими прослойками по краям широкой белой полосы Д — 8, дл — 12, д — 1 мм. Полосы расположены поперек бусины.

Тальк. На Султан-кале найдена бусина-подвеска трапециевидной формы. Длина нижнего основания 8 мм, верхнего 3, в — 9, т — 4, д — 2 мм. Бусина орнаментирована насечками: две параллельные линии отделяют вершину трапеции и нижние углы так, что в центре трапеции получается вписанный треугольник с вершиной, лежащей на нижнем основании трапеции.

Змеевик. На Гяур-кале обнаружена одна шаровидная бусина Д — 10, д — 2 мм.

Гематит. Здесь же найдена бочонковидная бусина Д — 10, дл — 13, д — 3 мм.

Яшма. Обнаружена также кольцевидная бусина Д — 8, т — 3, д — 2 мм.

Алебастр. Там же обнаружена бусина-подвеска сильно вытянутой конической формы со слегка загнутым острым концом, в — 25, т — 6, ш — 9, д — 2 мм.

Корунд. На Гяур-кале найдена бусина неправильной формы, приближающаяся к шару, Д — около 6 мм, д — 1 мм.

Изумруд. На Султан-кале обнаружена бусина оваллоидной формы с двумя гранями Д — 5, т — 3, дл — 5, д — мм.

Многие одновременно употреблявшиеся бусины по форме и материалу идентичны. На основании только внешних данных датировать их затруднительно. Цветные камни добывались в большом количестве обычно весной, некоторые, такие как сердолик, прокаливали на огне, причем после охлаждения качество их заметно повышалось¹¹. Иногда, чтобы придать красивый оттенок полосам оникса, его кипятили с медом¹². Но большинство камней не подвергалось особой предварительной обработке. Форма изделия зависела от свойств материала. Наиболее многочисленны по форме бусины из сердолика различной прозрачности и оттенка, иногда орнаментированные содой. Орнамент, как правило, наносился на округлые бусины, так как граненые не имело смысла украшать.

Способы изготовления бус зависели от твердости поделочного материала. Все минералы имеют определенный класс твердости. По этому принципу можно разделить все поделочные камни на две большие группы, взяв за основу шкалу твердости Мооса. Условно минералы, из которых изготовлены бусы, твердостью ниже 5 можно назвать мягкими; минералы твердостью 5 и выше — твердыми. В изготовление бусины входит получение заготовки, сверление отверстия, шлифовка и полировка. По поводу очередности этих процессов существует ряд мнений. Э. Маккей и вслед за ним С. А. Трудновская считали, что сверление происходило в последнюю очередь¹³. Д. А. Рейзнер полагал, что сверление происходило после шлифовки, но до полировки¹⁴. Г. Г. Лемлейн доказывал, что сверление предшествовало шлифовке и полировке, так как при этом было легче исправлять ошибки центрировки отверстия¹⁵.

Часть бус сверлилась в последнюю очередь, об этом свидетельствует мервская заготовка для бусины из оникса, хорошо отполированная, но без отверстия, а также заготовка для бусины из бирюзы со следами начатого сверления на полированной поверхности. Некоторые бусы из группы кварца сверлились после шлифовки, но до полировки. Подтверждением могут служить две бусины из кварца и горного хрусталя. По замыслу мастера, по-видимому, они должны были быть гранеными, но вследствие неудачного сверления сильно отклонились от оси и вышли сбоку бусин. Пытаясь исправить неточность сверления, мастер полированием придал бусинам форму очень близкую к шару.

Бусы группы кварца полировали порошком из пережженных раковин на увлажненном кусочке дерева «ушари» или вращающемся валике из него¹⁶. Бусы из бирюзы обрабатывали напильником, смоченным в масле¹⁷. Изумруд полировали на доске из турфа (тамариска) ониксом, размолотым и смешанным с водой до образования клеевидной массы¹⁸. Таким образом, возможно, обрабатывали и заранее просверленные граненые бусы. Последние удобнее полировать, придерживая проволокой, пропущенной через отверстия. Бусы, обработанные при помощи напильника, вращающегося валика или диска, имеют плоские грани, острые вершины и углы. Существовал способ полировки изделий в кожаном мешочке с сердоликовой пылью и наждачным порошком. При этом можно было полировать и просверленные бусины, и заготовки для них.

Поверхность их при такой полировке кажется обкатанной, углы и вершины сглаженными¹⁹. В мешочках в основном полировались округлые бусины, граненые — редко. В Средней Азии издавна применялся еще один малоизвестный способ полировки драгоценных камней в желудке курицы. Камень давали проглатывать курице, и в желудке под действием песка, твердых частиц и других факторов происходила полировка камня²⁰.

Сверлили бусы с одной или с двух сторон. Бусы из перламутра, коралла, гипса, талька, змеевика, гагата, т. е. из камней, имеющих твердость ниже 5, всегда сверлились с одной стороны. Большая часть бусин из оникса твердости 7 также сверлилась с одной стороны, но это относится к бусинам, длина которых не превышала 7 мм. Бусины длиннее 7 мм сверлились с двух сторон. Бусы из камней твердостью 5 и выше (бирюза, лазурит, гематит, группа кварца, группа корунда), как правило, сверлили с двух сторон. Только бусину из изумруда и четыре бусины из граната, несмотря на их высокую твердость, сверлили с одной стороны. Но это можно объяснить их незначительными размерами. Диаметр отверстия бусин из твердых минералов колеблется от 1,5 до 2 мм. Значит диаметр сверла был несколько меньше, а длина сверла не менее 12 мм (судя по длине канала в самой длинной бусине до соприкосновения со встречным отверстием). Диаметр отверстия бусин из мягких материалов — гипса, гагата, талька и пр. — сильно варьирует, достигая иногда 5—7 мм. Многие бусины имеют небольшую сточенную площадку для установки сверла, иногда с насечками для предохранения сверла от соскальзывания в начальный момент сверления.

При рассмотрении разновременных каменных бус не было замечено больших различий в технологии обработки изделий. По-видимому, это означает преемственность в ювелирной технике.

Произведены спектральные, рентгеноструктурные и иммерсионные анализы минералов бус²¹. Бирюза представлена двумя типами по цвету — яблочно-зеленая и небесно-голубая. Для анализов бралась середина бусины, менее подверженная влиянию внешней среды. Кроме бирюзы, имеется смесь минералов из группы бирюзы: бирюза плюс халькосидерит или алюмохалькосидерит с примесями кварца и иногда лазурита. Примеси лазурита указывают, что минерал добывался из месторождения, рядом с которым залегал и лазурит. Были сделаны анализы из следующих доступных месторождений: Кармазар, Бирюзовый разлом, Ходжент, Бирюзокан, Исфара, Ак-Турпак, Унгури-кан, Шау-газсай²². По полученным данным нельзя определить, из какого месторождения добывался минерал. Исключение составляют две бусины, очень близкие к бирюзе из Ходжента. Пока остаются недоступными образцы минералов с территории Афганистана. Анализы лазурита показывают наличие в них авгита, феррофранкита или магнетита. Сравнение лазурита бусин с образцами лазурита из Афганского Бадахшана позволяет предполагать их родство, хотя наличие в бусинах следов цезия и германия вызывает сомнение в этом. По-видимому, бусины сделаны из бадахшанского лазурита, но так как мы располагали очень немногими образцами минерала с этого месторождения, то могли и не отметить в них этих редких примесей.

Сердолик, вероятно, даже несреднеазиатского происхождения, поскольку почти не имеет ничего общего с добываемым в настоящее время на месторождениях Султан-Уиз-Дага и Ангрена. Из-за недостатка сравнительного материала нельзя уверенно указать на месторождения рассматриваемого минерала бус.

Наиболее распространенными были бусы из оникса, месторождения которого имеются в долине р. Зарафшан²³. Частично он мог и привозиться, тем более, что на востоке издавна применялся тебризский мрамор с берегов Урмийского озера²⁴. Месторождения гагата известны в Фергане. Большинство самоцветных камней добывалось в Бадахшане, где, кроме лазурита, большой известностью пользовались месторождения граната и горного хрусталя²⁵. Лучшей по своей чистоте считалась бирюза из Кармании²⁶ и Нишапура²⁷. Выходы гипсов известны в Таджикистане²⁸, корунда — в горах Шудмана. Тальковые минералы добывались в горах Султан-Уиз-Дага, яшма — в Нуратинских, змеевик в горах Илака²⁹. Кварц распространен повсюду. Кораллы, перламутр привозились со Средиземного моря или с Индийского океана. Месторождения изумруда на территории Средней Азии до сих пор неизвестны.

Местное население приписывало камням чудодейственную силу. Ляпис-лазурь употреблялась при глазных заболеваниях и меланхолии³⁰. Считалось, что сердолик облегчает роды, спасает во время землетрясения, успокаивает гнев, укрепляет сердце, внушает ужас врагу³¹. Бирюза гарантирует от приближения змей и скорпионов, созерцание бирюзы по утрам обостряет зрение³². Гагат предохраняет от сглаза³³. Носящий агат может не бояться козней врагов, легко избежит опасности во время землетрясения. Гранат, напоминающий рубин, дает владельцу власть над людьми, изумруд — ясность и спокойствие мыслей. Истолченный в порошок горный хрусталь употреблялся в качестве средства, которым присыпали раны и удаляли с зубов винный камень³⁴.

Для увеличения магической силы бус их часто вырезали в форме амулетов. Примером могут служить бусы-подвески из мраморовидного оникса и алебаstra клыковидной и клювовидной формы, являющиеся отзвуком древнейшего культа. Люди из клыков убитых животных изготавливали ожерелья еще в пору палеолита, веря, что они приносят силу и удачу. В классовом обществе подвески в форме клыка или клюва, сделанные из материалов, напоминающих кость, служили талисманом, предохраняющим от опасностей и болезней. Бусами часто обшивали платья, шаровары, обувь и у мужчин и у женщин. Об этом свидетельствуют при раскопках курганов остатки одежды, обуви с нашитыми бусинами, многочисленные терракотовые статуэтки из Мерва, Афрасиаба, Бухарского оазиса. Это можно проследить по фрескам Пянджикента и Балалык-тепе, по целому ряду миниатюр и т. д.

В настоящее время бусы по-прежнему являются самым распространенным украшением. Их носят на шее, обшивая ими головные уборы, а туркменские женщины племени нахурли влетают бусы в косы, носят в ушах на красной нитке³⁵. По устному сообщению этнографа А. С. Морозовой, на мужские ладонки и в настоящее время нашивается одна или несколько бус.

Бусы из перечисленных камней указанных форм обнаружены в Греции, Египте, Индии, Поволжье, Пскове, в Крыму, на Кавказе, в Сибири, Таджикистане, Казахстане, Киргизии. Только в Туркмении найдены бусы из хрусталя, сердолика, бирюзы, лазурита, гагата, датируемые серединой II тысячелетия до н. э. — XVII в. н. э. Сердоликовые дипирамидальные бусы встречены на Кавказе в слоях IV—V вв., в Туркмении на памятниках V—VI и XVII вв., в Хорезме в слоях III—IV вв., в Фергане на памятниках VII—VIII вв. Датировать подъемные бусы нельзя, особенно, если учесть, что на груди современных женщин-туркменок можно увидеть даже античные геммы. Изделия из камня существуют очень давно и передаются по наследству, их любят собирать по старым городищам. Однако дальнейшая тщательная систематизация бус позволит более определенно судить о рамках бытования украшений.

Часть мервских бус местного происхождения. Это подтверждают заготовки для бусин и бракованные бусины. По-видимому, местными являются бусины из гипса, гагата, корунда, яшмы, талька, змеевика, алебастра, частично, может быть, из лазурита, бирюзы, горного хрусталя, граната, поскольку разработки этих минералов имелись в Средней Азии, а Мерв был крупнейшим городом Востока с хорошо развитым ремесленным производством. Безусловно, привозными можно считать сердолик, перламутр, коралл, изумруд и др. Они могли доставляться и в виде сырья, доказательством чего является кусок необработанного коралла, и в виде готовых изделий. Мерв находился на пересечении караванных дорог, и торговля даже с отдаленными городами была интенсивной.

Изучение бус дает дополнительные сведения о торговых и культурных связях Южной Туркмении, показывает уровень развития ювелирной техники и позволяет судить об эстетических вкусах далеких предков туркменского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ [Комаров А. В. Об археологических находках в Закаспийской области], «Туркестанские ведомости», 1888, № 24—25.

² Боброва А. С. Бусы из Афрасиаба, КСИИМК, вып. XXX, М.—Л., 1949, стр. 121—125.

³ Пташникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 105—119.

⁴ Трудниковская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 119—135.

⁵ Усманова З., Ахраров И. Бусы Кумы, Научные труды ТашГУ, вып. 200, Археология Средней Азии, VI, Ташкент, 1963, стр. 86—98.

⁶ Окладников А. П. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова, Труды ЮТАКЭ, т. 2, Ашхабад, 1953, стр. 90—92, 102—103.

⁷ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, вып. 73, М.—Л., 1959, стр. 14, 19, 23, 27, 101.

⁸ Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства, Труды ЮТАКЭ, т. 5, Ашхабад, 1955, стр. 67.

⁹ Вархотова Д. П. Ремесленники и ремесленное производство квартала мукомолов на городище Гяур-кала Мерва. Дипломная работа, машинопись, Ташкент, 1958.

¹⁰ Кацурус К., Буряков Ю. Ф. Изучение ремесленного квартала аичного Мерва у северных ворот Гяур-кала, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 134, 154, 160, 161.

¹¹ Бируни. Извлечения из «Книги собраний о познании драгоценных камней», пер. А. М. Беленицкого и Г. Г. Лемлейна, Л., 1950, стр. 115.

¹² Там же, стр. 118.

¹³ Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда, М., 1951, стр. 121.

¹⁴ Reisner G. A., Kerma, p. 93—94, from Lucas A. Ancient Egyptian materials at Industries, London, 1948, p. 53.

¹⁵ Лемлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСИИМК, вып. XVIII, М.—Л., 1947, стр. 23.

¹⁶ Бируни. Извлечения из «Книги собраний о познании драгоценных камней», стр. 120.

¹⁷ Там же, стр. 119.

¹⁸ Бируни. Минералогия, пер. А. М. Беленицкого, М., 1963, стр. 454.

¹⁹ Бируни. Извлечения из «Книги собраний о познании драгоценных камней», стр. 120.

²⁰ Устное сообщение сотрудника Института искусствознания АН УзССР Н. А. Аведовой.

²¹ Спектральные анализы сделаны в лаборатории Института геологии АН УзССР, расшифровка — инженером М. Я. Камцом по каталогу С. К. Калинина. Рентгеноструктурные анализы произведены лабораторией Среднеазиатского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья, расшифровка инженером Э. Дехты по каталогу В. И. Михеева. Иммерсионные исследования осуществлены в лаборатории геологического факультета ТашГУ на тубусном микроскопе при скрещенных николях инженером Г. М. Шевченко.

- ²² Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана, Л., 1934, стр. 70.
- ²⁴ Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни России, т. 1, Л., 1920, стр. 351.
- ²⁵ Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана, Л., 1934, стр. 16, 18—20, 31, 33.
- ²⁶ Там же, стр. 67.
- ²⁷ Семенов А. А. Из области воззрений мусульман на качество и значение некоторых камней, журн. «Мир ислама», т. 1, СПб., 1912, № 3, 298.
- ²⁸ Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана, Л., 1934, стр. 71.
- ²⁹ Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 6, 11, 15, 18, 24, 26, 65.
- ³⁰ Семенов А. А. Из области воззрений мусульман на качество и значение некоторых благородных камней, журн. «Мир ислама», т. 1, СПб., 1912 № 3, стр. 311—312.
- ³¹ Там же, стр. 314.
- ³² Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана, стр. 67.
- ³³ Пташников И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 1, М., 1952, стр. 117.
- ³⁴ Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана, стр. 38.
- ³⁵ Васильева Г. П. Туркмены исхурли, Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954, стр. 170, 173.
-

М. Е. МАССОН

КАТТА ЛЯНГАР В ОБЛАСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КЕША

«Часто новым бывает то, что
хорошо и прочно забыто».

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В 1962 г. в Ташкенте по линии Академии наук УзССР вышел интересный сборник «Искусство зодчих Узбекистана», т. I, открывающийся содержательной статьей Л. И. Ремпеля и Р. Р. Абдурасулова «О неизвестных памятниках архитектуры бассейна Кашкадарьи», в числе которых фигурирует «Лянгар-ата»¹. Помимо не очень удачного названия, относящегося к прозвищу лица и обозначающего в переводе «отец Лянгара», самая «неизвестность» описываемых объектов относительна.

Слово «лянгар» (لَنگَر), своим содержанием покрывающее свыше десятка имен существительных и прилагательных, чаще всего употребляется в прямом значении как якорь или палка, поддерживающая равновесие канатоходца-дарваза, а в переносном — для обозначения места обитания суфиев. На территории бывшей Кешской области, включающей Шахрисябзское и Китабское бекства с прилегающими районами бывшего Бухарского ханства, первыми столкнулись с такими горными лянгарами русские топографы, работавшие здесь в 70-х годах прошлого столетия. На планшетах карт и в объяснительных записках они отметили здесь три лянгара: Северный или, как его называют, «Старый Лянгар», относившийся к Китабу, в горах Актау, в 43 км к северу от моста через Кашкадарью у Чирагчи. Второй — восточный, в 30 с лишним километрах к ЮВВ от Шахрисябза, на правом берегу Танхаздарьи. Третий — южный Катта Лянгар, тяготеющий к Яккабагу и расположенный в широком ущелье Ак-даван хребта Тамчи, на правом берегу одноименного сая Лянгар, на 22 км выше выхода его на равнину.

Более подробные сведения об этом последнем Лянгаре с указанием, что он является весьма почитаемым местным населением пунктом паломничества, имеющим обширный вакуфный земельный надел, управляемый потомственным мутевали, с упоминанием его жилища, примыкающей к нему мечети, большой михманханы и отдельно расположенной «каменной мечети» в кладбищенской ограде, приведены полковником Белявским, дважды побывавшим тут во время производившейся им в 1889 г. рекогносцировки восточных районов Бухарского эмирата².

Первым оценившим архитектурную значимость мечети в Яккабагском Лянгаре с внутренним мозаичным убранством был наслышанный о ней от разных лиц военный инженер Б. Н. Кастальский, специально заехавший сюда для ее осмотра в конце прошлого столетия во время своей экспедиции в связи с прорытием канала из Сурхана для отстраивавшегося в ту пору нового Термеза. Тогда же им была осуществлена

наиболее ранняя фотофиксация лянгарских памятников старины, причем один из его лучших крупных снимков фигурировал в сентябре 1889 г. в Ташкенте на первой Туркестанской фотографической выставке³.

Первое описание этих памятников опубликовано в 1910 г. в газете «Туркестанские ведомости» № 105 д., 13. V, осматривавшим их офицером-художником Б. Литвиновым. После революции яккабагский Лянгар в 30-х годах посещал уполномоченный Узкомстариса С. К. Кабанов.

В 1942 г. во время организованного кафедрой археологии Средней Азии историко-археологического и историко-архитектурного обследования города Шахрисябза мы собрали у населения путем опроса некоторые сведения о Лянгаре, из которых опубликована лишь незначительная часть. Представленный в Узкомстарис по возвращении в Ташкент развернутый, но так и не реализованный этой организацией тематический план дальнейших историко-археологических работ в долине Кашкадарьи, рассчитанных на длительность в течение нескольких лет многоотрядной комплексной археологической экспедиции, предусматривал, в частности, и попутное изучение Катта Лянгара⁴.

Начало его специальному исследованию положено в 1961 г. искусствоведческой комплексной экспедицией Института искусствоведения АН УзССР. Хотя еще с первых лет существования Советского государства работами Самкомстариса, не в пример б. Императорской археологической комиссии и ГАИМК, была заложена вполне оправдавшая себя новая традиция всестороннего изучения объектов среднеазиатского зодчества⁵, однако маршрутным отрядом указанной экспедиции под руководством Л. И. Ремпелья лянгарская мечеть и мавзолеем изучались не комплексно и в диалектическом аспекте с исторической перспективой как памятники материальной культуры, создававшиеся людьми определенной эпохи, функционировавшие и эксплуатировавшиеся на протяжении нескольких столетий в различных исторических условиях, а в узко архитектурно-искусствоведческом плане.

В течение нескольких дней пребывания на месте члены отряда сделали описание внешнего вида, произвели фотофиксацию, обмеры без закладки шурфов для выяснения нижних частей здания, составили основные чертежи и записали некоторые сведения со слов лиц, поддерживающих в памятниках чистоту. При отсутствии в числе участников историка-востоковеда, эпиграфиста, археолога, этнографа или хотя бы краеведа отряд сделал все, что было в его силах. По возвращении в Ташкент к прочтению по фотографиям отдельных надписей привлекались четверо специалистов. Помимо своевременной предварительной публикации 1962 г. в объеме трех страниц текста и шести страниц фотографий и чертежей, Л. И. Ремпель и Р. Р. Абдурасулев обещают посвятить «комплексу Лянгар-ата» специальное исследование⁶.

В 1964 г. во время полевых работ возглавляемой нами Кешской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ) Ташкентского государственного университета 21 и 29 мая Яккабагский Лянгар попутно посетили маршрутные группы, в которых в разное время приняли участие, кроме научного руководителя, археологи Н. И. Крашенинникова, З. И. Усманова, Л. И. Жукова и пять студентов. Не касаясь уже осуществленного чисто искусствоведческо-архитектурного изучения его памятников зодчества в соответствии с задачами экспедиции, мы фиксировали внимание на отдельных исторических вопросах, осуществляли эстампирование эпитафий с полутора десятков каменных надгробников, занимались разбором некоторых надписей и, не обнаружив на месте никаких письменных документов о Лянгаре, вели во время посещения, до и после него сбор устных сведений о памятнике путем опроса населения. В этом, кроме нас, эпизодически принимали участие по

составленному нами вопроснику З. И. Усманова, а также студенты А. Абдукадыров и отчасти Д. Исиев⁷. Археолог Л. И. Жукова изготовила большую часть эстампажей с надмогильников. Студент А. Билалов исполнил в акварели рисунок общего вида мавзолея Лянгар-баба издали. Всего изучению памятников старины экспедиция уделила 14 часов. 27 мая маршрутная группа в составе начальника экспедиции, трех упомянутых археологов и трех студентов (А. Абдукадырова, Н. Галочкиной, Д. Исиева) выехала для ознакомления с северным Лянгаром, поскольку выяснилась некоторая связь его былых шейхов с Яккабагом.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Катта Лянгар расположен в одном из относительно широких ущелий того района Кешской области, который в средние века составлял упоминаемый Ибн-Хаукалем горный рустак Сиям (или Синам)⁸. В нем в третьей четверти VIII в. укрывался сам Муканна, предводитель и идеолог антиарабского восстания согдийцев. После жестокого подавления в 783 г. наместником Мусейябом б. Зухейра этого мощного длившегося 16 лет освободительного движения, заставившего трепетать весь халифат, в труднодоступных горах Сияма на протяжении не одного столетия находили себе пристанище скрытые последователи преданного мусульманским духовенством проклятию, хотя уже и выродившегося впоследствии «еретического учения», базировавшегося на проповеди Маздака. Для XI в. имеется указание Бируни, что тогда в Мавераннахре были приверженцы Муканны, «которые исповедуют его ученье, [но] скрывают это, придерживаясь внешне ислама»⁹.

Еще в конце XV в. даже обитатели лежавшего несколько южнее более уязвимого Гузара считались в узбекской среде плохими мусульманами. Автор Шейбани-намэ видел заслугу основателя династии шейбанидов в том, что после захвата им зимой 1499—1500 г. этого города жители его стали якобы подлинными суннитами¹⁰. При таком положении вполне естественно, что тут была достаточно благоприятная обстановка для широкого распространения влияния на народ ишанов различных толков суфизма, чье философское учение под внешним покровом догм ортодоксального ислама развивалось на базе древних домусульманских религий как смесь пантеизма и мистики, иногда с элементами аскетизма. И действительно, в XIX и начале XX столетий в горных районах восточной Бухары было разбросано немало облюбованных прямыми и мнимыми потомками разных шейхов и ходжа «гнезд» с эксплуатируемыми ими вакуфными наделами, связанными со «святыми могилами» — мазарами, с почитаемыми почему-либо мечетями и кадамджоями, с местами бывшего обитания некогда популярных духовных наставников-пиров, особо уважаемых ишанов, зачисленных после смерти в «хазрет-ишаны» (буквально «святые они» или «их святейшества» в вольном переводе).

В районе Катта Лянгара к таким местам относился крупный в свое время расположенный по дороге в Яккабаг у Гала-булака киш. Бава Шады, получивший название по одноименному мазару, где похоронен шейх Баба-Шады. У Гала-булака была прежде ханака. Как утверждал опрошенный неграмотный старик Хаит бобо, 77 лет, Баба Шады будто бы был хальфю популярного в районе местного шейха XVI в. Мухаммед Садыка. По полученным же от катталянгарского мутевали опросным данным конца прошлого столетия, он считался учеником принадлежавшего к дервишскому ордену накшбанди бухарского шейха Баха-уд-дина. После его смерти (последовавшей, по письменным источникам, в 1389 г.) Баба Шады покинул Бухару, чтобы проповедывать учение своего наставника, и, прибыв в Катталянгарский

район, остановился в одном горном селении у подножия горы Атайдыр или Атадыр. Здесь он как-то зимой совершил чудо, угостив свежим тутом посетившего его Тимура. Тот в благодарность обратил селение в вакуф, после чего оно получило сохранившееся до наших дней название Тут-ак. 75 лет назад этот кишлак насчитывал 50 дворов, имел пользовавшуюся известностью мечеть и служил местопребыванием мутевали и своего амлякара от Яккабагского бекства. В селения Тут-ак и Бава Шады окрестные жители прежде совершали зиарат¹¹.

Первым по времени появления лянгаром области Кеша считается тяготевший к ближе расположенному Китабу Иски Лянгар. В пользу его старшинства, помимо разных преданий, сами искилянгарцы приводят два довода. Первый — что некоторым старинным сооружениям из жженого кирпича находящимся в их селении, по их словам, около 1200 лет. Второй — что кладбище их кишлака обширнее, чем в Катта Лянгаре, а это, при наличии здесь значительно меньшей площади удобной земли для оседлого поселения, возможно только при более длительном существовании Иски Лянгара.

Стоящие на его кладбище на пологих отрогах гор оба тамошних скромных, сравнительно небольших купольных мавзолеев близки по времени сооружения. Мавзолей возведены примерно из одного и того же жженого кирпича (в основном $25 \times 25 \times 4,5-5$ см и $26 \times 26 \times 6$ см с некоторым количеством плиток $27 \times 27 \times 5$ см и даже $29 \times 29 \times 5$ см), с четырьмя дверными проемами по направлениям стран света, не несут ни изразцовых облицовок, ни росписей.

Более старый и меньших размеров восточный мавзолей (около $11 \times 9,5$ м) имеет внутри четыре гладко оштукатуренных намогильника из жженого кирпича без всяких эпитафий. Более крупный западный (около $15,5 \times 12,5$ м) с выступающим порталчиком содержит восемь таких же, но более неряшливо размещенных и тоже без всяких надписей саганоподобных намогильных сооружений (среднее, самое крупное, имеет от пола до замка 1,67 м высоты). Возведенные не очень добросовестно оба относительно поздних здания, неоднократно и неумело ремонтировавшихся, находятся в плохом состоянии, так что им грозит разрушение. Без специального изучения датировка их затруднительна, а имен погребенных в них лиц население теперь не знает. Мечеть в кишлаке и находившееся рядом разобранное для постройки школы небольшое медресе, от которого сохранилась незначительная угловая часть, значительно моложе мавзолеев. Последний ремонт мечети, когда внутри ее был расписан потолок, производился в 1329 г. х. (1911 г.).

Жалкие остатки строения из жженого кирпича имеются также на ур. Мунчактепа, находящемся севернее кишлака, против мавзолеев, но на левом берегу сая, высоко над его руслом. Тут на трех буграх и на склоне, кроме кусков почти выбранного в 1948 г. жженого кирпича, среди которого был тогда один крупных размеров от ташнау, попадаются фрагменты античной керамики, XVI—XVII и XIX вв., а также куски разработывавшейся тальковой породы. Нами были осмотрены найденные здесь местным жителем Нарходжа Саттаровым семь медных монет. Пять из них — это мангытские пул (на одной сохранилась дата 1284 г. х., т. е. 1867 г.). Две другие представляют собой медные динары XVI в., один из которых чеканен в Самарканде, а другой в Бухаре с позднейшим самаркандским надчеканом.

Кладбище, широко раскинувшееся на поросших ассафетидой (*Scorodosma*) и другими травами горных склонах и изобилующее змеями, среди которых попадаются и кобры (*Naja oxiana*), по размерам вполне подстать городскому. В разных местах его сохранились лежащие

каменные надгробники до начала XX столетия, хотя их меньше, чем в Катта Лянгаре, и они не столь парадны, как там. Самые старые относятся к XV и XVI вв. Это прежде всего кем-то занесенные внутрь восточного мавзолея разрозненные куски от разбитой торцовой мраморной плиты с вырезанной эпитафией.

Сложив три из них, мы узнали, что надгробник предназначался для места погребения дочери искилянгарского шейха ал-Захиди, сына Хазрет Азиз шейха, сына шейха ал-Аббаса Баки ал-ишки. Западные восточного мавзолея на склоне лежит великолепной работы надгробник, очевидно, какого-то светского лица XV в. Камень был вторично использован в XVII в., когда с обеих его торцовых сторон сбили первоначальный текст и заменили новой эпитафией.

Выходцы из Иски Лянгара утверждают, не без чувства патриотизма, что некогда проживавшие там шейхи суфийского ордена (сулюк) «ишкия» по времени старше катталянгарских и всегда были наиболее прославленными, но, когда их селение стало лянгаром для этих суфиев, теперешним жителям неизвестно. Термин «ал-ишкийя» от слова عشق = любовь, влюбленность, страсть — безумная вплоть до умирания от любви, подразумевается, к аллаху. Этим словом обозначалось вообще постоянное состояние всякого истинно суфия в страстном стремлении к богу. Самый толк ишкия, продолжавший якобы мистическое учение Хозрети Омара, был в последнем столетии очень мало распространенным в Средней Азии по сравнению с такими дервишскими орденами, как кадырийя, позднее вышедший из него накшбандийя каландар, кубрави¹². Его адепты встречались в незначительном числе в восточной части Бухарского ханства. Их совершенно, по-видимому, не было на территории русского Туркестана, поэтому они выпадали из поля зрения дореволюционных исследователей местного суфизма, и о них нет ничего в научной краеведческой литературе. При всем том, как пришлось нам убедиться, шейхи ишкия и наследовавшие им ходжа в Кешской области пользовались значительно большим влиянием на умы местного населения, чем официальное мусульманское духовенство.

Из числа первых искилянгарских шейхов в памяти людей сохранилось лишь имя Хазрет Мирим шейха. Местом его первого обитания в районе считают урочище с руинами домика из жженого кирпича близ Калкама, не доезжая Иски Лянгара, метрах в двухстах за последним мостом через сай, откуда позднее он перебрался выше в самое селение. По местному преданию, мюридом при нем состоял один из предков катталянгарских шейхов, а именно Худай-кул, получивший к своему имени приставку «кул», т. е. «раб», будто бы потому, что он исполнял при этом своем наставнике обязанности прислужника. Некоторые из местных жителей полагают, что прах Хазрет Мирим шейха покоится в малом восточном мавзолее под центральным самым крупным надгробным сооружением.

Наиболее известным искилянгарским шейхом считается Хазрет Абу-л Хасан ишкия. При нем мюридом, а позднее на положении хальфа (т. е. помощника) якобы состоял в молодые годы будущий катталянгарский шейх Мухаммед Садык.

При въезде в кишлак с западной стороны высится кургантепа, прежде служивший крепостью, обнесенной стеной. Перед ним располагается караултепа, где раньше держали часовых, наблюдавших за входом в ущелье. Немыми свидетелями того, что в районе Иски Лянгара издавна жили люди, являются осмотренные нами в 1 км от центра селения так называемые «наскальные рисунки» с высеченными примитивными изображениями козлов (свыше 20), занимающими площадь примерно 1,5 × 2 м.

Более крупным по размерам и значению был Катта Лянгар, именованный также иногда Хазрет Лянгар по высшему духовному титулу наиболее популярных тамошних шейхов ишкия конца XV—XVI вв. Выяснению прошлого этого лянгара посвящены следующие ниже разделы.

ПРЕДАНИЯ О ЛЯНГАРСКОЙ СТАРИНЕ

Не было и нет никаких сомнений, что в свое время имелись разные письменные документы об Яккабагском Лянгаре в виде вакф-намэ, несэф-намэ, шаджара шейхов, манакиб и др., которые, как нам говорили, возможно, у кого-либо и сохранились на руках. Не имея возможности установить, где они точно находятся в настоящее время, мы, как отмечалось, сосредоточили внимание, с одной стороны, на ознакомлении с немногими дошедшими до нас памятниками материальной культуры и другими следами былого пребывания в Лянгаре людей в разные эпохи, а с другой — на возможно широком опросе населения. При этом пришлось убедиться, что в памяти людей осталось ничтожное количество конкретных данных по истории их района, а сообщавшиеся нам «предания старины» носили легендарный характер, к тому же слагались под большим влиянием агиологической литературы. Кроме того, налицо неприкрытая тенденция многих их авторов или передатчиков путем преувеличения, не считаясь с анахронизмами, придать возможно большее значение Катта Лянгару, связав с ним имена видных общезвестных персонажей и события, независимо от времени и места их происхождения.

В этом отношении очень характерна местная переработка сюжета на тему о хырка Мухаммеда и эпизодов из жизни популярного в мусульманской среде Увейс-ал Карани, который, как утверждают, по наущению явившегося ему во сне архангела Гавриила учредил первый суфийский орден увейсий на самых строгих аскетических началах. Согласно апокрифу, проживавший в Йемене Увейс и пророк Мухаммед, никогда не встречавшиеся при жизни, за глаза чувствовали взаимное глубокое уважение. Когда пророк в битве при горе Оход в 625 г. лишился двух зубов (а по другому варианту камнем был раздроблен один нижний передний зуб), узнавший об этом Увейс в знак почтительной печали вырвал все свои зубы и убедил так же поступить своих последователей. Ценивший его за праведную жизнь Мухаммед, выйдя однажды после молитвы из мечети, поднял руку и стал нюхать рукав своей священной хырка. На вопрос окружающих, что он вынюхивает, пророк ответил: «Здесь пахнет печенью Увейса». Это было как бы предуказание свыше. Стать наследниками чудодейственной хырка втайне претендовали все четверо будущих первых халифов, но перед своей смертью Мухаммед повелел передать ее именно Увейсу.

По среднеазиатскому переделанному в Восточной Бухаре варианту Увейс жил в пещере примерно в полуфарсахе от современного Яккабагского Лянгара. Умиравший Мухаммед поручил Абу Бекру, полководцу Мелк Аждару (мавзолей которого считается находящимся в Шахри-сябзе)¹³ и его помощнику военачальнику Сады Вакка (чей кадам-джей указывают сейчас в двух километрах от станции железной дороги Китаб) отправиться в Мавераннахр для вручения хырка Увейсу. При этом лежавший на смертном одре пророк не уточнил его местопребывание, не назвал даже его имени, а лишь упомянул две приметы. Первая — отсутствие всех зубов. Вторая — наличие на плече следа от своей ступни, так как, когда Мухаммед отправился как-то на небо, то, сделав первый шаг, он встал на плечо именно этого святой жизни человека.

Прибыв в Мавераннахр, трое высокопоставленных посланцев несколько месяцев безуспешно отыскивали в стране по указанным признакам нужное им лицо. Как-то, двигаясь со стороны Несефа, они увидели в пересохшем русле Лянгар-сая человека, который возился с большим вонючим верблюдом, стараясь почистить несчастное захудалое животное. Мелик Аждар предложил своим спутникам спросить этого человека, не знает ли он, где может обитать отыскиваемый ими праведник. Высокомерный халиф Абу Бекр гордо отклонил это, сказав, что незачем терять время на расспросы какого-то дивана, занимающегося таким бессмысленным делом.

Продолжая тщетные поиски, они через три месяца прослышали, что в горах Кеша, по одному из саев, в пещере (гар) проживает один анахорет, по некоторым признакам тот, что разыскивается ими. Тогда они направились обратно в Кеш. От долгих странствований верблюд под Абу Бекром стал тощим и изможденным, а на Лянгар-сае им повстречался пасущийся на склоне горы прекрасный, рослый и сильный нар. Залюбовавшись им, халиф невольно подумал, что, если бы хозяин согласился уступить верблюда ему, то он легко и спокойно добрался бы на нем до далекой Аравии.

Поднявшись к видневшейся пещере, именитые посланцы окликнули, нет ли в ней кого-либо. К ним вышел почтенный старец и спросил, кто они. Абу Бекр отрекомендовался как бывший заместитель и «правая рука» Мухаммеда, а его спутники — как члены военного совета последнего. Тогда Увейс поинтересовался, где были они, когда пророк в битве при Оходе потерял два зуба. Все трое ответили, что сражались вблизи него. На это старец стал их упрекать, что они не больше чем попутчики Мухаммеда, а он, как только узнал свыше, что пророку выбили два зуба, но не зная точно, какие именно, из солидарности вырвал все свои 32 зуба и послал их ему.

Догадавшись, что перед ними может быть именно тот, кого они ищут, и убедившись в этом окончательно после показа следа ступни пророка на его плече, они вручили ему привезенную хырка. Молча взяв священный дар Мухаммеда, Увейс, не приглашая путников с собой, попросил их немножко обождать, а сам скрылся в горе. Нетерпеливый Абу Бекр и без того раздраженный против Увейса за то, что тот, а не он, стал обладателем нерукотворной хырка, немного времени спустя со словами: «Нечего слушать дивану», — вступил в пещеру. Здесь он увидел отшельника, сидевшего на полу по направлению кыблы и возносившего благодарственную молитву Аллаху. Новый законный наследник хырка, попрекнув вошедших, что из-за их торопливости он не закончил исполнения своего долга перед всевышним, предложил им сесть и начал расспрашивать о подробностях последних часов жизни пророка. В конце беседы Увейс сказал, что он человек небогатый, чтобы достойно одарить такого высокого гостя, как халиф Абу Бекр. Вот почему, заметив три месяца назад на берегу Лянгар-сая, что под халифом совершенно заморенный нар, он тотчас принялся чистить стоявшего около него больного и паршивого верблюда, чтобы его выводить. Виденный ими на склоне горы неподалеку от пещеры прекрасный рослый нар и есть тот жалкий вонючий верблюд. Теперь ехать на нем никому не зазорно, почему он, Увейс, просит халифа принять его в дар.

Ошеломленный и пристыженный Абу Бакр взял его с глубокой благодарностью.

Такова основа легенды, бытующая в Шахрисябзском районе. О последующей судьбе хырка имеется несколько вариантов. Легко распознается, в каком из двух конкурировавших некогда Лянгаров (в Иски Лянгаре или в Катта Лянгаре) они возникали и, во всяком

случае, поддерживались. Те, кто следовали литературной мусульманской традиции, согласно которой Увейс Карани проживал в Аравии, придумали версию, что хырка доставили в Йемен будущие халифы Осман и Али, вручили ее там Увейсу, а много позднее один из учеников последнего привез ее в Мавераннахр шейхам Старого Лянгара. Другие считали, что это священное одеяние пророка доставил туда сам Увейс. Все связывали появление хырка в Катта Лянгаре с деятельностью шейха Мухаммед Садыка. Есть сторонники предания, будто он даже доставил ее в Северный Лянгар, а затем, покидая последний по совету явившегося ему во сне самого пророка, изрекшего: «Это не ваше место», захватил с собой хырка сперва в сел. Бава Шады и, наконец, в Катта Лянгар, где сай был многоводнее. При этом некоторые обвиняют его в тайном похищении хырка. Большинство же уверено в добровольной выдаче ему священного в глазах мусульман предмета главой тамошних шейхов Абу-л-Хасаном ишки.

Как отмечалось выше, по одному из преданий, Мухаммед Садык в молодости состоял учеником искилянгарского шейха Хазрет Абу-л-Хасана ишки. В его обязанности мюрида, между прочим, входили подогревание и подача своему учителю-пиру теплой воды для установленных пяти каждодневных омовений перед совершением намазов. Передают, будто после многих лет искуса в абсолютном подчинении воле своего учителя и в успешном овладении тарикатом («пути кистине») он однажды обнаружил отсутствие топлива для подогревания воды. Тогда Мухаммед Садык положил кумган с холодной водой себе подмышку и заснул. Свершилось чудо: под влиянием его разгоряченного высшей премудростью тела вода вскипела. Когда, проснувшись, он стал лить кипяток на руки учителя, то обжег их. Рассерженный Хазрет Абу-л-Хасан, понявший при этом, что его мюрид уже достиг хакыката (состояние истины), дал ему особую грамоту «иршад-намэ» на право исполнения обязанностей наставника-пира, и со словами: «Нам вдвоем здесь (т. е. в Иски Лянгаре) делать нечего», — велел ему искать другое место для развертывания его деятельности в качестве ишана. По одному из вариантов, явно скомпанованному не без влияния почитателей шейха XIV в. Бахауд-дина из селения Касри Хиждувани под Бухарой, описанный случай произошел с Мухаммед Садыком в бытность его (якобы одновременно с Апак Ходжей андижанским) мюридом этого весьма популярного в соседнем Каршинском районе главы дервишского ордена накшбандий. Отпуская своего ученика, обжегшего ему руки, Бахауд-дин якобы сказал: «Пусть будет местом твоего постоянного пребывания то, где верблюд твой упадет от усталости и не встанет в течение трех дней». Послушный Мухаммед Садык долго блуждал по стране в поисках подходящего места для своего лянгара. В одном пункте (нам назвали Иски Лянгар) верблюд, упав от усталости, пролежал всего день и двинулся дальше. В другом (на ур. Бава Шады Яккабагского района) он пролежал два дня. И только дойдя до территории будущего Катта Лянгара, животное в изнеможении лежало трое суток, почему Мухаммед Садык и остался здесь до конца жизни, привезя с собой и хырка Мухаммеда. До построения парадной мечети он жил на урочище Мунчактепе, а затем поселился в доме рядом с ней.

Именно Мухаммед Садыку присвоено прозвище Лянгар-ата, так как народ считает его устроителем и охранителем Лянгара, наиболее почитаемой и главной персоной среди местных шейхов. Вместе с тем, в конце XIX столетия здешние ходжа признавали находившийся тогда в их распоряжении лянгарский вакф учрежденным 500 лет назад, т. е. в конце XIV в., еще самим Тимуром. Тамошний мутевали говорил в 1889 г. полковнику Белявскому, что родоначальник катталянгарских

шейхов в ту пору был главным духовным лицом в Шааре (Шахрисябзе)¹⁴ и в начале карьеры Тамерлана всячески поддерживал его во всех осуществлявшихся им мероприятиях, оказывая при этом возможное содействие. Тот, став со временем правителем всего Мавераннахра и обладателем обширнейшей империи, в знак благодарности учредил в пользу шейха и его потомков крупный катталянгарский вакф. Кроме того, из политических расчетов Тимур даже выдал за него замуж свою дочь Бекиса-бика¹⁵.

Теперешние старики Катта Лянгара, почти не осведомленные в вопросах истории, совершенно не упоминая Тимура, убежденно говорят, что Бекиса-бика была женою шейха Мухаммед Садыка и дочерью того «шаха», который учредил лянгарский вакуф и имени которого они не знают. Последний хранитель лянгарских памятников добавил еще, что один из сыновей внука Тимура Улугбека похоронен внутри мавзолей в ногах у покоящихся там шейхов. Имя этого тимурида назвать он не мог, но говорил, что над его могилой лежит каменный надгробник (кабрташ) с надписями.

Сооружение всех трех старинных памятников Катта Лянгара местные жители связывают с жизнью и деятельностью Мухаммед Садыка, причем все единогласно утверждают, что первым было отстроено крупное помещение для приема приезжавших знатичи и почетных гостей, где их угощали за счет шейхов, почему оно известно сейчас больше под названием «ошхана» (столовая), а не мечеть, ханока и даже не михманхана (комната для гостей). В отношении двух других нет единства в показаниях. Большинство утверждает, что сперва отстроили мавзолей, а потом мечеть, но некоторые, в том числе старик-лянгарец Хант-бобо, считают, что мечеть возвели раньше и в 1964 г. ей было примерно 570 лет, иначе говоря, что она якобы появилась где-то на самой грани XIV и XV вв., т. е. как бы при Тимуре.

Старики не без гордости особо подчеркивали, что их памятники возведены не по воле ханов на средства государственной казны, а отстроены народом на средства одного богатого скотсвода. Мастера-архитекторы (минор) были, по их словам, родом из Египта (Мисрдан). Делавшиеся на месте кирпичи обжигались поблизости в ур. Мунчактена и подавались на строительные площадки вручную по цепочке, что было вызвано пересеченным горным рельефом. Рабочую силу составляли бармаки (узбеки из племени кунград). Дневную зарплату участника строительства составляли три булочки из кислого теста (кульча или кулича — *كولچه*, откуда русские слова «калач» и «кулич»), выпекавшиеся каждая примерно из 0,5 кг муки. Обслуживавшие мечеть и мазар нудучи первоначально набирались из узбеков племени дурмен.

Бытующие легенды, связанные с постройкой мечети, противоречивы и насыщены преимущественно сказочными элементами. Передают, что однажды местный бай, бывший крупным скотоводом, прогоняя стадо на рассвете по склону одно из своих стад, был сильно поражен фигурой и восторженным выражением лица Мухаммед Садыка, совершавшего свой утренний намаз на одной из возвышенных площадок с цветущими зремурусами. На месте этой так поразившей его встречи он решил построить достойную шейха мечеть. По одной из легенд, с помощью массы привлеченных к этому бармаков здание было возведено за одну ночь. К концу работы выяснилось, что не хватает одной колонны. Тогда к утру следующего дня недостающую центральную пятую колонну принес один пастух. Ствол колонны был сделан из гузапан.

По другой легенде, слышанной нами от разных лиц в нескольких вариантах, строительство мечети длилось очень долго. Потребовалось

много времени и средств, особенно на изготовление в Шахрисябзе мозаичной облицовки для внутренней отделки. Бай, хотя и был зажиточным человеком, но совершенно разорился, так как расходы на богоугодное дело поглотили, кроме большой суммы денежных средств, все бывшие у него четыре стада баранов, в каждом из которых было от 800 до 1000 голов. К концу работы у него остались один козел и один баран, но он не роптал. Когда по завершении строительства он вышел из прекрасной мечети и направился к своему дому, то неожиданно раздалось исходившее откуда-то слова: «Ступай домой и не оборачивайся назад». Бай послушался, и вдруг позади его раздалось блеяние баранов. Шум нарастал по мере того, как он двигался вперед. Не дойдя четверти расстояния до своего дома, он не выдержал и оглянулся. За ним шли чудесно возвращенные ему три стада баранов. Но тут дверь мечети закрылась, и из-за его ослушания четвертое стадо из нее так и не вышло.

О мавзолее никаких легенд услышать не пришлось. Сообщавшиеся же разными людьми противоречивые сведения о погребенных в нем лицах, прилагаемые ниже, наглядно показывают, насколько смутны имеющиеся о них у современного населения представления в виде таблицы.

Таблица с данными некоторых опросных сведений о лицах, погребенных в мавзолее Лянгар-ата

Джуря-бобо, 85 лет. Уроженец Катта Лянгара, последние годы живет в Камышлы	Сапар Халтураев житель Янги кишлака в Катта Лянгаре	Хант-бобо, 77 лет из нудучи в Катта Лянгаре	Последний охранитель мазара из нудучи в Катта Лянгаре
Мухаммед Садык	Мухаммед Садык	Мухаммед Садык	Мухаммед Садык
Сын Мухаммед Садыка	Везир	Ильяс шейх, отец Мухаммед Садыка	Ильяс шейх, отец Мухаммед Садыка
Мать Мухаммед Садыка	Везир	Абу-л Хасан шейх, дед Мухаммед Садыка	Мухаммед шейх
Раб Мухаммед Садыка	Неизвестный	Хальфа Мухаммед Садыка или жена его Бекиса-бика	Суфи из Аравии или жена Мухаммед Садыка Бекисабика
Один из Тимуридов	Неизвестный	Хальфа Мухаммед Садыка	Сын Улугбека

Эта неразбериха сказалась на данных, полученных изучавшими мавзолей в 1961 г. участниками комплексной экспедиции Института искусствознания Академии наук УзССР, публикация которых вносит в науку дополнительную путаницу. В упомянутом выше сборнике «Искусство зодчих Узбекистана» говорится, что под куполом мавзолея Лянгар-ата похоронены, по преданию, Мухаммед Садык шейх, его отец Абу-л Хасан шейх, его дед Ильяс, а также двое других лиц, о которых нет определенных данных. Дальше в тексте и в примечании 15 приводятся разобранные в Ташкенте двумя востоковедами даты смерти трех первых: Мухаммед Садыка в 897 г. х. (1492), его отца — в 752 (1351) г. х. и деда — в 767 г. х. (1365/66). Указанный год смерти самого Лянгар-ата дал основание для высказывания разных соображений относительно времени построения как мавзолея, так и мечети¹⁶. Но, во-первых, 897 г. х. (к тому же захватывающий почти два месяца 1491 г. н. э.)

относится к смерти не Мухаммед Садыка, а его отца. Во-вторых, дата кончины Абу-л Хасан шейха приведена с ошибкой в 140 лет. В-третьих, надмогильница Ильяс шейха совсем нет в мавзолее. Наконец, в четвертых, в усыпальнице Лянгар-ата вообще отсутствуют эпитафии с годами 752 и 767, т. е. относящимися к XIV в., а оба приведенные надмогильница якобы с этими датами в действительности относятся к середине XVI столетия.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Верхняя часть долины Лянгар-ата до выхода из ущелья и весь прилежащий горный район давно обжиты человеком. Об этом свидетельствуют десятки мест, где здешние жители находят время от времени битую старинную керамическую утварь, водопроводные трубы-кобур, разные мелкие металлические предметы и монеты. Чабаны и другие лица при опросе указывали на следующие тепе и урочища, представляющие, по их мнению, археологический интерес, поскольку там встречаются фрагменты старинной керамической утвари (сафоль): Чач-тепе, Кыз-курган, Ханым-кашка, Катта-майдан, Чах-мазар, Арпа-булак, Саргая, Қасим-бек, Қиндык-сай. Между прочим, нам сообщили, что недалеко от Акдарьи, около селения Кизыл-кишлак, близ МТС, у моста расположено урочище. Тамашнюю достопримечательность составляет старинный сделанный из красного песчаника «казан» (очевидно, сакоя). Высота его около метра, в поперечнике от 1,5 до 2 м, толщина стенок 20 см.

В 1962 г. на правом берегу Лянгар-сая, неподалеку от его русла, перед самым въездом в ущелье Г. А. Пугаченкова отметила наличие античного городища Баур-тепе (видимо, ранней поры), якобы связанного населением с тимуридом Захир-ад-дин Бабуром. 21 мая 1964 г. оно осматривалось в течение двух часов археологом Н. И. Крашенинниковой и коллектором Э. В. Ртвеладзе, а затем его посетила возглавляемая мной выездная группа Кешской экспедиции. Население название городища произносит как Баур-тепе. Приподнятое над прилегающей местностью, оно представляет собой в плане неправильный четырехугольник площадью 2,3 га. Самый длинный фас — западный (около 180 м), самый короткий — южный (около 160 м). Из-за разной протяженности стен внутренний северо-западный угол острый, северо-восточный тупой, а два других почти прямые, если не считать, что юго-западный слегка срезан. Неподалеку от него в южном фасе видно место бывших ворот. В плане оплывших стен улавливаются следы башен, всего менее двух десятков, причем особое положение по своим размерам, высоте и отчасти планировке занимает северо-западная угловая. Вдоль восточного фаса тянется меандрообразно разработанное на протяжении длительного существования русло выведенного из сая арыка, с течением времени углубившегося до 2 м. По северному и западному фасама снаружи явно проступают следы бывшего здесь некогда рва. Во внутреннем рельефе в северо-западной четверти выделяются два близко расположенных всхолмления, а былая застройка особенно ясно чувствуется в южной половине городища и вдоль стен в северной. Северо-восточный сектор имеет заниженный уровень поверхности. По наружному скату оплывшей южной стены в нескольких местах проступают пятна до красноты прожженной земли. Среди собранного подъемного материала имеются: фрагмент каменной зернотерки, два каменных же дверных подпятника с двусторонним использованием; хорошего обжига красноглиняная керамика, изготовленная на ножном гончарном круге. Ангоб светлый, розоватый, реже красный и коричневый. В огромном

количестве встречены черепки с лощением, краснолаковые со свинцовым оттенком, с процарапанными волнистыми линиями, а также с нанесенными краской широкими кругами. Ручки керамических сосудов имеют круглое и овальное сечение. Из форм сосудов характерны бокалы на плоских и в виде полого конуса ножках. Наконец, был обнаружен фрагмент терракотовой фигурки лошади. Весь комплекс находок, имеющий прямые аналогии с материалами из нижней пахсовой платформы kitabского Каляндар-тепе на месте древнего Кеша, может быть датирован первыми веками до н. э. — первым веком н. э. Стоящая особняком одиночная находка половинки небольшого каменного жернова связана с более поздними насельниками, когда городище в целом уже не функционировало.

По Лянгар-саю Баур-тепе только наиболее крупный, типа городка, но с пригородом, далеко не единственный обжитый пункт поры классового общества. Вверх по течению речки и по боковым саям, где только имелись сколько-нибудь подходящие природные условия для обитания, для сооружения жилищ типа горных саклей, уступами лепящихся одна над другой, для разбивки хотя бы на небольших участках крохотного сада, бахчи и огорода, где есть не слишком крутые склоны, чтобы можно было использовать их под посевы богары, а тем более там, где была возможность хотя бы с затратой большого труда провести воду по арыку для полива или устройства тигермана, — при внимательном осмотре, как правило, обнаруживаются какие-либо следы пребывания там человека в тот или иной период. Иногда они прослеживаются даже с перерывами на протяжении нескольких эпох, хотя условия накопления и сохранения культурных слоев в горных районах малоблагоприятны.

Одним из таких пунктов является и Катта Лянгар. Уцелевшие здесь немые свидетели жизни и деятельности прошлых насельников наиболее выразительны на правом берегу сая, выше подъема к собственно былому лянгару. Здесь примерно в 400 м к северо-западу от мавзолея, за глубоко врезавшейся в горы ложбиной находится обследованное участником нашей группы студентом-археологом Д. Исиевым урочище, обозначаемое широко распространенным в топонимике Средней Азии термином Мунчак-тепе, происходящим от искаженного в произношении таджикского слова «мульчак», каковым обозначают женские украшения, преимущественно бусы из камня. Именуется оно так по вытянутому с запада на восток холму высотой от 3 до 4 м, имеющему в основании от 33 до 40 м. К северу от него обрыв к глубоко залегшему боковому саю Кылкая.

На территории урочища попадает керамика античного времени, близкая к таковой же из Китаба-Кеша. Особенно типичны фрагменты тонкостенных чаш из хорошо отмученной светло-красной глины, со слегка отогнутым внутрь венчиком и с туловцем, резко суживающимся от середины высоты к донцу. Внутри они покрыты красным ангобом; с внешней стороны в верхней части — светлым, и ниже — снова красным ангобом, причем их разделяет черная полоса. Встречается и несколько более поздняя керамика, близкая к группе культур Каунчи II. Сюда относятся лепленные от руки небольшие сосуды с ручкой, изготовленные из глины с примесью дресвы. Сам холм Мунчак-тепе, на поверхности которого с южной и восточной сторон имеются небольшие бугорки, содержит как раннесредневековую неполитивную керамику времени до арабского завоевания, так и более позднюю, глазурованную, датируемую XI—XII и XVIII—XIX столетиями. По словам жителей, при вскапывании земли неподалеку от холма встречались большие хумы и как-то были найдены «черные» монеты, к нашему приезду уже утерянные.

Неподалеку, метрах в 700 к северу от мавзолея Лянгар-ата, имеют-

ся остатки кирпичеобжигательной печи, в 30 м от которой с северной стороны несет свои прозрачные воды упоминавшийся выше Кылкай-сай. Сложенная из глиняных комьев «гуаля», прямоугольная в плане, с внутренними размерами 4,6 × 3,8 м, с сохранившимися на высоту до 1,6—1,7 м стенками толщиной около 1 м печь разделена на два отсека двумя параллельными перегородками из кусков жженого кирпича. Между перегородками проходит воздушный канал шириной 36 см. Внутренность печи покрыта глиняной штукатуркой 5—6 см толщиной. Точные отверстия устроены в северной и южной стенках. В печи, содержащей теперь много шлаков, выжигались квадратные кирпичи до 5—6 см толщиной такого же облика, как и те, которые употреблены при возведении лянгарской мечети XVI в. По преданию, именно в период ее строительства и была сделана эта кирпичеобжигательная печь, что вполне вероятно.

МАВЗОЛЕЙ КАТТАЛЯНГАРСКИХ ШЕЙХОВ

Больше всего данных по изначальной истории основания Катта Лянгара заключено в тамошнем мавзолее, именуемом мазаром Лянгар-ата, хотя правильнее было бы называть его усыпальницей катталянгарских шейхов.

При приближении к селению со стороны долины Кашкадарьи мавзолеем бросается в глаза сразу за последним изгибом горной дороги в узком ущелье, когда он вдруг предстает стоящим в зеленой куще небольшой рошцы, венчающей высокий отрог, за которым скрывается еще собственно Лянгар с его старинной мечетью (рис. 1). Наверх к мазару ведут с разных сторон две полукруглые тропы, сходящиеся у крытого прохода внутрь обнесенного каменной оградой сравнительно небольшого кладбища. Больше могил размещается вне ограды на южном склоне отрога, почти у его подошвы. Пройдя между двумя привратными помещениями, посетители попадают на извилистую главную дорожку, обсаженную фиштакковыми деревьями, ветви которых густо покрыты вотчинными тряпочками, подвизанными паломниками и в основном паломницами, приходящими сюда вымаливать подле «святых могил» заступничество от всяких напастей, особенно разных недугов и женского бесплодия. Ими же принесены сюда в огромном количестве густо уложенные целыми рядами мелкие галечки. По обе стороны дорожки лежат накренившиеся и вросшие в землю каменные надмогильники, а в конце она подводит к portalу небольшого мавзолея со стройным наружным куполом на высоком барабане. Здание почти прямоугольное в плане (снаружи 13 м длины и около 10 м ширины), который зрительно не нарушается тем обстоятельством, что слегка выдвинутый вперед небольшой портал чуть уже основного квадрата. Выведено оно из квадратного жженого кирпича, причем тщательная наружная кладка на ганче с акkuratными швами желтоватого цвета выполнена на портале из подшлифованных розоватых плиток 23 × 23 × 5 см, а в северо-восточной стене употреблены такие же кирпичики со сторонами 21—21,5—22—22,5 см. Кое-где были употреблены в весьма ограниченном количестве фигурные кирпичики. На барабане применен выкладка из парных кирпичиков и каемки «в елочку».

Внутри мавзолей с единственным в него входом имеет крестообразный план. Слева от входа — лестничная клетка, выводящая на крышу. Купольное перекрытие основано на системе четырех пересекающихся арок. В углах нервюры переходят в небольшие щитовидные паруса, выше которых начинается плавная кладка внутреннего купола. Гладь стен прерывается лишь на значительной высоте угловыми скалантами

и скронным геометрическим гирихом парусов. Зато купол сплошь богато декорирован в технике цветного ганча, буро-красный тон которого составляет фон, а пущенные по нему картушеобразные медальоны и изящная орнаментация в виде растительных узоров с плавно выгнутыми побегамии стилизованных веток, листьев, бутонов, цветов выполнены исключительно белым алебастром. Контраст тональности придает всей композиции особую парадность. Хорошая же сохранность усиливает

Рис. 1. Катталягарский мавзолей.

впечатление от мастерского исполнения, которое не может ослабить безвкусица в окраске нижних частей стен при ремонте, осуществленном в 1960 г. на частные средства местными жителями, добровольно опекавшими тогда памятник.

Для мавзолея характерно полное отсутствие дорогостоящих поливных изразцовых облицовок, как снаружи, так и в интерьере. Вместе с тем, архитектурные формы, конструкции, декорировка позволяют отнести мавзолей к памятникам провинциальной среднеазиатской архитектуры конца XV — начала XVI вв. Самый силуэт здания с высокоприподнятым внешним куполом на стройных пропорциях барабане уже при виде его издали невольно заставляет вспомнить чудесный самаркандский

мавзолей, известный под названием «Ишрат-хана» и отстроенный в основном к 1464 г.¹⁷ Знаток архитектурных памятников Бухары Л. И. Ремпель считает, что орнаментированный цветным ганчем внутренний купол усыпальницы лянгарских шейхов по времени своего появления предшествует такого же рода орнаментации на памятниках XVI в. в окрестностях этого города (ханака в Файзабаде и ханака в комплексе зданий при мазаре Баха-уд-дина)¹⁸.

Большая часть вообще весьма ограниченной площади поля внутри лянгарского мавзолея занята пятью намогильниками (рис. 2). Три из них, наиболее парадные, выполненные в одном стиле, помимо больших

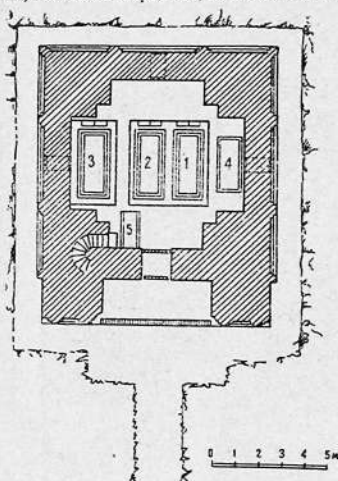

Рис. 2. План катталянгарского мавзолея (составил Р. Р. Абдурасулев).

1—Абу-л Хасан, 2—Мухаммед Садык, 3—Абу-л Хасан, 4—Бекиса-бика, 5—Амир-бек Шарик.

плоских горизонтальных каменных плит, в головах имеют вертикально стоящие крупные мраморные же массивные стелы, почти сплошь покрытые высеченными арабскими текстами, связанными с эпитафиями. Один представляет собой хорошую серого мрамора илигу параллелепipedной формы. Наконец, последний, самый скромный, сложен из жженого кирпича и гладко оштукатурен алебастром.

Самую раннюю дату имеет мраморная плита в форме параллелепипеда, которую, как указано выше, выдают за намогильник: одни — неизвестного по имени хальфа Мухаммед Садыка; другие — какого-то члена династии Тимуридов; третьи — одного из сыновей Улугбека. Между тем, как нами было установлено еще в 1942 г., этот государь для погребения своих потомков отстроил в 841 г. х. (1437/38 г. н. э.) в Шахри-

сябзе в комплексе зданий у мазара Шемс-ад-дина Куляля специальную купольную усыпальницу, которую мусульманское духовенство позднее стало выдавать за мавзолей с могилами лиц боковой ветви термезских сейидов или «Гумбези-сандан»¹⁹.

Судя по форме плиты, стилю ее обработки со всех сторон, эпиграфическим данным религиозных текстов, это безусловно намогильник первой половины XV в. На его торцевой стороне, обращенной на юго-запад, имеется следующая эпитафия:

هذه المرقد العور المرحوم امير بيك
 شاريق ابن جاهلار [sic!] في التاريخ
 شهر ربيع الاول سنة ٨٤١

В ее тексте допущены ошибки. Буквы значительно грубее по сравнению с религиозными надписями на всех других сторонах. Налицо пропуски некоторых стандартных слов и искаженные начертания других. В результате остается неясным, кто был отцом покойного, так как от имени родителя осталось одно бессмысленное слово **جاهار** (может быть неверное начертание прозвища **بيادر**). Наконец, на торце явные следы, что первоначальная эпитафия была сбита и вместо нее много времени спустя была помещена новая с неверным текстом, который должен был имитировать образцы XV в. В содержании не очень искусной фальшивки говорится, что якобы тут могила некоего Амир-бек Шарика, скончавшегося в месяце Раби I 841 г. х. (со 2. IX по 1. X 1437 г.), т. е. по приведенной дате еще в правление Улугбека. Плита буквально втиснута в мавзолей, положена непосредственно у дверного проема, слева от входа и так, что один ее торец упирается впритык в стену, а сама плита оказывается скромно помещенной „в ногах“ у могил шейхов, что безусловно было сделано с определенным умыслом обслуживавшими мазар лицами.

Почти всю середину основного квадрата пола внутри мавзолея (вместе с нишами имеющего всего около 41 м²) занимают две объединенные невысокой платформой самые крупные горизонтальные плиты и самые высокие стелы, покрытые теперь золотистой бронзой. Всем этим подчеркивается, что именно под ними покоятся главные персонажи, для которых и возводилось здание усыпальницы. Первым было предано погребению лицо, чей намогильник находится в центре. Согласно эпитафии на стеле, это шейх Абу-л Хасан, сын Ильяса, скончавшийся в 897 г. х. (4.XI 1491—22.X 1492 г.). Некоторое время спустя рядом на западной стороне похоронили его сына, шейха Мухаммед Садыка, умершего свыше полувека спустя 29 джумада II 952 г. х. (7. IX 1545 г.). Едва ли в мавзолее, возводившемся на скалистом в своей основе отроге, делали специальный общий склеп (как это предполагали исследователи памятника в 1961 г.)²⁰, поскольку для него пришлось бы вырубать в камне котлован. Скорее можно допустить, что при захоронениях удовлетворялись могильными ямами неглубокого заложения. В восточной нише рядом с могилой шейха Абу-л Хасана помещен намогильник с меньшей по высоте вертикальной стелой и покрытый, в отличие от двух первых, краской под серебро. Здесь, по данным надписи на стеле, погребен сын шейха Мухаммед Садыка, тезка своего деда, шейх Абу-л Хасан, датой смерти которого также уточненно указан 27-й день месяца шавваль 967 г. х. (21.VII 1560 г.) и который, таким образом, пережил своего отца только на 15 лет. Скромный намогильник в западной нише остается анонимным, так как на нем нет никаких надписей.

ШЕЙХИ КАТТА ЛЯНГАРА

Поскольку родословная-шаджара катталянгарских шейхов пока недоступна и даже неизвестно точно, где она находится, основным источником для выяснения хотя бы в общих чертах отдельных моментов из истории здешних суфиев являются дошедшие до нас эпитафии. До их последующей подробной публикации с анализом в эпиграфическом отношении в данной работе тексты приводятся лишь частично и далеко не всех эпитафий, а в основном используются только некоторые наиболее конкретные данные.

Можно сомневаться, что катталянгарские шейхи, как их считают теперь некоторые, были подлинными алидами, т. е. ведущими свой род

от халифа Али, а через жену Фатиму, дочь Мухаммеда, являвшимися как бы потомками самого пророка. В 1964 г. при посещении городища Каспи Каршинского района в разобранных нами эпитафиях на двух разновременных надгробных плитах почитаемого там подлинного или мнимого алида Шемс-ад-дина, скончавшегося в рамазане 766 г. х. (25. V—20. VI 1365 г.), перечислены все 14 прямых его предка, начиная от халифа Али. Такой генеалогии нет ни на одном из надгробников катталянгарских шейхов, в эпитафиях которых они и не именуются сёйдами.

Ряд сведений относительно их подлинного происхождения дает стела отца Мухаммед Садыка, напоминающая по размерам и форме такую же крупную вертикальную плиту на могиле Убайдулла Ходжа Ахрара в Самарканде, умершего в начале 1490 г.²¹ Эпитафия Абу-л Хасана старшего занимает 12 полос текста, изящно исполненного типичным для XV—XVI вв. почерком сульс, причем в ряде случаев в полосах размещены две строчки: нижняя сплошная, а верхняя с неизбежными интервалами и растянутостями из-за предельно поднятых вверх стволы букв. В тексте, начинающемся со слов *هَذَا مَرْقَدُ شَيْخِ الْعَالَمِ* („Это могила шейха шейхов знающего“), пять верхних полос отведено под пышную, приличествующую незаурядному по своему положению в духовной иерархии суфиев лицу, в частности, со словами *الامير ارشادهى طريق الحق* („эмира иршада пути к истине“)²², после чего называется сам покойный и приводятся имена трех его предков по восходящей линии: „шейха Абу-л Хасана, сына шейха Ильяса, сына шейха Мухаммеда, сына шейха Худай Кули“. В конце указывается его принадлежность к ордену „аль ишкийя“.

Более скупа в этом отношении такая же огромная стела Мухаммед Садыка, в столь же многострочной надписи которой он именуется еще, в отличие от отца, как причисленный к лику святых, «хазретом», а из предков упоминается только отец и дед.

Ничего особенно существенного в смысле происхождения не добавляет и эпитафия, видимо, старшего сына и, должно быть, преемника Мухаммед Садыка по здешиему ляйгару, Абу-л Хасана, который, как и отец, именуется шейхом, имамом и хазретом, а родословная доведена до Худай Кули. При всем том вертикальная плита у его надгробника сделана меньших размеров, чем стелы отца и деда, хотя последний не был засчислен в разряд «святых».

На основании эпитафий трех приведенных лиц, которых мусульмане с почтением называют „азизами“ („عزيز — „превосходный“), достоверной можно признать следующую краткую генеалогию катталянгарских шейхов:

Шейх Худай Кули (XIV в.)

Шейх Мухаммед

Шейх Ильяс

Шейх-шейхов Абу-л Хасан (умер в 1491/92 г.)

Шейх-имам хазрет шейх Мухаммед Садык (умер в 1545 г.)

Шейх-имам хазрет шейх Абу-л Хасан (умер в 1560 г.)

Хотя далекие предки этих шейхов были будто бы из мединских арабов, но их потомков в Мавераннахре воспринимали, очевидно, не без основания, еще и как выходцев из Афганистана, причем остается невыясненным, когда именно их родичи прибыли в эту сопредельную страну. Поскольку родословные деда и внука обрываются на шейхе Худай Кули, можно думать, что до него никто в их семье на протяжении

длительного времени не играл видной роли в обществе и, во всяком случае, не был суфийским наставником. Весьма вероятно, что Худай Кули, время жизни которого приходится на XIV столетие (т. е. на пору владычества монгол в Средней Азии и деятельности здесь на политическом поприще Тимура), действительно получил иршад от искиляндгарского ишана хазрет- и Мирим шейха ишки. Покинув после того пределы Кешской области, он переселился в Самарканд, где и был похоронен.

Об его сыне шейхе Мухаммеде и внуке шейхе Ильясе ничего пока неизвестно, кроме смутного преданья, что они побывали по ту сторону Амударьи в Афганистане. Во всяком случае, ни в катталянгарском мавзолее, ни около него на кладбище их намогильников нами не обнаружено.

Об Абу-л Хасане старшем известно, что в жены себе он взял женщину из простого народа (фукара), почему их сын, Мухаммед Садык, рассматривался, как имеющий наполовину «демократическое» происхождение, что успешно использовалось обслуживавшими мазар лицами, при эксплуатации рядовых паломников. Хафиз Таныш, упоминая в своем труде «Абдулла-намэ» Мухаммед Садык шейха, называет его одним из «величайших» последователей Худай Кули шейха и одним из «величайших» преемников Абу-л Хасан шейха.

Приведенный разбор эпитафий позволяет не только согласиться с утверждением некоторых из опрошенных нами лиц, что деятельность Мухаммед Садыка как шейха начала разворачиваться в эпоху тимурида Султан Хусейна (1468—1506 гг.) и Шейбани хана (1900—1910 гг.), но и внести ряд уточнений. Поскольку Мухаммед Садык скончался в 952 г. х. в возрасте 87 лет (считая по лунным годам), то из этого явствует, что он родился (952—87 гг.—) в 865 г. х. или в 1460 г. Следовательно, ему шел 32-й год, когда умер его отец Абу-л Хасан.

Это дает возможность на основании легко устанавливаемого теперь анахронизма опровергнуть несколько неверных представлений о Мухаммеде Садыке, явно сочиненных духовенством и бытующих до сих пор в народе.

Во-первых, он не мог состоять в учениках бухарского шейха Бахауд-дина, выслушивать его поучения и прислушивать ему в течение нескольких лет искуса в качестве мюрида до получения иршада ни под Бухарой, ни в Каршах, где этот, один из самых видных в Средней Азии представителей умеренного суфизма, бывал вообще неоднократно. Как известно, Баха-уд-дин, признававший только молчаливое самоуглубление (хуфия), отвергавший при зикре экстаз, достигавший громкими возгласами под музыку или пенье, видевший в отшельничестве только проявление гордости²³, при всем том полный внутренних противоречий, позволивших ему, нелюбостыжательному дервишу, состоять в течение нескольких лет при чингизиде Халил Султане в должности палача, отрубавшего головы осужденным, родился в 1318 и умер в 1389 г.²⁴, т. е. почти за 70 лет до появления на свет младенца Мухаммед Садыка.

Во-вторых, приведенные выше показания, дававшиеся местным мутевали в конце прошлого столетия полковнику Белявскому, будто катталянгарский вакф учрежден Тимуром в знак благодарности родоначальнику местных шейхов, якобы бывшему в Кеше не просто видным духовным лицом, а даже главой тамошнего духовенства и оказывавшему Тимуром в начале его политической карьеры всяческое содействие, лишены исторической достоверности. Известно, что в годы молодости Тимура в Кеше проживал пользовавшийся большим авторитетом Шемсед-дина Куляль или Кулар Фахури, к которому обращались за советом по вопросам не только религиозным, но и политическим. Общение с ним Тимур началось с юных лет, и последний даже объяснял свои успехи

молитвами этого шейха, заботой шейха Зейн-ед-дина Хавафи и благословением Сейида Береке²⁵. В 775 г. х. (1373/74 г.) около мазара Шемс-ед-дина Куляля по распоряжению Тимура соорудили мавзолей, куда и перенесли останки отца «великого эмира» Тарагая. Кроме того, по свидетельству Шереф-ед-дина, в Кеше наибольшую популярность при жизни имел Абу-л Хусейн Муслим Нишабури, к которому стекались с разных сторон почитатели, чтобы выслушать его поучения²⁶. Но в источниках не упоминается имен известных нам теперь катталянгарских шейхов, из которых современником Тимура мог быть Худай Кули. Последний не покинул бы Кеш и не переселился в Самарканд, если бы получил в свое пользование крупный земельный вакф по Лянгар-саю.

В третьих, версия о выдаче Тимуром замуж за Мухаммед Садыка своей дочери Бекиса-бики отпадает не только из-за слишком большого анахронизма, но и потому, что самая возможность подобного факта невероятна. К тому же неизвестно, чтобы у Тамерлана вообще была дочь с таким именем. Вместе с тем вполне допустимо, что Мухаммед Садык в силу каких-то обстоятельств стал мужем дочери одного из отпрысков кончавшейся династии Тимуридов или соперничавших между собой султанов из дома Абу-л Хайра. Это могло быть вызвано интересами любой из двух сторон или даже одновременно обеих.

Как уже отмечалось, в эпитафии Абу-л Хасана, сына Ильяса, прямо указывается, что покойный шейх придерживался учения ордена алишкийя. Однако широко распространенное в бывшей Кешской области предание, что Мухаммед Садык получил иршад от современного ему шейха Иски Лянгара толка ишки, ничем не подтверждается. Во всяком случае, едва ли случайно в составившемся, если не самим Мухаммедом Садыком, то в соответствии с его указаниями, тексте эпитафии Абу-л Хасана проставлен эпитет «эмир иршада», чем, вероятно, имелось в виду косвенно продемонстрировать преемственную наследственную передачу права быть духовным наставником мюридов именно от отца к сыну, причем это могло совершиться не обязательно незадолго перед смертью первого и не только в Лянгаре, а где-то в другом месте. Принимая во внимание безусловно неличествовавшую в прошлом известную «конкуренцию» двух территориально близко обитавших друг от друга семей этих шейхов, надо думать, что они нарочно допускали какие-то отличия в своем образе жизни, во внешней стороне разных ритуалов и в поучениях, даже если придерживались основ одной школы дервишизма.

На катталянгарских шейхов мог повлиять живой пример сурового и властолюбивого Ходжа Ахрара, прибравшего к своим рукам бразды правления в самаркандском владении при двух тимуридах — Абу Саиде (1451—1469 гг.) и Ахмеде Мирзе (1469—1494 гг.), орден которого ходжагон далеко отошел в моральном отношении от послуживших истоками его школы учений орденов кадырийя (XII в.) и накшбандийя. С другой стороны, не прошли, вероятно, совсем бесследно и непосредственные связи с Афганистаном, среда суфиев которого породила в свое время немало «вольнодумцев»²⁷. Один из них — выходец из Балха Джелал-ад-дин Руми в XIII в. это «вольнодумство» перенес на запад в Малую Азию. Однако сам катталянгарский мавзолей своим видным положением, внушительностью контурных очертаний, подчеркнутой парадностью и строгой торжественностью интерьера невольно склоняет к мысли, что Мухаммед Садык отнюдь не был скромным отшельником, а наоборот, многое унаследовал от гордыни упомянутого реакционного самаркандского ишана второй половины XV столетия Ходжа Ахрара, следовал строгоправверным формам дервишизма и неуклонно придерживался основных предписаний шариата. Однако одновременно он и его

сын, вероятно, позволяли себе некоторые чисто внешние отступления. К ним можно было бы отнести и допуск (если это подтвердится археологическим вскрытием) погребения рядом с могилой Мухаммед Садыка его родовой жены в обход положения, по которому захоронения мужчин и женщин не должны быть под одной кровлей.

До получения каких-либо новых данных из письменных источников не может быть решен вопрос, кто и когда из катталянгарских шейхов впервые поселился в горной долине по Лянгар-саю. В пользу того, что им был уже в XV столетии Абу-л Хасан, как будто свидетельствует наличие его намогильника с датой 1491/92 г. и другой каменной плиты XV в. в нескольких метрах от северного устоя мавзолея Лянгар-бобо. Но при широко практиковавшемся в ту эпоху в Средней Азии обычае перенесения покойников с места их первоначального захоронения иногда даже на весьма далекие расстояния останки отца Мухаммед Садыка могли быть доставлены по воле сына и из другого района. Намеком на то, что Абу-л Хасан скончался где-то в ином месте, предан там скромному погребению, вероятно, без установки на могиле плиты с эпитафией и лишь некоторое время спустя был помещен в отстроенный в Катта Лянгаре мавзолей, может служить отсутствие здесь на его стеле указания дня смерти, очевидно, из опасения допустить ошибку при восстановлении ее момента по памяти. Точная дата его ухода из жизни была бы хорошо известна, если он умер бы в самом здешнем лянгаре, и ее вырезали бы в эпитафии, как и на стелах других шейхов. Что касается второй намогильной плиты середины XV столетия, то она по высеченной на ней надписи была изготовлена для Мирак-бека, сына «эмира величайшего» Мир Абдуллы, скончавшегося 14 джумада 853 г. х., т. е. 4 августа 1449 г. По-видимому, он умер рано, может быть еще в отроческом возрасте, не приобретя собственного положения в тогдашнем обществе, и поэтому величался лишь по отцу, полководцу времени Улугбека. Одинокое несколько случайное положение этой плиты без должным образом оформленного каменного постамента, сооруженного несколько десятков лет спустя, не дает уверенности в том, что плита эта лежит над местом подлинного погребения указанного в эпитафии лица, и, наоборот, заставляет заподозрить, что ее перевезли сюда значительно позднее. Такие перемещения старинных намогильных кайраков, кирпичей и оформленных каменных плит отмечены по всей Средней Азии²⁸. Так поступали иногда простые люди для украшения своего ничем не замечательного мазара. Мусульманское духовенство часто преследовало при этом некоторые своекорыстные цели, как это могло быть и в данном случае, учитывая факт фальсификации еще более ранней эпитафии XV в. на возможно первоначально женском намогильнике, находящемся теперь внутри мавзолея Лянгар-бобо.

Все сказанное, включая отмеченные историко-архитектурные данные, позволяет датировать мавзолей последним десятилетием XV в. — началом XVI вв. и согласиться с теми опрошенными коренными жителями Шахрисябзского района, которые начало деятельности Мухаммеда Садыка в качестве старшего шейха относили к поре правления Султан Хусейна и Шейбани хана. Среди стариков-катталянгарцев прочно живет унаследованное от предков представление, что первым из шейхов, здесь обосновавшихся, был именно он. Лянгар-бобо, поселившийся в самом начале на Мунчак-тепе и перебравшийся ниже после возведения там здания первой мечети-ханака для молитв и поучений, после чего уже был отстроен и мавзолей.

ГЛАВНАЯ КАТТАЛЯНГАРСКАЯ МЕЧЕТЬ

Сохранившаяся до наших дней мечеть в старой части Катта Лян-гара расположена на окраине этого селения, несколько севернее мавзолея и почти на одной с ним оси, высоко над саем, но на другом отроге того же южного склона горного хребта и более скрытно, почему ее не видно с дороги. Она состоит теперь из двух смежно поставленных в разное время помещений, пристроенного к ним айвана и небольшого дворика, обведенного стеной из жженных кирпичей с тремя маленькими глухими арочными декоративными порталчиками, со сквозными нишками, забранными решетками, и с обращенными наружу суфами для сиденья. Рядом расположен хауз, наполняющийся водой из горного родника.

Более старое помещение, отстроенное еще в XV столетии, находится западнее и именуется теперь жителями ошханой. Достаточно вместительное, квадратное (около 12×12 м), оно было сложено первоначально из сырцовых кирпичей и при высоте около 6 м имеет плоское перекрытие, поддерживаемое четырьмя деревянными колоннами. Позднее его неоднократно ремонтировали, причем сырцовые стены или обкладывались, или на отдельных участках частично заменялись жжеными кирпичами $23 \times 23 \times 5$ см, $23,5 \times 23,5 \times 5$ см и $24 \times 24 \times 5$ см (10 рядов = 63—69 см). При одной из позднейших реконструкций интерьера внутри были сделаны сверху донизу тонкие декоративные каркасные оштукатуренные алебастром стенки, разбитые по вертикали на панно с нишами. Кроме нанесенной росписью приличествующей мечети религиозной формулы-калимы над михрабной нишей, никаких других надписей здесь нет.

Позднее, когда более скромная по отделке, чем теперь, первоначальная мечеть перестала удовлетворять предъявлявшимся к ней требованиям, к ее восточной стене примкнули таких же размеров новое, более парадное помещение, сложенное из жженных кирпичей $23 \times 23 \times 4,5$ и $24 \times 24 \times 5$ см. Его кровля, такая же плоская, как у первого, поддерживается в настоящее время не четырьмя, а для прочности пятью деревянными колоннами, причем про понадобившуюся когда-то пятую, поставленную в середине, была сочинена упомянутая выше легенда. Стены новой мечети оштукатурены алебастром, но панель с геометрическим орнаментом (гирихом) двух типов, михрабная ниша с порталного вида обрамлением и пропущенная под потолком полоса с религиозным текстом почерком сульс — выполнены изразцовой мозаикой. Ее основной фон — синий. Буквы надписей преимущественно белые. В стилизованной растительной орнаментации михраба немало элементов, выполненных из красных, зеленых, желтых глазурованных плиток. Желтые несут хорошо сохранившуюся на их поверхности позолоту. От изысканных мозаик XV в. изразцовые декорации катталянгарской мечети отличаются заметно большей шириной некоторых линий, что создает о всей достаточно четко выполненной орнаментации впечатление огрубленности и утяжеленности. Участники экспедиции 1961 г. эту мозаичную отделку сблизжали с таковой же бухарских мечетей Балаянд и Калян, допуская при этом, что в Катта Лянгаре она появилась в середине XVI столетия²⁹.

Внутри михрабной ниши в продолговатом картуше помещена мозаичная надпись, заключающая в себе тарих постройки. Фото с нее еще до нашей экспедиции было представлено мне для прочтения Л. И. Ремпелем с двумя вариантами ее разбора, предлагавшимися разными лицами, которые расшифровывали хронограмму, как якобы дающую даты начала или конца XV в., а именно «819/1417» или «896/1491» (sic!).

Эта надпись с историческими данными дана по синему же фону белыми буквами почерка сульс и включает следующий текст:

تعريفى بنايه

بسم الله المتوحد بكمال حوده المعبود

«Определение [времени] сооружения:

Во имя Аллаха единственного! В совершенстве преимущество почитаемого [бога]».

بسم	-2+60+40=102	} В сумме 926.
الله	-1+30+30+5=66	
المتوحد	-1+30+40+400+6+8+4=489	
بكمال	-2+20+40+1+30=93	
حوده	-8+6+4+5+=23	
المعبود	-1+30+40+70+2+6+4=153	

926 г. х. начался 23. XII 1519 г. и окончился 11. XII 1520 г. и, таким образом, можно считать, что сооружение мечети было завершено в течение 1520 г.

При ознакомлении с надписью на месте мы обратили внимание, что в слове *حوده* последняя небольших размеров буква *ه* (5) не белая, как остальные, а изготовлена из желтой глазурованной плитки с позолотой, как все надстрочные и подстрочные знаки. Если это не случайная оплошность мастера-мозаиста, а сделано нарочито в соответствии с представленным проектом текста, то возможно, что автор тариха, меняя цвет указанной буквы и переводя по расцветке как бы в разряд второстепенных знаков, имел в виду исключить ее из арифметического расчета. Тогда в сумме мы будем иметь дату 921 г. х., начинавшегося 15. II 1515 и кончавшегося 4. II 1516 г.

Какую бы дату не признавать истинной, совершенно несомненно, что время постройки катталангарской мечети приходится на пору жизни Мухаммед Садыка и на середину правления Кучкунджи-хана (1510—1530 гг.), а отнюдь не на середину XVI столетия. Допущение же в интерьере мечети богатого и пышного изразцового убранства очевидно соответствовало вкусу и целям самого тогдашнего главы Катта Лянгара.

По мнению членов экспедиции 1961 г., айван с его современными, стоящими в два ряда десятью деревянными колоннами, увенчанными наборными капителями, охватывающий главные фасады обеих мечетей и выходящий единственной открытой стороной во двор, создали те мастера, которые соорудили парадную мечеть. В этом их убеждала выкладка на боковых стенах айвана из «шлифованных кирпичей с расшивкой швов по рисунку гириха, прием также характерный для зодчих Бухары начала XVI в., но отмеченный еще в отличных образцах на мавзолее Ишрат-хана»⁵⁰. В беседе с нами один из жителей кишлака, участвовавших в последнем ремонте памятника, сказал, что они видели на крыше гнезда для балок от перекрытия айвана, сделанные, по его словам, уже при выведении кладки основной фасадной стены мечети. Однако несомненно, что современным своим видом айван обязан более поздним неоднократным переделкам. Ниже пропущенного вверху бордюра из прямоугольных деревянных филенок вдоль него видны в нескольких местах следы надписи, мелкие буквы которой исполнены черной крас-

кой почерком насталик. Текст ее наверняка содержал имена мастеров и время изготовления деревянного бордюра. Отсутствие подходящей лестницы не дало нам возможности разобрать хотя бы видимые фрагменты этой надписи.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА КАТТА ЛЯНГАРА

Время жизни Мухаммед Садыка и его сына шейха Абу-л Хасана младшего для местного лянгара было порой наибольшего процветания. Молва об этих двух хазретах способствовала не только увеличению числа мюридов, но и усиленному притоку паломников из разных слоев населения от высокопоставленных лиц до массы простолудинов. Сюда устремлялись не только для выслушивания поучений ставших весьма популярными шейхов. Учитывая их авторитет и влияние на настроение умов населения, в Катта Лянгар приезжали для получения далеко не бескорыстной поддержки со стороны ишанов в тех или иных начинаниях, за чисто практическими советами в политической и частной повседневной жизни. Так, в 1554 г. после того, как находившийся в Мианкале Абдулла-хан не смог занять Самарканд, захваченный незадолго перед тем в июле (Реджеб 961 г. х.) ташкентским правителем Науруз Ахмедом, и вернуть город просившему у него помощи султану Саид-хану, последний направился в Катта Лянгар, чтобы посоветоваться, как ему дальше быть при сложившейся ситуации. Оттуда он, в соответствии с полученной там рекомендацией, не надеясь больше на помощь Абдулла-хана, двинулся к его врагу в Самарканд, где при содействии одного из близких шейху ишкия лиц получил аудиенцию у Науруз Ахмеда, который милостиво его принял и пообещал в будущем отдать ему Бухару. Посещали Катта Лянгар также в надежде получить исцеление от разных недугов, в чем бессильными оказались табибы и дуахоны других мест. Везли и безнадежно больных, умиравших здесь «по воле аллаха» и хоронившихся на местном кладбище. Были и такие, которые вообще желали быть погребенными подле «обитатели святости», имея в виду, что непосредственная близость к мавзолею шейхов окажется полезной в день кыямата («Страшного суда») при предстоящем всеобщем воскрешении мертвых.

Именно на указанное время приходится на катталянгарском кладбище наибольшее количество лучших каменных намогильных плит, принадлежащих представителям верхушки тогдашнего общества. На одних, особенно парадных, намогильниках высекались длинные религиозные тексты и подробные эпитафии с титулатурой и с указанием точной даты смерти в шифрованном или словесном обозначении года по-арабски или по-таджикски, а иногда в виде хронограммы, зашифрованной в причлистующей по содержанию фразе. На других, менее крупных и более скромных, проставлены одни имена, ничего уже не говорящие теперь по прошествии нескольких столетий. Вблизи мавзолея лежат плиты с именами детей разных эмиров (например, Рабаи Султан, дочь эмира Али, скончавшаяся в месяце Реби I 940 г. х. — IX-X 1533 г.; эмир заде Даврон Джан Мухаммед, умерший в месяце джумада II 944 г. х. — XI. XII 1937 г.), и самих эмиров (в том числе Абд-ал Хамид, сын Мирзы, умерший в том же 944 г. х.), и представителей сословия ходжей (в частности, Наджа ал-ауля Руба-аддин ходжа, дата смерти которого третье число месяца шавваль 949 г. х., т. е. 10. I 1543 г., Саид Мухаммед ходжа, скончавшийся в одну из пятниц месяца мухаррам 955 г. х. — II—III 1543 г.)²¹. Реже встречаются намогильники женских погребений знатных лиц, которые на катта-

лянгарском кладбище расположены попеременно с мужскими, а непосредственно рядом с мавзолеем, в том числе у восточного пилона его портала, даже впереди плит с эпитафиями мужчин. Вполне возможно, что такое отношение к женщинам отражает одну из специфических черточек того суфийского толка, к которому принадлежали местные шейхи, и это дает лишнее основание допускать возможность погребения Бекиса-бика в мавзолее рядом с мужем.

Лучший из женских надгробников, покрытый тонкой орнаментальной резьбой бухарской работы (для облегчения сделанный полым изнутри со стороны основания, отчего он стал менее прочным и лежит теперь расколотым), расположен с западной стороны мавзолея на небольшом расстоянии от него. Он был предназначен для могилы Кумри-бека, дочери первой персоны в Бухарском ханстве после самого эмира, Султана Кукальташа аталыка³², скончавшейся в рамазане 954 г. х. (15.X — 14.XI 1547 г.), причем дата проставлена цифрами. Помещенная на торцевой стороне эпитафия состоит из шести параллельных косых неравных строк, опускающихся под большим углом справа и налево:

وفات مغفره مرحومه كومرى بکه بنت سلطان کوکلتاش اتاليق فى
تاريخ رمضان ٩٥٤

Количество надгробников XVI столетия с датами позднее 1560 г., когда умер шейх Абу-л Хасан младший, значительно меньше, чем за предыдущие десятилетия этого века. Очевидно, это отражает в какой-то мере и общую политическую ситуацию в стране и падение значимости Катта Лянгара в глазах населения как духовного центра, где не было уже таких видных фигур, какими являлись Мухаммед Садык и его сын.

Что в Катта Лянгаре не все шло гладко, свидетельствует мозаичная плита с надписью, вмозанная внутри парадной мечети над входной дверью напротив михраба. По истолкованию, приведенному в цитированной статье Р. Р. Абдурасулева и Л. И. Ремпеля, заключенный в ней тарих якобы дает дату 1546 г. «относящуюся к некоему исправлению» («тамбихи») строительного порядка, и она «возможно означает время отделки зала (так именуется помещение мечети. — М. М.) изразцовой мозаикой»³³. Следует, однако, учитывать: во-первых, термин, на котором строится домысел о производстве в мечети каких-то строительных работ, транскрибирован искаженно как «тамбихи» (вместо «танбихи»); во-вторых, он в числе других понятий включает и «исправление», но лишь в смысле моральном, в результате раскаяния, в том числе при условном наказании; в-третьих, при переводе буквенных знаков хронограммы в цифровые значения или при их суммировании вкралась арифметическая неточность.

Рассматриваемая плита содержит внутри продолговатого картуша с синим фоном двухстрочную арабскую надпись. Первое ее слово, расчлененное надвое, выполнено куфой из желтых кусочков мозаики. Все остальные даны белыми буквами почерка сульс. В целом плита выдержана в стиле и тональности остальных мозаик мечети, но отрезок времени, разделяющий их появление, сказался в том, что глазурь ее уступает несколько по качеству предыдущим, что синий тон фона мутнее, и что поверхность элементов из желтых плиток не покрыта золотом, хотя этого металла потребовалось бы ничтожное количество по сравнению с тем, которое употреблено на всю мозаичную отделку интерьера.

Текст надписи следующий:

верхняя строка الجِه [تنبه تيمامه] ليه

нижняя строка الحمد لله الملك المتمر بجد المحمود

«Указание (или доказательство) окончания (времени) пробуждения (или подъема от сна): Аллаху (принадлежит) слава! Власть непреклонности пылкого восхваления (в том смысле, что твердая власть достойна пылкого восхваления)».

Два первых слова второй строки обычного в начале славословия не входят в хронограмму, которая состоит из следующих слагаемых:

1.	الملك	-1+30+40+30+20=121	} в сумме 970
2.	المتمر	-1+30+40+400+40+200=711	
3.	بجد	-2+3+4=9	
4.	المحمود	<u>-1+30+40+8+40+6+4=129</u>	

970 г. хиджры начинался 31. VIII 1562 г., а последним его днем было 8. VIII 1563 г.

Если же добавить сумму цифровых значений букв, входящих в слова «слава аллаху» (т. е. $83 + 65 = 148$), то это дает дату 1118 г. х. или 1706/7 г., которая отпадает уже в силу того, что для начала XVIII столетия исключается самая возможность изготовления мозаики все еще высокого качества.

Несколько раболопный смысл хронограммы легко понять, если учесть политическую ситуацию эпохи.

Уже последние годы жизни Абу-л Хасана младшего пришлось на беспокойную пору для Кешской области, отнюдь не остававшейся в стороне от междоусобной борьбы правителей мелких и крупных уделов государства шейбанидов, начало расчленения на которые положил сам основатель династии. В стремлении играть первую роль хакана ташкентский правитель Науруз Ахмед Барах-хан с 1552 г. неоднократно бывал под стенами Шахрисябза и осадил его однажды даже с участием прибывшего из Рума отряда в 3 000 человек, вооруженных ружьями. Временами город входил в состав его владений. В течение восьми лет до самой смерти Абу-л Хасана (последовавшей в 1561 г.) власть в Кешской области, до того бывшей в руках сыновей Джанибек султана, принадлежала то ставленнику Барак-хана, Гашим Султану, сыну Бурундук Султана Хисари (дважды), то его противникам Ибадулла Султану, родному брату Абдулла-хана II и, наконец, с 1556 г. двоюродному брату последнего, Хусрау Султану, сыну его дяди с отцовской стороны. В неустойчивой обстановке лицам, возглавлявшим общину катталянгарских суфиев, при выборе «высоких покровителей» приходилось временами делать неудачные ставки на соперников, терпевших вскоре поражение. Противная сторона при успехе зарилась на скопившиеся у шейхов богатства. Постоянные походы, передвижения войск враждующих сторон, крупные и мелкие сражения, месяцами тянувшиеся осады главного города области, развал экономики и возможного в условиях феодального общества минимального правового порядка отрицательно сказывались на доходах подлинных хозяев Катта Лянгара, тем более, что неизбежно сокращался приток паломников. И жизнь, проникнутая неуверенностью в «завтрашнем дне», в уютном, внешне изолированном от «мирской суеты», Катта Лянгаре заметно замирала, как бы погружаясь в глубокий, но тревожный сон.

По всей Средней Азии духовенство, владевшее большим вакуфным имуществом в разных частях страны и потому заинтересованное в устойчивой центральной власти, с надеждой взирало на энергичные действия Абдулла-хана, направленные на создание феодальной монархии с гегемонией Бухары. В свою очередь и этот хан стремился обеспечить себе поддержку влиятельных шейхов не только в самой Бухаре. Неизвестно, дал ли он заблаговременно потомкам Мухаммед Садыка гарантии материальной неприкосновенности, подтвердил ли их наследственные права, добавил ли что-либо от себя к имевшемуся вакуфу, или их политическое чутье до этого подсказало необходимость установить с ним обоюдовыгодный контакт. Вместе с тем заслуживает внимания, что рассмотренная мозаичная плита появилась в парадной мечети пять лет спустя после того, как летом 1557 г. Абдулла-хан прочно утвердился в Бухаре, и через полтора-два года после провозглашения там хаканом его отца Искандер-хана весной 1561 г. При излиянии в такой же совсем обычной форме своих комплиментов «непреклонной власти» осторожные шейхи, по-видимому, шли на малый риск, поскольку, как явствует из «Абдулла-намэ» Хафиза Таныша, в промежутке 1560/61—1563/64 гг. в государстве не произошло никаких крупных событий, а в Шахрисябзе продолжал спокойно править Хусрау Султан. Интересно, что близ катталяггарского мавзолея лежит хороший каменный надгробник, в эпитафии которого упоминается Наби-бика Ага, дочь некоего Мирзы Мухаммеда, скончавшаяся в мухарраме 970 г. х. (сентябре 1562 г.). Совпадение даты ее смерти с годом изготовления мозаичной плиты может служить еще одним показателем, что к этому времени обстановка в Кешской области относительно нормализовалась, и у мазара хазрета Мухаммед Садыка снова после некоторого перерыва стали совершать погребения лиц из зажиточной среды.

Правда некоторое время спустя начались новые осложнения, особенно тяжелые в процессе борьбы с наследниками Науруз Ахмеда, тянувшейся до 1572 г. В декабре 1567 г., когда Хусрау Султан был на охоте, Шахрисябз захватил Абулхайр Султан. Начатую Абдулла-ханом осаду его в этом городе пришлось через месяц снять в связи с движением на Бухару соединенных сил Ташкента, Туркестана, Андижана и Ходженда под начальством сына Науруз Ахмеда, Баба Султана. Вскоре оставленный частью своих сторонников Абулхайр, захватив добычу, не без труда бежал в Самарканд. Хусрау Султан тотчас овладел своим городом, но не надолго, так как в январе 1568 г. султаны Ташкента и Самарканда вновь осадили его. Не дождавшись высланной Абдулла-ханом помощи, с большой осторожностью, медленно, по одному фарсаху в день двигавшейся из Касби, Хусрау Султан оставил город, бежал через Термезские ворота в южном направлении, недалеко от мазара ходжа Кутейба он был захвачен в плен, а затем убит по распоряжению Баба Султана. Правителем Шахрисябза он поставил Факир Султана, который покинул город, как только услышал о приближении войск Абдулла-хана, но по их удалении тотчас вернулся в него.

Только весной 1569 г. Абдулла-хан смог двинуться на освобождение Шахрисябза и вынудил Факир Султана бежать: вступив в город, он велел восстановить разрушенные укрепления и передал его вместе с Каршами в управление Узбек Султану. Несколько же месяцев спустя по мирному договору Шахрисябз отошел к Баба Султану, назначившему туда Хайр Султана.

Особенно тяжелым для Кешского вилайета было лето 1572 г., когда Абдулла-хан, проведая о высылке Баба Султаном отряда в 20 000 человек к Самарканду и Шахрисябзу, приказал опустошить области этих городов. После сражения под Самаркандом Баба Султан все же

направил против Шахрисябза войска, которые, в свою очередь, предав область ограблению, вынуждены были затем повернуть обратно.

Вслед за этим событием на катталянгарском кладбище появился после некоторого перерыва новый каменный надмогильник внучки шейха Мухаммед Садыка, Мах-биби, дочери его другого сына Мухаммед Саида, скончавшейся в 980 г. х. (1572/73 г.) и погребенной рядом с могилой Кумри-бики, дочери Султана Кукальташа аталыка. Характерно, что дата смерти одновременно указана арабскими цифрами и написана словами по-таджикски. Последним по времени из числа единичных каменных надмогильников XVI в. является здесь тот, на котором сохранилась дата смерти погребенного под ним лица 1000 г. х., т. е. 1591/92 г.

XVII столетие, в начале которого, по свидетельству Махмуд б. Вели, написавшего свой труд около 1640 г., Шахрисябз и Хузар составляли два удела из шести, на которые было поделено государство аштерханидов³⁵, оказалось более благоприятным для шейхов Иски Лянгара, чем для их соперников из Катта Лянгара, проживавших южнее. Именно в эту эпоху на искилянгарском кладбище появился один из двух упомянутых скромных мавзолеев, который не может идти в сравнение с катталянгарскими памятниками ни по своим архитектурным данным, ни по качеству работы. Когда понадобилось установить плиту для Кули шейха, сына Бобо шейха ишки, скончавшегося в 1039 г. х. (1629/30 г.), то для этого использовали великолепной работы надмогильник XV в., сбив с его обеих торцовых сторон первоначальный текст эпитафии и поместив вместо него новый, вырезанный менее изящными буквами и более плоским. Теперь этот, кем-то расколотый надвое надмогильник с его плоским каменным плитом находится на северном склоне горного отрога между зданиями двух мавзолеев. Судя по немногим каменным плитам, на этом обширном кладбище продолжали хоронить разных зажиточных светских лиц, причем даты смерти их проставлялись цифрами, а не словами. Например, есть плита с датой ١٠٧٧ (1645/46 г.).

В Катта Лянгаре, по-видимому, линия тамошних шейхов прервалась, но неясно когда именно. Хотя на кладбище имеется несколько каменных плит над мужскими и женскими погребениями разных светских лиц (в частности, с датами 1076 г. х. (1665/66), 1086 г. х. (1675/76 — две), относящиеся к середине второй половины XVII столетия, однако, неизвестно, связаны ли они с опекой могил здешних хазретов, по-прежнему, чтимых их потомками, или уже других людей. По преданию, сохранившемуся в памяти катталянгарских стариков, запустение их селения произошло 180 лет спустя после построения парадной мечети, когда какой-то государь вынудил жителей покинуть насиженные места по Лянгар-саю. Если это так, то учитывая расшифрованную нами дату ее сооружения — 926 г. х., мы как бы получаем указание на конец XVII столетия, если считать по лунным годам (926 + 180 = 1106 г. х., т. е. 1694/95 г.), или на самое начало XVIII в., если брать года по солнечному календарю, расчет на который сейчас уже является общепринятым среди коренного населения Узбекистана (1520 + 180 = 1700). При этом необходимо принять во внимание, во-первых, что современные катталянгарцы до нашего посещения не знали точного года сооружения памятника; во-вторых, что им зато была известна дата смерти Мухаммед Садыка (952 г. х. или 1545 г.), при котором осуществлялось ее строительство (1545 + 180 = 1725 г.); и в третьих, определенную приближенность называемой ими цифры в 180 лет. Исходя из общенсторических соображений, нужно думать, что разгон жителей из Катта Лянгара был одним из событий, связанных с назре-

вавшим с конца XVII в. и разразившимся в первой половине следующего столетия по всей Средней Азии всеобщим кризисом.

В долине Кашкадарьи, которой владели тогда узбекские племена «правой стороны» и «левой стороны», кризис был осложнен все разгоравшейся с XVII столетия враждой между главарями родов мангытов, занимавших в основном район Карши, и кенегясов, обитавших преимущественно в Кешской области. Город Шахрисябз являлся центром «левой стороны», считавшейся вообще более почетной, чем «правая сторона», поскольку именно с левой стороны в организме людей расположен такой важный для жизни орган, как сердце.

В государстве аштарханидов область Кеша была постоянным очагом восстаний, особенно участвовавших с начала XVIII в. Брожение среди кенегясов не прекращалось с первых лет правления Убайдулла хана (1702—1711 гг.), несмотря на жестокие меры, которые приняло бухарское правительство, когда одним, обвиняемым в мятеже, перерезали горло; других — сбрасывали с минарета; тела третьих развешивали, как серьги, на портале медресе и на чарсу. Назначение в Шахрисябз после подавления восстания в качестве правителя «пограничного Кеша» Худояр-бия мангыта только усугубляло раздражение в среде кенегясов, продолжавших оказывать всяческое неповиновение. Не помогли уговоры послов в 1705 г., которых только издали поддерживал расположившийся со своим войском бухарский хан, бессильный предпринять что-либо более решительное. Осталось безрезультатной направленная несколько позднее «для примирения людей правой и левой сторон» специальная миссия Худояр-бия, ведшего переговоры с главарями узбекских родов в принадлежавшем ему владении Чирагчи, и даже вступление в 1707 г. в Шахрисябз самого Убайдулла-хана, «воссевшего на царственный трон под величественным порталом «Аксарая» и приказавшего тогда же «в виде примера» и назидание другим повесить правителя тамошних районов Ибрагим мирахура. Не оправдал надежд и дипломатический ход, когда решено было, отобрав Шахрисябз у племен правой и левой сторон, назначить правителем области нейтральное лицо, а именно отличившегося во время похода на Балх Фархад-бия утарчи, которого надеялись утвердить там при поддержке племени хитай-кипчак. Это мероприятие вызвало в «очаровательном городе Кеше» только военные приготовления для его отпора³⁶.

Особенно крупное восстание шахрисябзских кенегясов было поднято в 1722 г. Ибрагим-бием против аштарханида Абу-л-Файза (1711—1747 гг.), когда им вместе с другими биями был выдвинут и даже возведен в Самарканде на ханский престол другой претендент Раджаб-хан «из потомков туранских султанов», т. е., по-видимому, из казахов³⁷. Сами казахи были призваны на помощь в следующем 1723 г., но затем «вышли из повиновения», опустошили долину Зарафшана и даже подступили к столице ханства, Бухаре. Последствием окончательно разразившегося кризиса явилось то, что вся страна пришла в упадок, а город Самарканд вскоре совершенно обезлюдел и находился в полном запустении в течении семи лет. Не прошло это бесследно и для области Кеша. В самом городе Шахрисябзе в 30-х годах, как и в Самарканде, на протяжении нескольких лет совершенно не было жителей. Отдельные группы казахов рыскали по области. Одна из них оставила недобрую память у катталыгарцев. Заняв их запустевшее селение, жители которого, как указывалось, были уже до того разогнаны неким государем, они обратили прекрасную мечеть и мавзолей с могилами шейхов в загон для своего скота а, уходя, похитили все, что было в них ценного. В ту же пору пострадал и Иски Лянгар, только устное предание связывает это не с казахами, а с кара-

тельпеками (т. е. с каракалпаками). Вполне возможно, что какая-то их группа, будучи подхвачена массовым передвижением в этот период почти всех народностей Средней Азии, оказалась сдвинутой из долины Зарафшана на юг и во время этого переселения побывала в Иски Лянгаре. По словам стариков, ворвавшись в их горное селение, карательпеки все разграбили, после чего разоренные жители вынуждены были надолго покинуть свой кишлак. Находки бус на их Мунчак-тепе, где тогда еще обитали шейхи ишки, современное население объясняет тем, что грабители, грубо сдергивая с молодых женщин ценные украшения, рвали при этом нити, и нанизанные на них бусинки, рассыпаясь, закатывались в разные места, где их теперь случайно и обнаруживают. Последняя по времени датированная надгробная плита первой половины XVIII в. на продолжавшем в начале этого столетия функционировать кладбище Иски Лянгара несет в эпитафии указание смерти погребенного под ней лица в 1140 г. х., т. е. 1727/28 г. С порой кризиса связывается и прекращение здесь деятельности «династии» шейхов ишки. Население считает, что это произошло не менее как лет 200 тому назад. Одним из последних видных шейхов называют Ваит-ишана ишки. Среди старых выходцев из Иски Лянгара еще живо предание, что его очень почитал какой-то государь из династии аштарханидов, как образцового дервиша. Как-то хан якобы спросил, что бы ишан хотел больше всего. Тот попросил дать ему клочок земли, где бы мог пастись его единственный ишак. Государю так понравился скромный ответ, что он щедро отвел ишану в потомственный вакф на правах мульты территорию от Ак-равата (около современного Чимкурганского водохранилища) до кишлака Карапоча. Из семи сыновей Ваит-ишана трое похоронены на землях колхоза Кзыл Юлдуз Шахрисябзского района, а один, вынужденный перебраться в Афганистан, погребен в Кандагаре. Все они еще были шейхами³⁸.

Сложившаяся бедственная обстановка дала возможность правителю Ферганы Абду Раиму в конце четвертого десятилетия овладеть Самаркандом и оттуда совершить на Шахрисябз поход, который окончился без военных столкновений заключением мира с кенегясами.

В эту смутную пору область Кеша оказалась в руках враждовавших между собой беков из разных родов. В отдельных ее районах одновременно появилось несколько хакимов, из которых каждый старался отстроить себе крепость и, опираясь на вооруженную силу своих сородичей, осуществлять власть над прилегающей территорией. Именно тогда на месте уже в IX—X вв. лежавшей в развалинах цитадели Кеша, как установлено нашей экспедицией, была устроена кала Китаба. Наиболее мощным из хакимов был правитель Шахрисябза Мухаммед Юсуф, которого основатель династии мангытов, бывший аталык последних аштарханидов Мухаммед Рахим коварно заманил в Бухару под предлогом закрепления дружественных отношений и убил. В подчиненной после этого силой Кешской области была разрушен ряд кала, в том числе Китаба, Кушчи и др. Вместо оставленной бухарским гарнизоном крепости Сангфуруш в рядом сложившемся селении по распоряжению Мухаммед Рахима отстроили арк³⁹. Покинувшим Шахрисябз жителям разрешено было вернуться в свой город. Шахрисябзское владение на пять лет утратило свою самостоятельность.

После смерти Мухаммед Рахима в 1759 г. захваченный в числе других членов свиты Мухаммед Юсуфа, Мирза Назар-бек из рода кайрасалы бежал из Бухары в Шахрисябз, вернул независимость его владению, починил стены города, капитально отремонтировал центральный базарный купольный пассаж-чарсу, а затем для предотвраще-

ния набегов бухарских отрядов возобновил около 1770 г. древнюю районную стену «чим». При его сыне и наследнике Нияз Али-беке был изгнан гарнизон из последней принадлежавшей здесь Бухаре крепости Шамбе, которая затем была разрушена, а жителей переселили в восстановленный Китаб. Карательный поход против Шахрисябза, предпринятый бухарским эмиром Шах-Мурадом, не дал существенных результатов и закончился соглашением, по которому Нияз Али-бек только уплатил тартук (откуп). Хотя Шахрисябз номинально продолжал считаться принадлежащим Бухаре и при преемнике последнего, Мухаммед Садык-беке⁴⁰, но фактически до конца XVIII в. власть эмира на него не распространялась.

В связи с постепенным изжитием кризиса укрывавшееся долгое время в горах население постепенно стало возвращаться на места прежнего обитания. Некоторое время спустя после ухода казахов кто-то пришел и в Катта Лянгар, где они собственными силами привели в порядок мечеть и мавзолей. Вначале их было очень немного. Даже когда дед нашего 77-летнего осведомителя Хаит-бобо, будучи еще юношей, спустился с гор, в селении насчитывалось всего тридцать семей. Вскоре появились здесь из Бухары ходжа, точная дата прибытия которых пока не установлена. Неизвестно также оказались ли они тут по своей частной инициативе, по рекомендации бухарского правительства или хотя бы при его поддержке, поскольку последнее было заинтересовано как-то, исподволь воздействуя на население через духовенство, подготовить фактический переход Кешской области под власть ханства. Во всяком случае, после того как ходжа обосновались в Катта Лянгаре, явное оживление наметилось там уже в начале XIX столетия. Считая себя наследниками шейхов по обслуживанию «святых могил» их предков, они предпринимали некоторые меры по поддержанию и ремонту архитектурных памятников. Уже в первом десятилетии айван перед обоими мечетями Катта Лянгара получил в общих чертах свой современный вид, о чем свидетельствует дата 1222 г. х. (1807/08 г.), цифры которой длиной в 4—5 см, при ширине около 1 см, вырезанные из металлического листа, прибиты мелкими гвоздями на высоте около 2 м от пола на стволе одной из колонн. На начало XIX в. указывают также самый стиль и пропорции колонн айвана.

В суровых условиях восстановительного периода, когда в широких массах, испытывавших тогда особенно тяжелый гнет эксплуатации со стороны и часто менявшихся правительственных властей, и главарей родов, и начинавшего расцветать бекства, постоянно росло глухое недовольство царившим насильем и несправедливостью, роль духовенства как идеологов была весьма значительна. Достаточно указать в качестве примера на вспыхнувшее в Кешской области в начале правления Хайдара (1800—1825 гг.) народное восстание, которое было возглавлено одним из тамошних кишлачных ишанов. Бедняк-нестяжатель, он пользовался за свое бескорыстие, аскетический образ жизни и фанатическую убежденность в правоте своих взглядов исключительной популярностью у простых людей, среди которых насчитывались тысячи его мюридов. Объявив о полученном им свыше божественном откровении и суля щедрые обещания, он сумел поднять народ на борьбу. К нему стекалось множество обездоленных из числа тех, кому нечего было терять. Только недостаточная организованность и нехватка вооружения при почти полной неподготовленности привели к тому, что толпы восставших были разгромлены войсками. Самого ишана выдал властям один из его учеников за 100 тиллей (480 руб. золотом). Восстание было подавлено, а «король нищих» — ишан — повешен.

Ходжа Катта Лянгара наоборот были приспешниками властей,

почему пользовались покровительством как самостоятельных беков Шахрисябза, так и высшей администрации Бухарского ханства. Показательно, что, когда после тянувшейся 19 лет борьбы с местными беками, потомками наиболее значительного из них Даньёра Валями (иногда даже титуловавшегося «эмиром») ⁴¹, Насрулла хан проник наконец в 1856 г. внутрь чима, захватил Китаб и Шахрисябз и назначил туда двух беков из мангыт, он счел нужным совершить зиарат в Катта Лянгар. После смерти этого государя осенью 1860 г. позиции его наследника эмира Музаффар в Шахрисябзе очень ослабли, и Китабское и Шахрисябзское бекства вновь обрели самостоятельность, временами почти полную. Тем не менее, и до и после 1870 г., когда с помощью русских войск оба бекства до самого конца бухарского эмирата прочно вошли в его состав, пробухарские симпатии ходжа оставались неизменными. Это наглядно проявлялось, в частности, в сочиненных, если не ими, то не без их участия, версиях легенд о прямых глубоких духовных связях покойных хазретов ишкия с главой бухарских накшбандиев Баха-уддином. Что ни эмир Музаффар (1860—1885 гг.) ни эмир Ахад (1885—1910 гг.) не совершали уже зиарата могилам катталянгарских хазретов, вероятно связано с уменьшившейся в глазах бухарского правительства значимостью политической роли тамошних ходжа.

Стараниями последних для привлечения в Катта Лянгар возможно большего числа не только паломников, жаждавших спасения души, но и лиц, искавших исцеления от разных недугов, там появилось несколько фальсифицированных предметов, объявленных священными. Первый из них — тасби. Это была связка каменных бус-четок желтого цвета, якобы принадлежавших самому пророку Мухаммеду, хотя тасби вошли в употребление у мусульман почти два века спустя после его смерти. Связка хранилась при лянгарской мечети, показывалась совершавшим зиарат, но в руки никому не давалась. Второй поддельный предмет — «муймуборак», т. е. священный волос из бороды Мухаммеда. Таких волос, иногда запаянных в стеклянных трубочках, до революции в разные места Средней Азии поступало не меньше, чем в другие страны ислама. Их привозили с собой многие лица, совершавшие хадж в Мекку, приобретаю там «муймубараки» часто для того, чтобы путем выгодной реализации их на месте своего жительства хоть частично покрыть расходы, связанные с далеким паломничеством. Иногда в трубочки бывали помещены нити растительных волокон ⁴². Имевшийся в Катта Лянгаре муймуборак был рыжего, а по словам других, светло-коричневого цвета. Это смущало изредка некоторых правоверных мусульман, слышавших, что их пророк был брюнет.

Большой популярностью пользовалась третья «святыня» — старинного покроя хырка или джанда-чапан, которая выдавалась за ту, что якобы носил сам Мухаммед. Она была из светло-коричневой верблюжьей шерсти, имела воротник и длинные рукава, спускавшиеся почти до колен, напоминала верхнюю одежду дервишей. Ткань покрывали желтые, синие и красные узоры. Вместе с тем, в Лянгаре некоторые полагают, что хырка была сделана из шерсти того барана, которого принес в жертву аллаху Ибрагим-пайгамбар (т. е. библейский Авраам) вместо подмененного чудесным образом в последнюю минуту обреченного на заклание его сына Исаака. Утверждали, что хранившаяся при лянгарской мечети хырка, которую, как правило, и разворачивали перед посетителями, а показывали в свернутом виде, якобы не имела швов. Это приводилось в доказательство того, что ее не шили люди, а была она чудесным образом нерукотворно сотворена для Мухаммеда волею всемогущего аллаха. Кроме того, она будто бы обладала особым свойством: каждому, кому предоставлялась возможность мель-

ком на нее взглянуть, она казалась различного цвета. Последующая судьба этой «святыни» точно не установлена. Большинство опрашиваемых говорило, что хырка изъята вскоре после падения бухарского эмирата. Другие считали, что тогда был выдан не подлинный объект, который будто бы до сих пор скрытно хранится где-то в Лянгаре. Третьи полагают, что настоящая хырка переправлена в Афганистан еще в 20-х годах нынешнего столетия. Неизвестно, походила ли лянгарская хырка на ту, тоже приписываемую Мухаммеду, что хранилась в Константинополе и которую один раз в год торжественно носили по городу в сопровождении специальной процессии⁴³.

Последней фальсифицировавшейся в Лянгаре «святыней» был старинный коран, который выдавался, как целый ряд ему подобных по всему мусульманскому миру, за подлинный экземпляр, написанный якобы в VII в. лично Османом (644—656 гг.), над которым он и был убит своими врагами. В доказательство на странице со словами «фасьяки фия фумуло...» показывали специально сделанное пятно, якобы оставленное кровью злополучного халифа⁴⁴. Между тем, текст демонстрировавшегося корана был исполнен не куфическим почерком, а очень изящным, старинным, но более поздним насталиком. Последний вообще вошел в употребление только в XIV в., когда каллиграф Мир Али ал-Табризи усовершенствовал существовавшее с IX столетия письмо-талики, новая форма которого получила название насталика⁴⁵.

Никакой таксы за использование этих предметов в целях излечения не существовало. В зависимости от состоятельности зиаратчи давали деньги, жертвовали разные вещи или подносили что что мог — от хлебных лепешек до быка и нескольких баранов. Однако основу материального благосостояния ходжа составляли доходы, получавшиеся от крупного, приумноженного за время их хозяйничанья земельного вакфа, право на использование которого им удалось перевести на себя, как якобы законных наследников бывших здесь шейхов ишкия.

Первоначальным вакфом катталянгарских хазретов было только само селение. Позднее он стал много крупнее. К концу прошлого столетия в него входили все земли по саю Лянгар до Яр-тепе включительно и даже многие участки кишлака Карабаг, лежащего на одноименной горной речке. По воспоминаниям местных здравствующих еще стариков, в последние годы существования бухарского эмирата вакуфные земли простирались на север до кишлака Сандал или Чумич, на запад — до Кузи Монгал; на юг — до Чак-чак-Бузгала около Куляба; на восток — до Кала-и Широн. Собственно самое селение Катта Лянгар состояло из нескольких почти слившихся поселков с садами, виноградниками, бахчами, огородами и полями, разбросанных на протяжении до 4 км по обоим берегам сая. Два таких поселка находились в непосредственной близости к мазару и мечети. В целом около начала нынешнего столетия в объединенном кишлаке Катта Лянгар насчитывалось до 500 дворов, имелась старинная баня и оживленный двор.

Рядовые лянгарцы разводили баранов, меньше коров и занимались частично земледелием, сея на богарных землях пшеницу и ячмень. На продажу вывозили главным образом джидду, арчевые бревна, древесный уголь, выжигавшийся из арчи на месте ее произрастания по склонам Курик-таг, и добывавшуюся за этой горной грядой на Кокабулаке каменную соль. По сравнению с другими соседними кишлаками Катта Лянгар производил впечатление зажиточного.

На особом положении находились обслуживавшие мечеть и мавзолей нудучи, состав которых после изжития кризиса XVIII столетия коренным образом изменился. С появлением ходжа эти функции стали

исполнять исключительно их родичи, постепенно разросшиеся семья которых образовали рядом с мечетью целый таджикский кишлак. Одну из их привилегий составляло до недавнего времени право быть похороненными в восточной части кладбища при мавзолее шейхов, тогда как западная была отведена под могилы узбеков-бармаков, предки которых участвовали в строительстве местных памятников. Этот порядок строго соблюдался. Рассказывают, что один бай, захотевший быть погребенным на территории с могилами нудучи, предложил мутевали за это крупную сумму денег, но его просьба была решительно отклонена⁴⁶.

Теоретически нудучи пользовались 40% всех доходов, получавшихся от добротных подаяний зиаратчи и от налоговых поступлений с вакуфа. Столько же полагалось выделять на поддержание мечети и мавзолея. Остальные 20% причитались старшему из ходжа, занимавшему должность мутевали с особыми правами, поскольку в административном отношении территория Катталянгарского вакуфа имела особое управление. Во главе его стоял утверждавшийся самим бухарским эмиром мутевали, сочетавший в своем лице обязанности ишана и светского администратора с правами бека. Должность его считалась потомственной. В ведении мутевали находилось несколько сборщиков податей-амлякдаров. Обычно двое проживали в Катта Лянгаре и по одному было в Яр-тепе и Кара-баге. Для выполнения духовных обязанностей имелся один помощник.

Благодествующие в материальном отношении мутевали жили рядом с мечетью в доме с прекрасным садом. В связи с увеличивавшимся год от году притоком паломников для приема наиболее почетных из них заново отремонтированную внутри старую мечеть-ханака с четырьмя колоннами стали использовать в качестве приемной-михманханы. В ней же устраивали иногда общее угощение для собравшихся паломников, почему у современных жителей кишлака она известна под названием «столовой» (ошхана).

Почти полная бесконтрольность в израсходовании средств открывала мутевалиям широкий путь к злоупотреблениям при распределении получавшихся доходов. Едва ли 40% их шли действительно на поддержание памятников, несущих на себе следы лишь очень немногих эпизодических ремонтов за последние полтора столетия, производившихся через интервалы во много десятков лет. Даже подновление штукатурки производилось не сплошь, а лишь на ограниченных поврежденных участках. Именно поэтому в проеме между двух входных дверей мавзолея сохранилась роспись одного муллы, посетившего его в 1161 г. х. (1748 г.). Не требовалось больших затрат и на внутреннее оборудование, которое к тому же, во-первых, накапливалось годами, а, во-вторых, часто бывало даром прямо не причастных к памятникам лиц, охотно жертвовавших разные подстилки, кошмы, паласы, ковры и кабрпуши (покрывало на намогильники). Таковым даром является, в частности, изящная узорчатая халька из желтой меди на наружной двери мавзолея, сделанная, по выгравированной на самой петле надписи, Мухаммед Садык Рахимом в 1250 г. х. (1834/35 г.). Пожертвованием является и оригинальный деревянный шкаф-«сандук» для коранов и других книг религиозного содержания. Установленный на шести ножках, он как бы состоит из двух частей, причем меньшая напоминает башенку с ажурным верхним ярусом высотой свыше 1,5 м и в дополнение увенчанную длинным шпилем. Крышка устроена сверху. Весь шкаф покрыт масляной краской и имеет много надписей, в том числе тарих его изготовления, помнится, в XIX столетии.

Как показывают установленные факты, ходжа Катта Лянгара в XIX и начале XX вв. были в лучшем экономическом положении, чем их исконные конкуренты, которые в это же время обслуживали и эксплуатировали «святыни» Иски Лянгара. Но ни среди тех, ни среди других не было сколько-нибудь выдающихся представителей. Типичный облик одного из катталянгарских мутевали, занимавшего эту должность в конце прошлого столетия, кратко, но достаточно выразительно запечатлел в своем отчете полковник Белявский, встречавшийся с ним во время своей рекогносцировки в 1889 г. «Теперешний мутевали назначен уже три года тому назад (т. е. в 1886 г. — М. М.). Имеет мягкие вкрадчивые манеры; выказывает большую наружную скромность и смирение. Одет при приеме гостей весьма просто — белая рубашка и легкие сапоги (ичиги) с башмаками на босую ногу составляли все его одеяние. В манере говорить и обращении он напоминал польского ксендза». Вообще же про тамошних ходжа Белявский отметил: «Видимо, лянгиридам живется недурно»⁴⁷.

Иски Лянгар же после кризиса XVIII в. как один из былых локальных горных центров мусульманского духовенства утратил прежнее значение. У покинувших его несколько более 200 лет шейхов ишкия наследников не оказалось. Жители кишлака кое-как, не очень умело поддерживали их разрушавшиеся мавзолей, которые по-прежнему окружались ореолом святости, и несколько лучше следили за зданием крохотного скромного оформления медресе с рядом стоявшей джума мечети, последний капитальный ремонт внутри которой был произведен в 1329 г. х. (1911 г.). Однако обширное кладбище продолжало в XIX в. пользоваться по традиции популярностью у окрестных таджиков, узбеков, временами оказывавшихся поблизости казахов и как будто туркмен. В разных местах на пологих склонах нами встречены заросшие густой травой и иногда полупогруженные в землю типичные для конца XVIII—XIX вв. продолговатые, подкошенные киизу каменные плиты, положенные над могилами баев. Относительно краткие, грубо высеченные надписи, заключающие калиму и скупые данные эпитафий, очень часто не содержат указания даты смерти и свидетельствуют о малой грамотности их исполнителей. Так, имя бая Али, скончавшегося в 1294 г. х. (1877 г.), вместо начального айна передано через алиф (الی پای). Среди прочих нами зарегистрированы байские надгробья с датами: 1221 г. х. (1806/07 г.), 1257 г. х. (1841/42 г.), 1297 г. х. (1879 г.).

На каменных плитах кочевников встречаются высеченные тамги (иногда с элементом бараньих рогов), тавро и другие знаки, в том числе орденopodobные четырехконечные кресты, причем на отдельных надгробьях бывает помещено по несколько изображений, некоторые из которых обведены разных форм рамочками. В 70-х годах прошлого столетия населенный узбеками и таджиками Иски Лянгар был в два раза больше соседнего селения Калкама, насчитывал до ста домов, и через него пролегалла второстепенного значения горная дорога из Чирагчи на Самарканд⁴⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда восставший народ при поддержке Красной армии навсегда покончил осенью 1920 г. с дошедшим до XX столетия восточно-деспотическим режимом бухарского ханства, то в дни бегства свергнутого эмира в Афганистан в Лянгаре пронесся слух, что туда едет инкогнито японский принц. Вскоре какая-то персона, закутанная в богатый

зеленый халат и очень напоминавшая по внешности последнего члена династии Мангыт Мир Алима (1910—1920 гг.), якобы мельком заглянула в Катта Лянгар, второпях свершила зиарат могилам хазретов и тотчас покинула кишлак. Такова последняя кем-то сочиненная здешняя легенда, встречаемая с явным недоверием всеми, кому доводится ее услышать. Больше верят тому, что подлинный свиток старинной шаджара местных шейхов где-то надежно спрятал бывший мутевали Джалил-ходжа, и что бежавший в Афганистан Абдулла-ходжа строго-настрого запретил местным жителям сообщать советским людям что-либо, касающееся их «лянгара»⁴⁹.

Запрет ходжа оказался бессильным перед натиском нового времени. Есть достаточно оснований думать, что не только шаджара, но и другие исторические документы, связанные с лянгарами Кеша, скоро будут обнаружены, увидят свет и станут доступны для науки. В Шахрисабзе и на местах старики и молодежь, за исключением нескольких бывших нудучи, охотно делились с нами тем немногим, что они знали и слышали о лянгарской старине, дав этим возможность лучше осмыслить материал для составления настоящего научного очерка.

Работами 1961 и 1964 гг. положено начало обмерно-графической и подробной фотографической документации хотя и не первоклассных, но весьма интересных архитектурных объектов Катта Лянгара, принадлежащих провинциальному зодчеству Средней Азии самого конца XV—XVI вв., а также их разностороннему изучению как памятников материальной культуры, отражающих прошлое группы людей, сталкивавшихся с ними на протяжении нескольких веков с момента их возведения. Впереди предстоит сделать еще многое и по поддержанию зданий мечети и мавзолея, как они того заслуживают, и по более углубленному исследованию связанных с ними вопросов. В частности, перед историками Узбекистана встает новая задача по выяснению, что представляли собой среднеазиатские представители суфийского ордена ишкийи, действовавшие, как теперь выясняется, на территории бывшей области Кеша в течение не одного столетия, свихшие себе в горах два сосуществовавших, одно время конкурировавших прочных гнезда и явно пользовавшиеся большим влиянием на народные массы, пережитки чего едва ли окончательно исчезли.

На примере двух лянгаров Кешская археолого-топографическая экспедиция своей практикой лишней раз продемонстрировала молодым участникам целесообразность использования археологами данных этнографии и проведения бесед с населением по широкому кругу вопросов, относящихся к обследуемым памятникам старины, также эффективность принципа подлинной комплексности как при общем охвате археологическим изучением района в целом, так и при разрешении поставленных отдельных задач частного порядка.

Осуществленные нами в 1964 г. маршрутные выезды в горы, во время которых, между прочим, были посещены описанные лянгары, снова настойчиво напомнили, что изучение горных районов, в том числе и относящихся к категории так называемых «глухих», не менее важно для специалистов, занимающихся проблемами прошлого классового общества, чем для археологов, работающих по истории первобытного. В отношении горных областей, тяготевших к Кешу и Несефу, остается до сих пор неизвестным, где точно находились и что собой представляли такие горные твердыни, бравшиеся в 327 г. до н. э. войсками Александра Македонского, как «согдийская скала» Оксирта вблизи области Наутака и крепость Хориена в области Паретака. В отношении их местоположения в научной литературе имеется лишь

ряд кабинетных домыслов, высказывавшихся с XIX столетия многими видными учеными. Из прежних туркестановедов интересные попытки как-то локализовать эти две «скалы» делал в свое время упоминавшийся Б. Н. Кастальский, строивший свои соображения на данных планшетах детальных съемок Туркестанского военного округа без осмотра самих пунктов. Можно допустить, что на месте одной из упомянутых труднодоступных согдийских твердынь IV в. до н. э. позднее находилась последняя резиденция грозы арабского халифата VIII в. Муканны, опознание которой — долг советской археологии Средней Азии.

ДОПОЛНЕНИЕ

После написания данной статьи удалось получить дополнительные сведения о среднеазиатских представителях суфиев ишкийя. Большинство востоковедов, к которым пришлось обратиться по данному вопросу, отзывалось полным неведением. Библиограф-ориенталист Фундаментальной библиотеки Ташкентского государственного университета З. В. Шмидт любезно указала мне на хранящуюся в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР одну старинную восточную рукопись, в которой могли быть обнаружены необходимые сведения. Ее автор — индийский дервиш Ахмед Кашмири, труд которого под названием «Генеалогическое древо разрядов шейхов» был составлен не ранее начала XVIII в.⁵⁰ При ознакомлении с указанной рукописью, в ташкентском экземпляре которой нет ни начала, ни конца, оказалось, что в главе о самих шейхах дервишских орденов, в частности, распространенных в Индии, действительно есть специальный (шестой) раздел о шейхах ишкийя, начинающийся со стр. ۱۹۹б, обрывающийся на стр. ۲۷۱б, причем дальше отсутствуют исчезнувшие еще до переплета шесть листов, а со стр. ۲۸۱а начинается уже новый раздел о шейхах шаттарийя. Сохранившиеся одиннадцать страниц заключают схему генеалогического древа из соединенных красными линиями разной величины с золотым окаймлением кружков, в которые вписаны имена лиц, считающихся первопреемниками духовной благодати шейхов ишкийя. Явствует, что орден возводил себя от самого пророка Мухаммеда, вслед за упоминанием которого перечисляются десять хазретов: халиф Али, его сын Хусейн, имам Али Заин-ал Абиддин, его сын Мухаммед Бакир, сын последнего Джафар Садык, Абу Изид-ал Батани, Муса-ал Мааруф, сын его Умиа, Ибрагим-ал Кашион, Умай-ал Дарзиджи. На этом рукопись обрывается. На стр. ۲۷۲б добавлен припиской относящийся к одной из ветвей ордена шейх Шах Бистам с указанием даты 261 г. х. (874/75 г.), а у Абу Изид-ал Батани показан ученик хазрет Аббас, скончавшийся, по приписанной позднее дате, в 288 г. х. (900/01 г.).

Декан исторического факультета ТашГУ А. Х. Хамраев, с полной готовностью откликнувшийся на наше обращение, сообщил, что упоминания суфиев ишкийя в Средней Азии встречались ему иногда мельком в разных восточных сочинениях, но по самой их редкости он пришел к убеждению, что орден этот не имел здесь сколько-нибудь широкого распространения. Особенностью ритуала собраний этих суфиев он считает то, что приглашенные прославленные хафизы распевали там под аккомпанемент музыкальных инструментов стихи, приводившие слушателей в состояние тихого трогательного возбуждения. Девизом адептов ордена являлись «любовь и симпатия» к богу, почему при встрече они приветствовали друг друга словами «ишк улла»,

откуда, возможно, произошло и самое название „ишкийя“. В сочинении *سلسله*

العرفين в связи со смертью Ходжа Ахрара А. Х. Хамраев встречал упоминание одного из шейхов ишкийя, но имени его у него в памяти не сохранилось.

Наконец, глава Духовного управления мусульман Средней Азии главный муфтий Бабаханов, обещавший мне навести справку о среднеазиатских шейхах ишкийя по находящейся в его распоряжении богословской литературе, любезно препроводил на кафедру краткую выписку из опубликованного в Оренбурге труда Абу Абдурахмана Абдулла'ал

الْقَطْرَه مِنْ بُحَارِ الْحَقَائِقِ فِي تَرْجِمِهِ أَحْوَالِ الطَّرَائِقِ Mu'azi

„Главой этой секты является шейх Абул Хасан Ишкий, который был современником Ходжа Бахаутдина, После смерти Абул Хасана главенство в секте было передано его сыну Худакулию; от него принял его сын шейх-заде Ильяс Ишкий, который жил в Самарканде во времена Ходжа Ахрара Вали“ (ссылка на стр. 92).

Исключая некоторые неточности (Худайкули не был сыном Абдул Хасана искиянгарского, равно как шейх Ильяс являлся не сыном, а внуком Худайкули), важно еще одно указание, что предшественники Мухаммед Садыка катталянгарского в XV в. жили в Самарканде в бытность там Ходжа Ахрара. К моменту смерти последнего шейх Ильяс уже умер, но был еще жив, как установлено нами, отец Мухаммед Садыка, Абул Хасан, скончавшийся около двух лет спустя в 897 г. х., т. е. в промежутке между 4 ноября 1491 г. и 22 октября 1492 г. Таким образом, высказанное нами соображение, что Абдул Хасан первоначально был предан погребению вне Иски Лянгара и лишь позднее останки этого шейха перенесли сюда в отстроенный при Мухаммед Садыке парадный мавзолей, подкрепляется еще одним доводом в его пользу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи, «Искусство зодчих Узбекистана», т. I, Ташкент, 1962, стр. 32 и сл.

² Белявский А. Г. Описание обреченного участка, заключающего в себе пройденные пути в пределах Шаар-сабаз, Гузарского бекства и части нагорной Дербентской возвышенности, «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. VII, СПб., 1894, стр. 108—111 и 142.

³ См. Первая Туркестанская фотографическая выставка 19—26 сентября 1899 г. (Каталог), Ташкент, 1899, стр. 32, в разделе «Фотографии капитана Кастальского», под № 114. Мечеть Хаван Лянгар в Восточной Бухаре. Теперешнее местонахождение негативов и фотоотпечатков Б. Н. Кастальского по Лянгару неизвестно. Сделанные мной в 1919 г. записи с его слов о тамошних памятниках приходится считать недавно утраченными.

⁴ Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Шахриябз при Тимуре и Улутбеке, Труды Среднеазиатского государственного университета (САГУ), вып. XLIX, Ташкент, 1953, стр. 21.

⁵ Массон М. Е. История изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды САГУ, вып. LXXXI, Ташкент, 1956, стр. 19—20.

⁶ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 33.

⁷ Наиболее содержательными были показания: Аббаса Бабаханова (свыше 70 лет) в Шахриябзе; Джура-бобо (85 лет) из Катта Лянгара, проживающего в Камыши; Абдулла-кары Рахманова (около 70 лет), уроженца Шахриябза, ныне живущего в Камыши; Ахрара Туреунова, родом из Лянгара Северного; ныне учителя истории шахриябзской школы, им. Свердлова, Мели Халикова (66 лет) родом из Лянгара Северного, проживающего в Шахриябзе; Файзулла Максум Ходжаева (74 лет), проживающего в Шахриябзе; Махма Ходжаниязова (около 80 лет) уроженца и жителя Катта Лянгара; Хаит-бобо (77 лет) уроженца и жителя Катта Лянгара. Всем им экспедиция выражает свою признательность.

⁸ Ибн Хаукаль, ВГА, II, ГVV, перевод Е. К. Бетгера в Трудах САГУ, вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 20.

⁹ Бируни. Об эрах лжепророков. Избранные произведения, том I, Ташкент, 1957, стр. 217.

¹⁰ Штурм крепости Гузара (правильнее Хузар—*خزار*) войсками Шейбани-хана имел место зимой 905 г. во время похода на Карши; Мухаммед Садык, *شيبانی نامه* Посмертное издание П. М. Мэлиоранского, СПб., 1908, глава XXII, § 1.

¹¹ Белявский, *Указ. соч.*, стр. 111 и 148.

¹² В этом отношении характерно сделанное в конце прошлого столетия признание Е. Т. Смирнова, специально занимавшегося тогда вопросом распространения суфизма в Туркестане: «По недостатку данных, невозможно определенно сказать, сколько именно имеется в настоящее время дервишских орденов в Средней Азии. В областях Туркестана (т. е. Туркестанского генерал-губернаторства. — М. М.) их, кажется, три: накшбанди, кадрия и кубрави; Е. Т. Смирнов. Дервишизм в Туркестане, «Сборник материалов по мусульманству», СПб., 1899, стр. 57.

¹³ Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Указ. соч., стр. 21.

¹⁴ Между прочим, шахрисябский житель Файзулла Махсум Ходжаев, 74 лет, сообщил нам, что первоначально Шахрисяб назывался «Шахр-и кул» (*شهر قول*), но почему именно ему неизвестно. Отрицая все тюркские значения слова *قول* (рука, рукав реки, патруль, фланг армии, раб и др.), он полагает, что может быть, оно принадлежит какому-то старому местному языку (например, согдийскому). О названии «Шахр-и кул» (*شهر قول*), где «кул» означает «озеро», бывшее прежде на месте Шахрисяба, см. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Указ. соч., стр. 21.

¹⁵ Белявский А. Г. Указ. соч., стр. 108 и 142.

¹⁶ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., 32 и 33.

¹⁷ Воспроизведение ряда старых фотографий Ишрат-хана с еще не рухнувшим куполом и графическую реконструкцию первоначального вида этого памятника см. Ишрат-хана. Монографический сборник под редакцией М. Е. Массона, Ташкент, 1958.

¹⁸ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 40.

¹⁹ Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Указ. соч., стр. 63—65.

²⁰ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 33.

²¹ Дата смерти Ходжа Ахрара, как правило, в научной и справочной литературе указывается неверно, как 1489 г., начиная со специальной работы Н. И. Веселовского. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде, «Восточные заметки», СПб, 1895, стр. 15 (например: Справочная книжка Самаркандской области за 1894 г. [вып. 2], Самарканд, 1894, смесь, стр. 37; В. И. Масальский. Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 578; Краткий справочник об исторических памятниках Самарканда, Самарканд, 1937, стр. 30 и др.). Налицо также путаница с указанием месяца и дня смерти, приводимых в разных вариантах. Абу Тахир ходжа указывает седьмой месяц Раджаб (Самария). Справочная книжка Самаркандской области 1898, вып. 6, Самарканд, 1899, стр. 200; П. А. Комаров, повторяя ошибочную дату 1409 г., одновременно днем смерти называет 24-ое число четвертого месяца Раби II. (М. Айдаров и П. А. Комаров. Ходжа Ахрар Вали. Легенда, Ташкент, 1896, стр. 58). В. Л. Вяткин, не давая перевода на европейское летоисчисление ни года, ни дня, указывает, что смерть последовала вскоре после намаза хуфтан в ночь на субботу 29-го дня третьего месяца Раби I (В. Л. Вяткин. Из биографии Ходжа Ахрара, «Туркестанские ведомости», 1904, № 147, стр. 17).

В надписи на надгробии Ходжа Ахрара высечены слова, что он скончался в 895 г. х. в ночь на субботу конца того месяца, в котором умер пророк Мухаммед (в эпитафии — Ахмед). С. А. Лапин перевел «в начале месяца, в котором скончался Ахмет-посланник», (Справочная книжка Самаркандской области, вып. 4, Самарканд, 1896, отд. IV, стр. 21; Г. А. Панкратьев. Исторические памятники г. Самарканда, Самарканд, 1910, стр. 19). Как известно, Мухаммед умер в субботу 13-го дня третьего месяца Раби I 10 г. х., т. е. 8 июня 632 г. х. Так как намаз хуфтан является пятым и последним, совершаемым перед сном, то очевидно, что Ходжа Ахрар умер на грани предпоследнего (29-го) и последнего (30-го) дня месяца Раби I 865 г. х., каковой момент приходится на последние часы субботы 20 февраля 1490 г. Дата рождения Ходжа Ахрара — рамазан 806 г. х., который начался 13 марта и окончился 11 апреля 1404 г. В упомянутой работе В. Л. Вяткина ошибочно указано начало 1403 г.

²² Теоретически «путь к истине» или «тарикат» это, по учению суфиев, вторая из четырех степеней духовной жизни или духовного совершенства, а именно: «шариат, тарикат, «ма'рафат (знание истины) и «хакыкат» (состояние истины) в смысле

достижения аллаха и как бы слияния с ним). Практически же все верующие мусульмане рассматривались в обществе, исповедывавшем ислам, как состоящие из двух групп. Первую составляло подавляющее большинство — люди шарията; во вторую входили суфнии, т. е. вступившие на путь духовного совершенства в религиозном отношении. Тарикат в общепотребительном значении заключает в себе также понятие ма'рафат и хакикат. См. например, Н. Г. Маллицкий. Ишаны и суфизм, «Материалы по мусульманству», вып. 3, Ташкент, 1898, стр. 5—6; позднее эта работа была включена в «Сборник материалов по мусульманству», СПб., 1899, стр. 89.

²³ Бартольд В. В. Ислам, Петроград, 1918, стр. 62—63.

²⁴ Семенов А. А. Бухарский шейх Беха-уд-дин. Сборник, посвященный А. Н. Веселовскому, Петроград, 1904, стр. 203, где приведена точная дата погребения — 3 число Раби I 791 г. х.

²⁵ Ибн Арабшах. Tamerlan or Timur the Great Amir. Transl. by J. H. Sanders, London, 1932, p. 2.

²⁶ Обо всем этом подробнее см. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 30 и 53.

²⁷ Массон М. Е. Надписи на штурке из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и Тармизи, «Археология Средней Азии», V. Труды Ташкентского государственного университета, Ташкент, 1960, стр. 44.

²⁸ Массон М. Е. Среднеазиатские надгробные кайраки, «Эпиграфика Востока», XI, М.—Л., 1956, стр. 4 и 13; Его же, 11-ое марта 1160 года в жизни города Башана Мервской области, Известия Академии наук Туркменской ССР, серия общественных наук, 1961, № 3, стр. 31.

²⁹ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 33.

³⁰ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 32 и 33.

³¹ Смерть в пятницу вообще, а первого месяца мухаррам особенно считалась наиболее счастливой.

³² Не путать со сподвижником Абдулла-хана II вельможным эмиром и крупным богачом Кул-баба Кукельташем, упоминаемым в числе сторонников этого государя с 1557 г. и убитого в Ташкенте в 1598 г. сыном последнего Абд-ал Муминио. Имя «Кумри» — название птицы, водившейся в Персии и Индии.

³³ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 32—33.

³⁴ Правитель Бухары Бурган-султан во время осады города Абдулла-ханом был заманен в дом одного из видных сокольничьих, Мирза Ака-бия кушчи, и там убит в пятницу 7-го шаабана 964 г. х., т. е. 5 июня 1557 г., а на другой день 6 июня Абдулла-хан вступил в Бухару через Мазарские ворота и утвердился на тамошнем престоле.

³⁵ Бартольд В. В. Рецензия на Справочную книжку Самаркандской области, вып. 7, Самарканд, 1902, ЗВО, XV, вып. 1, СПб., 1903, стр. 055, примечание I.

³⁶ Мир Мухаммед Амин-и Бухара. Убайдулла-наме. Перевод А. А. Семенова, Ташкент, 1957, стр. 41—42, 44, 91 и 142.

³⁷ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. II, 1963, стр. 271.

³⁸ В памяти людей сохранились следующие имена сыновей Ваитишана: Катта ишан, Калон шейх ишкия, Кнём шейх ишкия, шейх Хусейн ишкия и шейх Хасан ишкия. Могила последнего в Кяндагаре. Из считающих себя потомками этих шейхов один старик, Талип ходжа Курбанов, проживает ныне в колхозе Карла Маркса, а второй, Мели Халиков, в самом городе Шахрисябзе.

³⁹ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, II., 1914, стр. 129.

⁴⁰ Бекчурин И. Шахрисябзское владение по рассказам Джурабека и Баба бека, «Материалы для статистики Туркестанского края», Ежегодник вып. II, СПб., 1873, стр. 87 (Перепечатка под другим названием его же статьи «Историческое обозрение Шахрисябза», помещенной в газете «Туркестанские ведомости», 1870, № 13).

⁴¹ В литературе продолжительность борьбы Насрулла хана с шахрисябзскими и kitabскими беками указывалась ошибочно то в 28, то в 16 лет. Например, см. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868, стр. 200.

⁴² См. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства..., составленный по распоряжению самаркандского губернатора Н. Я. Ростовцева комиссией в составе М. М. Вирского, В. Л. Вяткина, С. А. Лапина, В. П. Наливкина и Г. Н. Усова. «Сборник материалов по мусульманству», СПб., 1899, стр. 35.

⁴³ Цветков П. Ислам, т. IV, Асхабад, 1913, стр. 168; E. Sell. The Farth of islam, p. 116.

⁴⁴ О подобных же мнимых «пятнах крови» халифа Османа, намазанных регулярно с пропуском через каждые две страницы на так называемом Самаркандском рукописном коране II в. х. из медресе Надир-диван беги, см. Шебуини А. (Ф.). Куфический коран имп. СПб. Публичной библиотеки, «Записки восточного отделения РАО», т. VI СПб., 1892, стр. 76 и 77, где между прочим сказано: «Обман произведен так грубо, что сам себя выдает».

⁴⁵ Лукотка Ч. Развитие письма (Прага, 1946), М., 1950, стр. 128. О возникшем после победы Омейядов стремлении найти список корана, который Осман держал в руках перед смертью, и о появлении в связи с этим нескольких списков этой священной книги ислама с грубыми подделками пятен см. Бартольд В. В. Ислам, Указ. соч., стр. 43—44.

⁴⁶ Приведенный эпизод связан с практиковавшимся обычаем, от которого бывали и отступления. Просмотр поздних надмогилинок внутри кладбищенской ограды показал, что они сплошь несут признаки вырождения былого искусства местных кешских каменотесов и упадка арабской грамотности. Очень показательна грубая работы плоская вертикальная плита над могилкой некоего Гафура сына Фатхуллы с убогим орнаментом, с эпитафией, выполненной скверным почерком, и с пропуском даты смерти при наличии слова «год». Текст дан в четыре строчки со следующим беспорядочным расположением слов: «То аллах Гафур /милостливый/ год улла сына/ мулла Фатхулла».

⁴⁷ Белявский. Указ. соч., стр. 110.

⁴⁸ Кун А. А. Очерк Шагрисебзского бекста (1870). Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 209.

⁴⁹ Вообще о трудности сбора в Средней Азии опросных сведений, касающихся суфизма, в конце прошлого столетия см. Лыкошин Н. С. Роль дервишей в Мусульманской общине ташкентских туземцев. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VII. Ташкент, 1899, стр. 112; то же под названием «Ишаны и их значение у туземцев» в его книге «Полжизни в Туркестане», Петроград, 1916, стр. 115. Там между прочим говорится: «На всем суфийском движении лежит печать тайны; все прикосновенные к этому делу туземцы крайне неохотно разговаривают о сущности дервишских направлений, и получить какие-либо сведения по этому предмету представляется возможным только тогда, когда об этом пойдет речь в разговоре и нельзя отмолчаться из вежливости. Удастся также добывать сведения и от таких туземцев, которые сами чего-нибудь добиваются от русских властей и рассказами своими надеются заслужить расположение или рассчитывают на помощь в каком-нибудь деле».

⁵⁰ شجره طبقات مسايخ № 1426. Собрание восточных рукописей Академии Наук УзССР, т. III, Ташкент, 1955 стр. 361—362.

Б. В. ЛУНИН

ОРИЕНТАЛИСТ-ТУРКЕСТАНОВЕД ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ КАЛЬ

К числу более или менее забытых активных деятелей на поприще туркестановедения принадлежит питомец факультета восточных языков Петербургского университета Евгений Федорович Каль — человек яркой, плодотворной и вместе с тем трагически короткой жизни.

Имя Каля в наши дни мало известно, хотя и встречается в различных библиографических указателях литературы по Туркестану и каталогах восточных рукописей в связи с изданным Е. Ф. Калем в 1889 г. описанием персидских, арабских и тюркских рукописей Туркестанской публичной библиотеки в Ташкенте.

После смерти Каля его деятельность была отмечена в дореволюционной литературе кратким добрым словом С. Ф. Ольденбурга, который, говоря о необходимости иметь в Ташкенте должность особого «ученого-корреспондента» Академии наук, могущего стать надежным руководителем для местных деятелей и оказывать помощь при устройстве научных экспедиций, писал: «Короткое время в конце 80-х годов в Ташкенте было лицо, по деятельности своей отчасти отвечавшее указанному... требованиям, — это был столь безвременно скончавшийся молодой кандидат факультета восточных языков Евгений Федорович Каль...; следом его, увы, слишком краткой деятельности остался каталог мусульманских рукописей Ташкентской библиотеки»¹.

После революции (1920 г.) о работе Е. Ф. Каля вспоминал В. В. Бартольд². Тепло отозвался о Кале И. Ю. Крачковский в очерках по истории отечественной арабистики. «Одним из первых представителей школы Розена в Средней Азии, — писал И. Ю. Крачковский, — был Е. Ф. Каль (1861—1891 гг.), студент выпуска 1885 г., кончивший курс с золотой медалью. Административную работу в Ташкенте он умел сочетать с наукой, интересуюсь и археологией и лингвистикой местного края. Ему принадлежит частичное описание восточных, в том числе и арабских, рукописей Публичной библиотеки в Ташкенте (1889 г.) — первый по времени опыт подобной работы в провинции, очень долго не находивший продолжателей. Ранняя смерть прервала деятельность Каля в самом начале»³.

Если присовокупить к сказанному небольшой некролог Е. Ф. Каля, опубликованный тотчас по его кончине в ташкентской газете⁴ и перепечатанный с сокращением на страницах «Исторического вестника»⁵, — этим, пожалуй, и ограничится в основном круг литературных материалов, посвященных Калю. Между тем жизнь и деятельность Е. Ф. Каля несомненно заслуживают более полного освещения.

В основу настоящей статьи положены архивные, литературные и другие материалы, имеющие отношение к Е. Ф. Калю и позволяющие

более или менее полно, хотя и без претензий на исчерпывающий характер изложения, воссоздать облик Каля — ученого и человека.

Из сохранившегося в Государственном историческом архиве Ленинградской области и изученного нами дела «Императорского Петербургского университета о студенте Евгении Федоровиче Кале» (ф. 14, оп. 3, д. 21212) известно, что Е. Ф. Каль родился шестого сентября 1863 г. в Петербурге, в семье провизора Федора Ивановича Каля. По окончании курса гимназии церковного реформатского училища в Петербурге («очень усерден, прилежания добросовестного, любознательность живая ко всем предметам», — гласит аттестат зрелости Каля) Е. Ф. Каль был зачислен студентом Петербургского университета по разряду математических наук физико-математического факультета. 25 мая 1881 г. после сдачи переходного экзамена на второй курс названного факультета Каль был зачислен по его просьбе на факультет восточных языков по арабско-персидско-турецкому разряду.

Университетский курс Е. Ф. Каль окончил со званием кандидата восточной словесности и с золотой медалью. Из диплома, полученного Калем 25 июня 1885 г., явствует, что по арабскому и османскому языкам, истории турецких племен, восточной нумизматике, мусульманскому законоведению, истории Востока, истории Персии и Турции и другим предметам он «показал на испытаниях познания отличные» (лист 37).

Будучи студентом-учеником В. Р. Розена Е. Ф. Каль обратил на себя внимание своим усердием и несомненными способностями к научной работе. По выходе из университета он отбыл воинскую повинность и был направлен на службу в Туркестанский край.

В Центральном Государственном Архиве Узбекской ССР (ЦГА УзССР) имеется письмо Н. И. Веселовского, датированное 25 апреля 1886 г. и адресованное тогдашнему директору Ташкентской мужской гимназии — туркестановеду Н. П. Остроумову, следующего содержания: «Едет на службу в Ваши края *один из лучших наших студентов* (курсив наш. — Б. Л.) Евгений Федорович Каль. Едет он с благим намерением работать и учиться, поэтому я решил рекомендовать его Вам. Своими знаниями, своею опытностью Вы можете быть ему весьма полезны. Для человека, заехавшего в незнакомую страну, много значит, если он знает, к кому обратиться с доверием за советом и руководством»⁶.

Вскоре после прибытия в Ташкент Е. Ф. Каль назначается на должность младшего чиновника особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе.

Знавший Каля туркестановед Николай Александрович Маев говорил о нем, как о человеке «молодом, обладающем крепким здоровьем, прекрасно образованном, страстном охотнике, полном сил и энергии»⁷. С исключительным энтузиазмом приступает Каль к своим научным изысканиям в мало изведенном тогда Туркестанском крае. Изыскания эти носили более или менее энциклопедический характер, что было присуще едва ли не всем тогдашним туркестановедам.

Говоря об Азии словами известного востоковеда О. М. Ковалевско-го: «Сколько здесь [было] предметов для языковеда, поэта, философа, археолога, историка! Сколько тайн сокрыто в богатейшей природе!»⁸. И действительно, задачи и интересы познания во многом неведомого края были так многогранны и перед исследователями представало столько заманчивых объектов описания и изучения, что редко кто из работавших непосредственно в Туркестане имел возможность замкнуться в рамки только своей основной специальности. Так было и с филологом по образованию Калем. «Единственный в Туркестанском крае» лингвист, «поставивший себе задачей, — по словам Маева, — изучение... языка тех горных народов, которые представляют собою остатки аборигенов Средней

Азии, предшественников таджиков», Каль не мог, однако, обойти вниманием вопросы археологии, нумизматики, эпиграфики богатейшего по своему историческому прошлому Туркестанского края.

Этому, видимо, способствовало и то обстоятельство, что некоторое время Каль работал в Ташкентском музее, где уже хранились некоторые археологические, нумизматические и эпиграфические находки⁹.

По прибытии в Ташкент и установлении знакомства с местными туркестановедами Каль вступил в переписку с В. Р. Розеном (Петербург). Сохранившиеся (видимо не полностью) письма Каля на имя Розена свидетельствуют, что Каль касался не только научных вопросов, но и вопросов своей личной жизни в Туркестане. То обстоятельство, что, работая в Туркестане, Каль делился своими впечатлениями и настроениями именно с Розеном и у него просил советов и помощи, не случайно. Во-первых, Розен, как сказано, был непосредственным учителем Каля, а, во-вторых, в лице Розена перед Калем, как и перед другими работавшими на периферии востоковедами, предстал ученый «с живым сочувствием, следивший за работами провинциальных востоковедов»¹⁰ и являвшийся «тем центром, к которому тянулся всякий, кто пытался организовать научную востоковедческую работу на далекой периферии»¹¹. А сам доверительный тон писем Каля к Розену лишний раз подтверждает слова другого питомца Розена — А. Э. Шмидта о том, что Розен был для своих учеников не только авторитетным руководителем, но и «близким им человеком, с удивительным тактом и чуткостью, вникавшим и в материальную и даже в более интимные стороны их личной жизни»¹².

Кстати заметить, то, что сообщал Розену Каль о своей службе, о своем житье-бытье, рисует нам крайне привлекательный облик свободногомыслящего молодого человека, считавшего занятия наукой выше всего, тяготившегося своими чиновническими функциями и весьма отрицательно относившегося к традициям тесного и замкнутого мирка местных службистов. Так, 16 февраля 1887 г. Каль пишет Розену: «Жизнью в Туркестанском крае я очень доволен, службой же не совсем, так как, став чиновником, я начинаю и рассуждать по-чиновничьи... приходится бывать на обедах, вечерах, спектаклях — отказываться от чего неудобно, но это, между прочим, очень неинтересно и в иных случаях просто противно, в особенности, когда видишь, как большинство заискивает и старается произвести невыгоднейшее для себя впечатление»¹³.

Очень поучительны также следующие строки из частного письма Каля Розену, рисующие Каля еще и как человека, относившегося к коренному местному населению с чувством уважения и симпатии: «Вообще, насколько я мог заметить, здесь (в Туркестане. — Б. Л.) с очень немногим исключением, царствует полное равнодушие касательно изучения края в отношениях историческом и лингвистическом, и очень мало кто в состоянии дать какие-либо важные указания по этим предметам, наконец, *просто возмутительно* (курсив наш. — Б. Л.), с каким пренебрежением большинство здешнего русского общества относится к туземцам и ко всему, что касается их жизни, быта, истории, языка и т. п., не говоря уже об административном начальстве туземцев, т. е. уездных начальниках, их помощниках и других лиц[ах], которые по обязанности имеют постоянные сношения с населением»¹⁴.

Забегая вперед, и в связи с цитированными строками из письма Каля заметим, что его теплые чувства к местному населению очень хорошо иллюстрируются, например, и фактом личной дружбы Каля с сопровождавшим его в поездках по краю джигитом Каскабаем. Из письма брата Е. Ф. Каля — В. Ф. Каля, — написанного из Ташкента 8 января 1891 г. на имя В. Р. Розена после смерти Евгения Федоровича мы узнаем, в частности, что этот «Каска-бай простой необразованный киргиз

(казах.— *Б. Л.*), но был он верным другом и спутником Жени, и под его наблюдением производились все раскопки, и он до мельчайших подробностей помнит местонахождение каждой монеты, гвоздя и т. д.»¹⁵.

Е. Ф. Каль интересовался и местными собирателями древностей из среды коренного населения Туркестана, внимательно знакомился с их собраниями. Осмотрев в Ташкенте богатейшую коллекцию древностей Акрама Палвана Аскарова¹⁶, Каль отметил, что «из находок, сделанных в районе долины Таласа, [ему] известны несколько медных сосудов, седельный набор из серебра и около 400 медных и серебряных илекских монет, находящихся у сарта Акрама Палвана Аскарова»¹⁷.

Отметим также, что незадолго до смерти Каль с высокой похвалой отзывался о сопровождавшем его бухарском чиновнике (караул-беги) Мукиме Ходже. Отмечая его заслуги в оказании содействия ему, Калю, а также Бушену, Галкину и др. во время их нахождения в пределах Бухарского ханства, Каль просил представить Мукиму Ходжу к правительственной награде, что впоследствии было исполнено¹⁸.

Что касается деловой переписки Каля с Розеном, то, судя по письмам Каля (ответные письма Розена нам, к сожалению, неизвестны и очевидно не сохранились), она сопровождалась еще и тем, что Каль снабжал Розена местными туркестановедческими изданиями, а Розен охотно высылал из Петербурга своему питомцу интересовавшие его научные труды. Особого внимания заслуживают, в частности, отзывы Каля о работах местных деятелей.

Пересылая Розену «Русско-сартовский словарь» и «Историю Кокандского ханства» В. П. Наливкина¹⁹, Каль писал, что «словарь этот имеет большие недостатки, но он был написан с тем, чтобы вообще имелось бы что-нибудь в этом роде и без сомнения принес многим большую пользу. Он был написан 4 года тому назад и с тех пор автор, продолжая постоянно заниматься, собрал очень много материалов для его пополнения и исправления»²⁰. В письме 1 ноября 1886 г. Каль благодарит Розена «за любезную присылку второго выпуска Зап. Вост. Отд., которая мне тем более приятна, что всякое увеличение своей собственной, хотя пока и не очень многочисленной библиотеки, при бедности здешней (ташкентской.— *Б. Л.*) Публичной библиотеки по части восточных наук, имеет другую и большую ценность, чем в Петербурге или где-либо, где имеются богатые библиотеки...»²¹.

Говоря о своих научных занятиях и интересах, Каль писал Розену, что по приезде в Туркестан ему «пришлось, конечно, обратить главное внимание на изучение языка», и он воспользовался возможностью, «чтобы попутешествовать и пожить среди туземного населения, сделал около 3000 верст верхом..., побывал в окрестностях Ташкента в радиусе около 150 верст, [ездил] на сев.-восток от Ташкента, в горы и объехал долины рек Чаткала и Пскема..., посетил киргизские аулы и кишлаки горных таджиков... Эти поездки, понятно, принесли мне... несомненную пользу, так как заставили ухо привыкнуть к туземному произношению и обогатили память целую массой слов и выражений, которые теперь, при более серьезном изучении языка, приносят мне большую пользу»²².

Во время своих поездок Е. Ф. Каль скупал восточные рукописи. «По словам некоторых туземцев, в крае имеется очень много рукописей и отсутствие в здешней библиотеке каких-либо справочных книг по части восточной библиографии (имеются только Каталог СПб. Публ. Библ. Дорна, Das Asiat. Museum Dorn'a и Zenner'a 1-ая, часть его Bibliotheca orientalis) крайне ощутительно»²³.

Каль отмечал также, что в условиях Туркестана, где «постоянно приходится видеть монеты различных восточных династий... нельзя не интересоваться [и] восточной нумизматикой». Он был рад обнаружить

в Ташкенте «под толстейшим слоем пыли» нумизматические работы Френа, Дорна, Тизенгаузена, Савельева и др.²⁴

В 1887 г. Калю было поручено составить описи этнографического и археологического отделов Ташкентского музея²⁵, каталог книг на иностранных языках Туркестанской публичной библиотеки, ему же было поручено заведывание этнографическим и археологическим отделами музея. «Составление каталога,— писал Каль,— работа довольно интересная, т. к. географический и исторический отделы довольно богаты». Что же касается заведывания отделами, то Каль сетовал на равнодушные власти к приобретению вещей для пополнения музея («библиотека и музей с 1 января 1887 года перешли в ведение правителя канцелярии ген. губернатора, которая [считает], что лучше заботиться лишь о сохранности этих отделов (!) и не приобретать новых предметов путем покупки»²⁶).

На заседании Восточного отделения Русского археологического общества 20 мая 1885 г. было высказано пожелание «иметь, если не полный каталог всего, что имеется в Ташкентском археологическом музее, то, по крайней мере, хоть некоторые сведения о главнейших и замечательных находках, хранящихся в означенном музее. Решено снести с кем-либо из местных лиц интеллигенции по этому вопросу»²⁷.

Видимо, отзвуком на это решение явилось зачтенное в заседании 5 марта 1887 г. «письмо от Е. Ф. Каля, заведующего музеем в Ташкенте». Он сообщает сведения о нумизматической коллекции музея и транскрипцию одной арабской надписи на камне»²⁸.

Заметим попутно, что дошедшие до нас данные свидетельствуют, что Каль весьма ревностно относился к нуждам Ташкентского музея и сохранности находящихся в нем экспонатов. Так, 19 марта 1889 г. Каль подал на имя управляющего канцелярией генерал-губернатора рапорт следующего содержания: «В кратковременное заведывание музеем я пришел к убеждению, что вследствие отсутствия витрин и темных штор на окнах многие предметы музея преждевременно портятся от пыли и от яркого света...»,— и ходатайствовал об отпуске необходимых для устранения этого недостатка средств²⁹. Каль заботился также о том, чтобы хранящиеся в музее предметы древности направлялись специалистам на осмотр и определение, а дублетные экземпляры, не включенные в экспозицию, направлялись для пополнения собраний других музеев. Например, 12 июня 1889 г. канцелярия генерал-губернатора разрешила музею выдать «титularному советнику Калю 68 древних монет для направления их в Археологическую комиссию» В. Г. Тизенгаузену³⁰. В декабре 1889 г. Е. Ф. Каль отобрал из нумизматических собраний Ташкентского музея дубликаты 16 серебряных и 105 медных монет (индоскифских, бухар-худатов, саманидов, илеков, газневидов, шейбанидов и др.) для направления их с согласия главного начальника края в дар вновь основанному в Самаре Публичному музею³¹.

В июле — августе 1887 г. Е. Ф. Каль совершил поездку по делам службы на Ягноб — один из притоков Зарафшана, в верховьях которого обитало галчинское племя ягнобцев. Здесь Каль проявил себя как филолог-востоковед, заинтересовавшись фонетикой языка ягнобцев, и сделал в этой области весьма ценные записи и наблюдения, о которых не замедлил уведомить К. Г. Залемана.

Выдающийся знаток среднеазиатских языков и признанный мировой авторитет в этой области Карл Германович Залеман сразу оценил научное значение осуществленной Калем работы³². Подобно тому, как это было сделано им в отношении списка шугнанских слов, с составленного на Памире Д. Л. Ивановым («Шугнанский словарь Д. Л. Иванова»), Залеман параллельно оригинальным записям собирателей, не всегда сво-

бодным от ошибок, давал собственное чтение, основываясь на историко-компаративных данных, и очень дорожил каждым новым наблюдением по языку ягнобцев.

Об итогах работы Е. Ф. Каля по изучению ягнобского языка мы узнаем из последующего сообщения К. Г. Залемана, из которого явствует, что, зная об интересе Залемана к изучению ягнобских племен и их языка³³, Каль предложил ему свое содействие в собирании дополнительных сведений. «Несмотря на то,— пишет Залеман,— что Евгению Федоровичу осталось... неизвестным сделанное его предшественниками, он успел разъяснить на месте несколько темных вопросов ягнобской фонетики, составить довольно богатый глоссарий и собрать некоторые топографические и статистические сведения, служащие отчасти к дополнению и исправлению, отчасти к подтверждению известных прежних источников»³⁴.

По словам Залемана, «...записку свою автор успел окончить лишь по возвращении в прошлом марте из Бухары, где он некоторое время заведывал делами политического агентства, и я ее получил здесь при письме из Ташкента от 12-го мая. Так как сведения, собранные Е. Ф. Калем, целиком войдут в мои «Ягнобские этюды», то я не стану здесь распространяться о всем новом и интересном, содержащемся в них: но я считаю долгом, в знак благодарности за его просвещенное содействие, сообщить немедленно читателям «Записок» отрадную весть о новом обогащении научного материала по части исследования галчей. Только при живом участии местных ученых и деятелей, мы, живущие в столь отдаленном от Востока центре научной деятельности, можем надеяться выполнить высокие задачи русской ориенталистики»³⁵.

По наведенным нами справкам, рукопись Е. Ф. Каля «Ягнобский словарь», Ташкент, 1887—1888, а также рукописи А. Л. Куна «Сведения о ягнобском народе» и «Материалы для использования ягнобского языка» (вводная статья, запись фраз, «Повести ягноубские» с переводом на таджикский и русский языки, словарь) хранятся ныне в научной библиотеке им. М. Горького при Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова (письмо из библиотеки от 11 марта 1963 г.).

Для того чтобы наиболее полно оценить заслугу Е. Ф. Каля в отношении изучения ягнобского языка, не лишне напомнить, что собрание материалов об одном из живых иранских языков Средней Азии — языке ягнобцев приобрело в то время исключительное научное значение, ибо помогало решению одной из важных проблем сравнительно-исторического иранского языкознания. Известно, что догадка немецкого ираниста Андреаса о близком родстве языка ягнобцев с мертвым языком восточно-иранской группы, а именно согдийским, послужило для К. Г. Залемана поводом к научному обоснованию догадки Андреаса согдийско-ягнобскими параллелями³⁶. Выяснилось, что ягнобский язык — потомок одного из согдийских диалектов. Здесь-то и были как нельзя к месту данные, собранные Калем и предоставленные им Залеману³⁷. Не забудем также, что в те времена согдийский язык впервые (не считая данных о нем по нумизматическим находкам) начинал становиться известным мировой науке³⁸ благодаря трудам П. И. Лерха и др.

Добавим, что «Ягнобские этюды» К. Г. Залемана остались неизданными, хотя и были подготовлены к печати; однако корректурой их пользовались исследователи, частично опубликовавшие некоторые материалы «Этюд»³⁹, в том числе составленный Залеманом «Словарь ягнобско-таджикско-русско-немецкий», разрабатывавшиеся с учетом данных Е. Ф. Каля и др.⁴⁰.

Е. Ф. Каль проявил себя и как неутомимый собиратель древностей, в короткое время скопивший ценные коллекции. В 1888 г. Е. Ф. Каль пожертвовал для нумизматической коллекции Русского археологического

общества более 370 монет, приобретенных им в Туркестанском крае, за что ему была объявлена благодарность⁴¹.

Краткий обзор этих монет сделан на заседании 20 декабря 1888 г. В. Г. Тизенгаузен⁴², сообщившим, что коллекция Каля состояла из двух золотых, 191 серебряной и 186 медных монет 52 экземпляра не подавались определению. Остальные 327 монет оказались: бактрийскими (1), сасанидскими (3), индо-скифскими (26), бухар-худатскими (7), омейядскими (1), аббасидскими (4), тахиридскими (1), саманидскими (80), илекскими (26), хорезмшахскими (7), бувейхидскими (1), чингизидскими (5), джучидскими (3), тимуридскими (37), шейбанидскими (85), персидскими (10), баберидскими (1), дехлийскими (1), кокандскими (3), хивинскими (1), бухарскими (1), афганскими (4), кашгарскими (6), японскими (1), римскими (1) и др.

В числе этих монет находилось «несколько редких и неизданных доселе монет, как например, сасанидская серебряная монета Фируза с 4-мя позднейшими надчеканками... аббасидский фельс 143 г. хиджры, чеканенный в Самарканде; тахиридский фельс 207 года, битый в Мерве; саманидский фельс, чеканенный в Бухаре, кажется в 388 году; илекский дирхем, битый в 407 году в г. Осурушане (имя этого города является на монете, сколько мне известно, впервые), хорезмшахский фельс с именем Али, сына Мамуна; шейбанидские серебряные монеты Абусаида (чеканенные в Бухаре и Самарканде), Кукчунджи-хана (битая в Мешхеде), Сейид-Бурхан-Бехадыр-хана (чеканенная в Бухаре) и Ахмед-Тимура (чеканенная в Ташкенте)»⁴³.

Известно также, что Е. Ф. Каль принес в дар библиотеке Восточного отделения Русского археологического общества пять восточных рукописей, собранных им в Бухаре и Ташкенте⁴⁴.

К 1889 г. относится завершение одного из основных туркестановедческих начинаний Е. Ф. Каля — издание составленного им научного описания восточных рукописей Ташкентской публичной библиотеки⁴⁵.

Чтобы оценить по достоинству эту работу Е. Ф. Каля, своего рода *magnum opus* в его трудах, не лишне напомнить, что выполнялась она по его личной инициативе. К тому же это была первая в России попытка научного описания восточных рукописей, хранившихся на далекой окраине страны⁴⁶. Е. Ф. Каль вполне успешно справился с этой нелегкой задачей.

Работа Е. Ф. Каля над каталогом проходила частично в Ташкенте, частично в Петербурге. В своей докладной записке на имя генерал-губернатора Н. О. Розенбаха Е. Ф. Каль писал 20 сентября 1888 г.: «Не успев окончить до настоящего времени каталога рукописей Ташкентской публичной библиотеки, частью за недостатком времени, частью за неимением в Библиотеке (Туркестанской публичной библиотеке.— *Б. Л.*) капитальнейших пособий по части восточной библиографии... прошу... разрешить мне взять по мою ответственность оставшиеся неразобранными рукописи в Петербург, где, работая в Университетской библиотеке, буду иметь возможность успешно окончить означенный каталог и держать корректуру при печатании его. Всех рукописей тридцать девять»⁴⁷. Отправка была разрешена, и Е. Ф. Каль получил просимые рукописи.

Все вошедшие в каталог описанные Калем рукописи распределялись по отделам: история (№ 1—47), география и космография (№ 48—50), биографии поэтов (№ 51), ииша (№ 52), этика и политика (№ 53—55), религиозно-юридические сочинения (№ 56—60), суфизм (№ 61—65), поэзия (№ 66—68), смесь (№ 69), арабские рукописи (№ 70—76), тюркские рукописи (№ 77—87). Арабских рукописей было — 7, тюркских — 11, персидских — 69 (фактически описано 68.— *Б. Л.*).

В приложении к книге был дан список сочинений (I. Сочинения на персидском языке; II. Сочинения на арабском языке; III. Сочинения на тюркском языке) и список авторов в арабской транскрипции (номера по книге, имена авторов). Звездочкой Е. Ф. Каль отмечал включенные в книгу сочинения, не входившие в состав коллекции рукописей Туркестанской публичной библиотеки.

Под порядковым номером каждой из описанных рукописей Каль указывал ее формат и объем (листы, страницы), затем сообщал краткие сведения о содержании данного сочинения, иногда с перечнем глав (время и характер описываемых событий и т. д.), о его авторе, времени написания (дата рукописи), чьей рукой, когда и где (если известно) писан данный экземпляр рукописи (копия или подлинник), почерк и его особенности («неста'лик», «та'лик», «шикесте», «несх» и др.). Нередко Каль отмечал также качество и характер бумаги, обращал внимание на наличие различных пометок в рукописях, оценивал научное значение рукописей.

Во многих случаях Е. Ф. Каль отсылает читателя к отечественным и заграничным изданиям той или иной рукописи в других редакциях и списках и к публикациям различных авторов, посвященным этой рукописи или извлечениям из нее.

О научной эрудиции Е. Ф. Каля свидетельствует, в частности, довольно обширный круг авторитетных специальных изданий, фигурирующих в его указателе. Это: В. Dorn. «Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothéque Imperial publique de St.-Petersburg», 1852; V. Rosen. «Collections scientifiques de l'institut des langues orientalis du Ministère des affaires étrangères. Les Manuscrits Persans (St.-Petersburg, 1886); G. Flügel «Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften des Kaiserlich — Königlichen Hofbibliothek zu Wien» (Wien, 1865—1867); «Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum», by Ch. Rieu, vol. 1—3 (London, 1879—1883), и «Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum, (London, 1888); Chrestomatie persane, publiée par Ch. Schefers (Paris, 1883); соответствующие выпуски «Mélange Asiatiques tirs du Bulletin de la class historico-philologique de L'Académie Imperial des sciences de St.-Petersburg»; «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft» (Berlin); Отчеты Императорской публичной библиотеки, работы Elliot-Dowson, History of India и др., ряд переводов восточных рукописей на европейские языки (А. Т. Hastman, L. Dasby, A. Dow, H. I. Keene, L. Scott, М. Никитский, О. Сенковский и др.).

Выход в свет работы Е. Ф. Каля был положительно отмечен местной (туркестанской) печатью. По словам Н. А. Маева, труд Каля «кропотливый, усидчивый и очень полезный, если принять в соображение, что без него коллекция рукописей нашей библиотеки не имела бы никакого значения. Разобранная же и описанная г. Калем библиотека наша входит как определенная, известная часть в общую сокровищницу мусульманской литературы»⁴⁸.

Наиболее же компетентного рецензента работа Е. Ф. Каля нашла в лице В. Р. Розена⁴⁹.

Свою рецензию В. Р. Розен начал с общей оценки собрания восточных рукописей Туркестанской публичной библиотеки. По его словам, «...арабский отдел... содержит только самые обыденные трактаты по фикху, догматике, логике и грамматике в совсем новых, плохих копиях. Несколько богаче тюркский отдел. В нем есть по крайней мере два весьма, по-видимому, редких и ценных сочинения, которые оба заслуживают и дальнейшего исследования. Одно из них (№ 80, стр. 52—54) — История хивинских туркмен известного Абу-л-Гази-Хана, состав-

ленная им в 1071 г. в современном автору списке⁵⁰, другое — капитальное для новейшей истории среднеазиатских ханств сочинение... Хаджи Мухаммеда Хаким-Хан-Тюры, послужившее одним из главнейших источников В. П. Наливкину при изложении истории Кокана⁵¹. Оно описывается Е. Ф. Калем подробно на стр. 60—65⁵².

Всего лучше представлена в коллекции Туркестанской публичной библиотеки литература персидская... Преобладают сочинения исторические и между ними есть некоторые редкие и ценные не только для новейшей истории, но и для средневековой. Внимания заслуживают, напр. № 4 — персидский перевод биографии пророка Ибн-Исхака, сделанный по приказанию Атабека Сад-Ибн-Зенги около 612 (1215/6) г., список несомненно старый; № 5 — хороший, довольно старый список жизнеописаний святых Аттара; № 6 — таковой же список Вассафа; № 9, а-Тарих-и-Бейхак, №№ 12, 13 и 17 — хорошие, по-видимому, списки Зефер-намэ Шерифеддина; 146 — история Тимура (до 801), составленная современником его, некоторым Али б. Джелал-ал-Исламом; № 22 — Нигаристан; № 25 — Тарих-и-Абу-л-Хейр-Хани; № 28 и 30 два списка Абдуллах-Намэ; № 42 — история Бухары и Мавераннагра..., № 46 — история Мавераннагра с 1134—1170 некоторого Мухаммеда Вефан Керминеги и некоторые другие. Само собой разумеется, что в коллекции есть и персидский Табари, Нершахи, Тарих-и-Рахим и Тезкире-и-Мукимхани. Из других отделов следует отметить как настоящий перл всего собрания полный и, по-видимому, хороший список важного суфийского сочинения ал-Джулабая (№ 61, стр. 40).

Что касается самой работы Е. Ф. Каля, то В. Р. Розен отмечал, что «описание рукописей составлено автором вообще говоря вполне научно и целесообразно. Он совершенно правильно оценивает значение отдельных сочинений, посвящая мало важным или общезвестным лишь несколько строк и уделяя малоизвестным целые страницы. В частности, встречаются некоторые недоразумения, которых автор сумеет... избежать в будущих своих трудах, на которые мы возлагаем немалые надежды. (Курсив наш. — Б. Л.). Недоразумения эти происходят главным образом от не совсем еще достаточного знакомства с мусульманскими литературами, но именно настоящий труд служит ручательством того, что автор серьезно старается о приобретении этого знакомства путем изучения как попадающих ему в руки рукописей, так и каталогов больших европейских коллекций. От всей души приветствуем нового сотрудника по исследованию мусульманской литературы, желаем ему всякого успеха...»⁵³.

Интересуясь древностями края и стремясь принять посильное участие в их обследовании и изучении, Е. Ф. Каль устанавливает связи с Императорской археологической комиссией в Петербурге.

В соответствии с согласием на то генерал-губернатора Археологическая комиссия снабдила Е. Ф. Каль своей инструкцией и Открытым листом для производства на территории края тех «археологических исследований, которые он признает нужным предпринять со своей стороны»⁵⁴.

Комиссия поручила Е. Ф. Калю «...во время его служебных разъездов по краю... собирать сведения как о местных памятниках древности, так и о случайных археологических находках, содействовать по возможности охранению первых и направлению последних в Археологическую комиссию,.... противодействовать самовольным раскопкам и кладонскательствам..., в случае надобности производить раскопки под личным наблюдением»⁵⁵.

В дальнейшей переписке ИАК именует Е. Ф. Каль «своим сотрудником».

В 1889 г. из-за отсутствия средств Е. Ф. Каль поначалу ограничился «осмотром и снятием 24 курганов, находящихся в Майдантальской волости Ташкентского уезда, и собиранием сведений о некоторых монетных кладах, найденных в последнее время в Туркестанском округе»⁵⁶.

Однако хищнические раскопки местными жителями курганов в разных пунктах Аулиеатинского уезда (ныне Джамбульская область.— *Б. Л.*) и обнаружение таких предметов древности, как бронзовое зеркало, серебряный сосуд и золотой «прибор» от пояса⁵⁷ побудили ИАК командировать в том же 1889 г. для археологических разведок в уезде «своего местного сотрудника» в лице Е. Ф. Калья.

Е. Ф. Каль вел разведки на Малом Буруле, дав описание этой местности и сведения о находящихся здесь курганах, могилах с каменными бабами и др. На юго-восточном крае Бурула и в других пунктах Каль обнаружил квадратные башни из больших необтесанных камней с остатками «сложенных точно также оград круглой формы».

Отметив кратко памятники Аулиеата и окрестностей и упомянув об Ахыр-Таше, Каль указал на присутствие в 25 верстах от Аулие-ата, вниз по р. Таласу, городища квадратной формы с остатками стен из жженого кирпича под названием Туюмакент, а еще в 4 верстах «следов такой же крепости, но меньших размеров». Каль дал также сведения о расположении курганов в местности Джиты-типа (тепа, тепе) и др.⁵⁸

В делах ИАК хранится тетрадь Е. Ф. Калья в сером холщевом переплете с его путевыми записями. Среди них мы встречаем описание ряда памятников древности, причем в некоторых случаях Каль делал беглые планы их. Так, 9 сентября 1889 г. описаны тепе («курганы»): «Джалпактепе, Карагач-тепе, Байлар-тепе; 10 сентября: Ходжакурган, Аксата, Байтепе; 11 сентября: Джай-тепе, Джуманак-тепе, Усектай-тепе, Тесиктепе, Дурмен-тепе, Аймаклай-тепе, Лисабет-тепе, Чонгар-тепе, Карсактепе, Кярленди-тепе; 13 сентября: Овейсата, Усбитай-тепе, Чиль-Кискет, Тиляу-бухон; 15 сентября: Зангар-тепе, Баба-Руменай-тепе, Аир-Чукантепе, Арзыкул-тепе, Турткуль-тепе, Маруф-Ата тепе, Камалган-тепе, Кук-типе, Май-тепе»⁵⁹.

В дальнейшем Калю отпускались средства на производство археологических розысканий (150 руб., 400 руб. и т. д.). По просьбе ИАК Каль был командирован в августе 1890 г. в Аулиеатинский уезд для археологических разведок на Малом Буруле и в Куюкских горах⁶⁰. В конце того же года Е. Ф. Каль сам испросил Открытый лист и средства для участия в поездке подполковника Трусова на Амударью (от Керки и дальше) и на русско-афганскую границу. Как отмечалось Калем, «помянутые местности представляют громадный интерес в археологическом отношении, вследствие их принадлежности к древней Бактриане и близости их к Балху»⁶¹.

Во время пребывания Е. Ф. Калья в Аулиеатинском уезде его отзывали в Самарканд для встречи и сопровождения председательницы Московского археологического общества П. С. Уваровой в ее поездке по Туркестану, что нашло отражение в ее путевых очерках. «Неразлучным нашим спутником, помощником и учителем по Ташкенту и краю,— пишет П. С. Уварова,— был чиновник особых поручений... Е. Ф. Каль, молодой, образованный человек, знакомый с восточными языками и хорошо изучивший край»⁶².

Заметим, что употребленный Уваровой по адресу Калья термин «учитель» свидетельствует, что за короткое время пребывания в Туркестане Каль не терял времени зря, основательно ознакомился с его историческим прошлым и памятниками древности и заслуженно пользовался репутацией человека, «хорошо изучившего край».

Возвращаясь к археологическим изысканиям Е. Ф. Калья в Аулие-

атинском уезде, укажем, что отмеченная выше тетрадь с собственноручными путевыми записями Каля, начиная с листа 131, содержит записи об его археологических изысканиях в Аулиеатинском уезде. Записи открываются 11 августа 1890 г. Они сопровождаются зарисовками, сделанными на местности и в процессе раскопок, и сведениями о некоторых памятниках древности.

Начиная с листа 139 (с пометкой на 138 листе «27 сент. 1890 г.») идут путевые записи Каля — «Амударья, Керки» с подробным перечнем «курганов» (тепе). Имеется раздел «Из Керки в Патта-Киссар» (лл. 140 об — 148, 18—26 октября 1890 г.).

Далее следуют сделанные Калем зарисовки предметов: сосуды и фрагменты их, сфероконические сосуды, водопроводная труба, общий вид памятников архитектуры, планы с указанием мест нахождения памятников древности. Среди зарисовок: «Разрушенная мечеть Минар с аркою Чар Сутун и Шариат к сев.-з. западу в 1/2 верстах от кр. Термеза», развалины ансамбля Султан-Саадат (воспроизведен текст надписей; «весь портал был покрыт надписями, которые большей частью обвалились и сохранились лишь на нескольких местах. Надпись лишь в 3-х местах»). Дан также чертеж Султан-Саадата. Зарисовки и текст к ним датируются 28—31 октября 1890 г.

На л. 154 об. — сведения о древних памятниках Ширабада и окрестностей.

29—30 октября 1890 г. Каль записал в Ширабаде «со слов узбека рода Араб (коч. около Карши) Нар с. Ата Рахмакула» текст «Про Али-Ходжа-Хаким» (лл. 157 об.— 168).

Отчеты о работах в Аулиеатинском уезде и в районе Амударьи Каль своевременно не представил («болел, был сильно занят в разъездах» — телеграфировал он Археологической комиссии в Петербург). В письме В. Г. Тизенгаузену из Ташкента 14 декабря 1890 г. он сообщал следующие сведения о своих работах в районе Амударьи: «Обследованы и описаны мною 1) окрестности Керки; 2) левый берег Аму-Дарьи вверх от Керки до афганской границы у Босага и очень небольшая часть афганской территории с древней крепостью Див-кала; 3) правый берег Аму-Дарьи вверх от Керки до впадения в Дарью реки Сурхан; 4) подробно осмотрены развалины Термеза и сделано там несколько раскопок... 5) осмотрен треугольник между Чушк-Гузаром, Патта-Киссаром и Ширабадом, носящий явные следы древней культуры и очевидно находившийся в зависимости от Термеза... В настоящее время самые интересные из древностей, находящиеся на поверхности земли в Термезе — это могила Абу-Абдуллы Мухаммеда б. Али-Хаким Термизи, относящаяся к 255 г. х. (868—869 гг.). Над нею воздвигнут могильный памятник из белого мрамора 3 м 72 см × 1 м 57 см и вышиною 2 м 15 см, покрытый арабскими надписями, частью списанными мною, частью снятыми, и арабесками. Весь памятник отлично сохранился и почитается и в настоящее время мусульманами»⁶³.

М. Е. Массон, специально интересовавшийся итогами археологических работ Е. Ф. Каля в районе Термеза, пишет, что маршрут Каля в 1890 г. пролегал «...сперва по левому берегу реки от Керки до крепости Див-кала на афганской территории, а затем по правому — от Керки до устья Сурхана. Е. Ф. Калем подробно осмотрены развалины Термеза и, по его словам, «сделано там несколько раскопок, давших очень немного интересного». Попутно он произвел обмеры надгробия сооружения Хакими Термези, прочитал указанную дату смерти святого [255 г. х.] и частью списал, частью снял прочие надписи. Кроме скромного материала по тамошнему археологическому инвентарю, ему удалось приобрести около полусотни большей частью плохой сохранности медных монет

греко-бактрийского, индо-скифского и арабско-иранского чекана. Характерно, что на руках населения тогда не было обнаружено ни монет, ни древностей. Сам Е. Ф. Каль писал, что эта поездка, равно как и его раскопки в Аулиеатинском уезде, «не могут считаться удачными ни по археологической добыче, ни по выводам, которые можно сделать по тем сведениям, которые удалось собрать». Это он объяснял недостаточностью денежных ассигнований и кратковременностью срока работ. Результаты этих исследований Е. Ф. Калья не публиковались и являются пока достоянием архивов. Добыты же им немногочисленные предметы поступили в свое время в Государственный Эрмитаж⁶⁴.

По наведенным нами справкам, поступившая в Эрмитаж через Археологическую комиссию коллекция Е. Ф. Калья состоит из фрагментов поливной и неполвной керамики, датируемой IX—XIII вв. (сбор 1890 г.— Термез — 55 номеров; сбор 1890 г.— Аулиеатинский уезд — 3 номера; сбор 1891 г.— Туркестанский край — 124 номера; письмо дирекции Эрмитажа № 1736 от 18 декабря 1962 г.). В составе хранящейся в Эрмитаже и собранной Е. Ф. Калем коллекции имеются также образцы древних изделий из стекла⁶⁵.

Летом следующего 1891 г. Е. Ф. Каль отправился в новую поездку, маршрут которой проходил по бухарскому берегу Амударьи, совмещая с нею научные наблюдения в отдаленных бекствах Бухарского ханства. Этой поездке суждено было стать последней и вообще роковой для него. В дороге он заболел жестокой формой малярии (так называемой «амударьинской лихорадкой»), разновидности которой в Туркестане были тогда недостаточно известны и не всегда радикально излечивались.

В тяжелом состоянии («едва живой») Евгений Федорович был доставлен в глухое русское укрепление Керки, где он и скончался «от паралича сердца» менее чем в тридцатилетнем возрасте, в расцвете своих сил и дарований.

Известие о кончине Калья было получено в Ташкенте 16 сентября 1891 г. По желанию родных тело Е. Ф. Калья должно было быть доставлено в Ташкент⁶⁶. Так неожиданно оборвалась жизнь столь много обещавшего науке талантливого востоковеда.

24 сентября 1891 г. Археологическая комиссия, «узнав из газет о смерти Калья», просила канцелярию туркестанского генерал-губернатора принять меры к охране имущества покойного и розыску «документов, по которым можно было бы привести в известность результат его научных исследований»⁶⁷. Канцелярия уведомила Комиссию, что ее письмо передано мировому судье второго участка г. Ташкента, «так как у этого судьи находится на производстве дело об охране имущества коллежского ассессора Калья»⁶⁸.

Прибывший в Ташкент родной брат покойного Виктор Федорович Каль нашел в его бумагах отчет об израсходовании отпущенных ИАК средств, обнаружил ряд предметов древности и просил снять арест с имущества Калья, что и было сделано в январе 1892 г.⁶⁹.

Сохранившийся черновик отчета Калья о поездке в Аулиеатинский уезд содержится ныне в архиве ИАК. Он носит следы редакционной правки и сокращений перед сдачей в печать.

К отчету приложена следующая опись вещей, найденных Калем в 1890 г., и написанная рукой его брата:

1—2. Два черепа из крепости в Термезе. Два черепа, найденные в Керки в кургане. 3—4. Лошадиные кости, найденные в Термезе вместе с № 1. 5. Кусочки человеческого черепа, найденные в Керки вместе с № 2. 6. Сломанная чаша, найденная в Термезе. В этой чаше лежала каменная серезочка, ножка бронзовая, бронзовый обломок, ручка бронзо-

вая (?) и три монеты. 7. Две монеты, найденные в Термезе. 8. Восемь бус различного цвета, найденные в Термезе. 9. Три стеклянных горлышка. Пять обломков стекла различного цвета, шесть обломков пузырька, две ручки, дно стаканчика — [найденные] в Термезе. 10. Железный ножик со сломанным кончиком, найденный в Термезе. 11. Железное острие стрелы, найденное в Термезе. 12. Около 50 кусочков стекла, камня и т. д., найденные в Термезе. 13. Винтообразное горлышко от сосуда, обозначенное в путевом дневнике, верхушка от вазы, 18 обломков вазы с рисунками, все найдены в Термезе. 14. Четыре светильника, один цельный, найдены в Термезе. 15. Четыре вазы различной величины, но немножко разбиты, найдены в Термезе. 16. Две вазы цельные. Одна обозначена в его путевом дневнике в Термезе. 17. Два обломка ваз с ручками, найдены в Термезе. 18. Сосуд, обозначенный в его путевом дневнике, Термез. 19. Крышка цельная, найденная в Термезе. 20. 13 медных монет, найденных в Термезе. 21—25. 14 монет, купленных в Термезе. Монеты, найденные в кургане Керкича против Керки. 19 монет, купленных в Керки. Шесть медных монет, найденных в Каравате (18 верст от Ташкента). 15 медных монет, купленных неизвестно где. 26. Мешок с медными монетами, купленными в Кумсане (в горах, в 45 верстах на север [от] Ташкента). 27. Медная монета, купленная в Самарканде. 28. Лужёная чаша с медным дном, купленная в Ташкенте. 29. Медный наконечник с головой зверя, приобретен неизвестно где, по всей вероятности (по словам Каска-бая), в Бухаре. 30—31. Три золотые монеты, подаренные брату одним офицером и приобретенные этим последним в Верном. Семь серебряных монет, купленных в Ташкенте⁷⁰.

Кроме того, при просмотре архивного дела о коллекции древностей Акрама Аскарлова мы встретили попавший в это дело, очевидно по недоразумению, подлинник весьма интересной «Описи вещам покойного коллежского ассессора Е. Ф. Каля, относящимся к археологии и находящимся в Туркестанской библиотеке». Опись эта составлена коллежским ассессором Буниным 19 октября 1891 г. и препровождена при его рапорте на имя управляющего канцелярии генерал-губернатора. Рапорт гласит:

«Рапор чиновника на усиление главного управления коллежского ассессора Бунина. Представляя при сем опись вещам, относящимся к археологии, найденным в имуществе умершего коллежского ассессора Каля надворным советником Анисимовичем и переданным сим последним на хранение в Туркестанскую публичную библиотеку, имею честь донести:

1) что из всех этих вещей, как это уже видно из переписки и бумаг Каля, только те из них, которые были найдены при раскопках или куплены в Термезе, Керки и Аулие-ата, подлежат отсылке в Археологическую комиссию при Императорском Эрмитаже, так как только для работ в этих местностях им были получаемы авансовые суммы из вышеозначенной комиссии;

2) что в Аулие-ата, в прошлом 1890 г., раскопки одного кургана, как мне известно из слов покойного Каля, им не были окончены и прекращены в то время, когда он дошел до весьма важной в археологическом отношении могилы, вследствие приказа от е. в. генерал-губернатора, немедленно возвратиться в Ташкент. Могила эта была вновь завалена камнями и поручена охранению уездного начальника;

3) что греческий меч (по описи № 33) подлежит отсылке в Московское императорское археологическое общество как это видно из неоконченного письма Каля к графине Уваровой и из заявленного желания об этом д. с. с. Идаровым, приславшим этот меч Калю. В то же общество подлежит отсылке фотографический снимок с медного слона, как мне

известно лично из слов Каля, во время производства этого снимка князем Гагариным (по описи № 34);

4) что все остальные вещи найдены или приобретены при раскопках, произведенных на средства, выдававшиеся Калю главным начальником края, а потому подлежали бы передаче в Туркестанский музей и

5) что по допущении меня, по приезде брата Каля, к рассмотрению бумаг, относящихся к археологии и находящихся в опечатанном имуществе, мною будет представлено в. п. подробное описание, где, когда и при каких обстоятельствах были найдены или приобретены вещи, означенные в описи⁷¹».

Далее следует упомянутая выше опись следующего содержания:

<i>№ пп</i>	<i>Название</i>	<i>Где найдены или куплены.</i>
1.	Человеческий череп	найден в Термезе
2.	Три человеческих черепа	найлены близ Керки
3.	Тазовая часть лошади	найдена в Термезе
4.	Часть позвоночной кости лошади	найдена в Термезе
5.	Обугленная часть черепа	найдена в Керки
6.	Черепок от сосуда, в нем было найдено: а) медная ножка от сосуда, изображающая лошадиную ногу, в) медная застежка (фибула), е) треугольный кусок меди, д) каменная серьга и е) три цельных медных монеты и один обломок	найдена в Термезе
7.	2 медные монетки, одна с изображением человека	то же
8.	8 каменных бус	то же
9.	18 различных стеклянных черепков	то же
10.	Железный нож	то же
11.	Железное острие пики	то же
12.	Коробочка с различными каменными, медными, железными и стеклянными кусочками	то же
13.	20 черепков от различной посуды из глины	то же
14.	4 светильника из глины (чарак)	то же
15.	2 больших и три маленьких почти неразбитых кувшина из глины	то же
16.	2 цельных вазы из глины	то же
17.	3 черепка от кувшинов из глины.	то же
18.	Разбитый флакон из глины	то же
19.	Крышка от сосуда из глины, цельная	то же
20.	14 медных монет	то же
21.	14 медных монет	куплены от туземцев в Керки
22.	Медная монета	найдена в Керки
23.	19 медных монет	куплены в Керки
24.	6 медных монет	найлены в Ханавате Ташкентского уезда между Куйлюком и Зангата
25.	15 медных монет	куплены в Ташкенте
26.	Мешок медных монет	куплены на верховьях Чирчика в кншл. Кумсане
27.	Мешок медных монет	найлены в Самарканде
28.	Серебряная чаша с медным дном	найдена в Той-Тюбе
29.	Медная рукоятка с головой тигра	куплена неизвестно где
30.	Ящик с различными костями	найлены в Аулие-ата
31.	3 золотых монеты	куплены неизвестно где
32.	7 серебряных монет	куплены в Искандер—Арык
33.	Греческий меч	найден в Беговате, близ Бухар-Арыка, недалеко от Ходжента и Сыр-Дарьи
34.	Фотографический снимок с медного слона	Слон найден близ Ташкента, принадлежит туземцу

Из архивных же материалов мы узнаем, наконец, что 19 марта 1892 г. Археологическая комиссия передала в Эрмитаж 1392 медных, семь серебряных и три золотые монеты, медный посеребренный сосуд, бронзовую ручку, бусы, ножик и острое копыя из числа «приобретенных покойным Калем в Средней Азии» и просила «отобрать из них все, что окажется пригодным для Эрмитажных коллекций». Эрмитаж включил в свои фонды монеты в свертках № 7, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 30 и 31, а монеты в свертках № 1 и 2 (1322 медные монеты) возвратил вместе с другими предметами⁷².

В дальнейшем в Эрмитаж по двум описям были переданы и другие предметы древности из коллекции Каля, а четыре черепа препровождены в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии⁷³.

* * *

Перед нашим мысленным взором прошли дни и труды Евгения Федоровича Каля, творческая жизнь и научная деятельность которого на поприще туркестановедения продолжалась, собственно говоря, на протяжении неполных шести лет (1886—1891). За это малое время, совмещая научные занятия со служебными обязанностями, Е. Ф. Каль успел не только досконально ознакомиться по доступным ему источникам и пособиям того времени с прошлым края, его особенностями, но осуществить свой собственный и притом весьма значительный для начинающего ученого вклад в сокровищницу отечественного востоковедения.

Вспомним его работу в стенах Ташкентского музея, собранные им коллекции древностей, в том числе нумизматическую коллекцию, его археологические работы и наблюдения⁷⁴, сбор материалов по языку ягнобцев, составление научного описания восточных рукописей Туркестанской публичной библиотеки и др.

Поистине не мало для всего лишь нескольких лет работы в трудных условиях далекого Туркестанского края!

И как блестяще, казалось бы, складывался жизненный путь молодого ученого. Не каждому из востоковедов довелось начинать его так, как это было суждено Калю. Образно говоря, у колыбели его научных изысканий стояли такие столпы российского востоковедения, как Н. И. Веселовский, увидавший в Кале одного из лучших студентов факультета восточных языков Петербургского университета, В. Г. Тизенгаузен, отметивший научную значимость собранной Калем нумизматической коллекции, К. Г. Залеман, высоко оценивший «все то новое и интересное», чем обогатил Каль «научные материалы по части исследования галчей», фонетических особенностей языка и глоссария ягнобцев, В. Р. Розен, возлагавший «немалые надежды» на историко-филологические труды «нового сотрудника по исследованию мусульманской литературы».

Неожиданная смерть Евгения Федоровича Каля беспощадно рано прервала начатую с таким успехом плодотворную его деятельность. Согласимся, однако, с тем, что даже то, что было сделано на благо науки Евгением Федоровичем Калем в течение обидно короткой жизни, дает ему полное право быть навсегда запечатленным в анналах истории русского востоковедения, туркестановедения в частности и в особенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ольденбург С. Ф. Французская школа Крайнего востока в Сайгоне. Журнал министерства народного просвещения, 340, Отд. IV, СПб., 1902, март, стр. 51. Не прошел мимо имени Каля и Н. И. Веселовский. В своей рецензии на книгу Шубинского он писал: «Не так давно был такой (ценный для науки и энергичный.— Б. Л.)

человек в Ташкенте — Е. Ф. Каль; но когда он умер, местная администрация не подумала найти ему преемника той же специальности. Это очень характерно, но в то же время очень грустно» (Веселовский Н. И., Шубинский, Очерк Бухары, СПб., 1892, 107 стр.; ЗВО, т. VIII, 1893—1894, СПб., 1895, стр. 165).

² В. В. Бартольд писал, что в состав основанного в Ташкенте в 1871 г. книгохранилища «вошло небольшое, но довольно ценное собрание рукописей, преимущественно произведения местной литературы; описание этих рукописей (87 №№)... было издано в 1889 г. Е. Ф. Калем. Можно было ожидать, что эта сторона деятельности библиотеки получит дальнейшее развитие... Эти ожидания не осуществились прежде всего потому, что на должность библиотекаря далеко не всегда назначались компетентные лица». (Бартольд В. В. Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать; Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, Том I, Л., 1925, стр. 97); Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан; Приложение к протоколу заседания Отделения исторических наук и филологии 29 июня 1921 г., Известия Российской Академии наук, VI серия, т. XV, Пгр., 1921, стр. 193.

³ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 146—147; в другом месте книги Крачковский писал: «Мы уже видели, чего можно было ожидать от одного из учеников Розена Е. Ф. Калы, умершего в молодых годах» (там же, стр. 190).

⁴ М.—в Н. [Н. А. Маев] Е. Ф. Каль, «Туркестанские ведомости», Ташкент, 24 сентября 1891, № 39. Видимо этот некролог был зачитан С. Ф. Ольденбургом на заседании Восточного отделения РАО 18 октября 1891 года, на котором память Е. Ф. Калы была почтена вставанием (ЗВО, т. VI, СПб., 1892, стр. 6).

⁵ «Исторический вестник», т. XLVI, 1891, № 12, стр. 860; «Источники словаря русских писателей», Собрал С. А. Венгеров, Том II, Гогоцкая-Карамзин, СПб., 1910, стр. 564, где Е. Ф. Каль фигурирует как путешественник.

Из архивных материалов (Гос. исторический архив Ленинградской области, ф. 14, оп. 1, д. 9591) мы узнаем, что в Петербургском университете учился также родной брат Е. Ф. Калы — Алексей Федорович Каль, окончивший историко-филологический факультет и оставленный при университете (по представлению известного специалиста по истории искусств, заслуженного ординарного профессора А. В. Прахова) по кафедре истории и теории искусств. В дальнейшем А. Ф. Каль много лет подряд (до 1917 г.) преподавал греческий язык в петербургской гимназии и одновременно (с 1904 г.) читал в Петербургском же университете лекции по кафедре истории и теории искусств в звании приват-доцента.

⁶ ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 39, лл. 16, 16 об.

⁷ «Туркестанские ведомости», Ташкент, 24 сентября 1891, № 39. На страницах официального отдела этой газеты см. также: «О производстве в чин» Е. Ф. Калы (1886, № 18) о назначении его младшим чиновником особых поручений (1886, № 23), «о чине» Е. Ф. Калы (1886, № 36).

Отметим, что фигурирующая в литературе (И. Ю. Крачковский. Очерки по истории..., и другие авторы) дата рождения Е. Ф. Калы (1861 г.) должна быть признана неточной. Из церковного свидетельства «...церкви Вознесения Господнего, что при адмиралтейских слободах в С.-Петербурге» (метрическая книга за 1863 г. статья № 303) совершенно точно значится, что у провизора Ф. И. Калы «сын Евгений Каль родился шестого, а крещен двадцать девятого сентября тысяча восемьсот шестьдесят третьего года» (ГИА Ленингр. обл., упом. делю).

⁸ Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1873, стр. 33.

⁹ Туркестанский публичный музей был открыт официально в декабре 1876 г.; в его составе имелся этнографо-археологический отдел (Лунии Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX вв., Ташкент, 1962, стр. 84—85).

¹⁰ Бартольд В. В. Барон Розен и русский провинциальный ориентализм, ЗВО, т. XVIII, СПб., 1909. Приложение, стр. 10—11.

¹¹ Шмидт А. Э. Памяти незабвенного учителя, В кн. «Памяти академика В. Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908—1948). Под ред. И. Ю. Крачковского», М.—Л., 1947, стр. 12.

¹² Там же, стр. 13.

¹³ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 192.

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 192. Письмо 1 ноября 1886 г.

¹⁵ Архив ЛОИА, фонд I, оп. I, д. 86, л. 57 об., 58 (фонды Имп. археологической комиссии).

¹⁶ О нем см. Лунии Б. В. Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскараров, Известия АН Узбекской ССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 6, стр. 66—76.

¹⁷ Раскопки в Сыр-Дарьинской области. ОАК за 1890 год, СПб., 1893, стр. 78.

¹⁸ ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 29, д. 949, л. 1 сл. Военный министр нашел удобным наградить караул-беги «орденом св. Станислава 3-й степени для не христиан установленным» и предложил заменить награждение орденом выдачей Мукум

Ходже ценного подарка, ибо «русскими орденами награждались в Бухарском ханстве обыкновенно только высшие сановники и за более серьезные заслуги» (л. 5).

¹⁹ Имеются, очевидно, в виду книги: Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда. Составили В. Наливкин и М. Наливкина. Казань, 1884, 294+161 стр.; В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, 215 стр.

²⁰ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 192. Письмо 1 ноября 1886 г. Эти строки свидетельствуют, видимо, о личном общении Каля с Наливкиными.

²¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 256. Письмо подписано: «Глубоко уважающий Вас, Ваш бывший ученик Евгений Каль».

²² Там же, д. 192.

²³ Там же, д. 192.

²⁴ Там же, д. 192.

²⁵ В фондах Туркестанского народного музея сохранилось отношение канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 4 февраля 1887 г., № 837, при котором музею препровождалась «составленная в прошлом году коллежским секретарем Калем описи археологического и этнографического отделов и каталог нумизматической коллекции Туркестанского отдела»; самих описей в деле нет (ЦГА УзССР, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 1, л. 13).

²⁶ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 192. Письмо 10 февраля 1887 г. Переписка Каля с Розеном содержит в себе также обмен мнениями относительно особенностей языка и говоров сартов и таджиков. Каль сообщил Розену данные о составе нумизматического отдела ташкентского музея, данные о «могильных камнях с арабскими надписями».

²⁷ Архив РАО, ф. 3, д. 427, л. 3 об. (архив ЛОИА).

²⁸ Там же, л. 25 об.; также ЗВО, т. II, СПб., 1888, стр. 3. В архивном деле ИАК (1889, №86) имеется опись «Нумизматической коллекции Ташкентского музея» («Сдано 19 января 1887 г.») с пометкой красным карандашом: «От г. Каля» (лл. 191—207 об.) и двумя листками с текстом надписей на «восьмиугольной вазе с арабской надписью» (лл. 210—211).

²⁹ ЦГА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 2, л. 4, 4 об.

³⁰ ЦГА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 2, л. 5.

³¹ Там же, лл. 14—15.

³² Перечень статей о Залемане и некрологов его: Ливотова О. Э. Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР (1876—1954); Очерки по истории русского востоковедения, II, М., 1956, стр. 498—499 («К. Г. Залеман»); Периханян А. Г. Карл Германович Залеман; Очерки по истории русского востоковедения, IV, М., 1959, стр. 79—115.

³³ К. Г. Залеман занимался также обработкой материалов «собранных об этом племени и его языке г.г. Куном (1870 г.), Уйфальви (1878 г.) и др.»; ср. ЗВО, т. III, СПб., 1889, стр. 128—129.

³⁴ Предшественниками Е. Ф. Каля по собиранию данных об ягнобском языке были А. Л. Кун и Ш. Акимбетов в 70-х годах, Г. А. Арендаренко и Н. И. Веселовский в 1885 г. (Соколова В. С., Грюнберг А. Л. История изучения бесписьменных иранских языков. Очерки по истории изучения иранских языков, М., Изд-во АН СССР, 1962 (II, Ягнобский язык, стр. 129—130; в кн. ошибочно «Аподаренко»). «Наиболее полными, — пишут авторы, — обстоятельными из них были материалы А. Л. Куна, записавшего большое количество фраз и связанных текстов, а также материалы Е. Ф. Каля, имевшего филологическую подготовку и составившего под руководством К. Г. Залемана (что неточно. — Б. Л.), ягнобский словарь» (стр. 129; Искандертюрин (А. Л. Кун). Сведения о ягнобском народе (К материалам для исследования ягнобского языка), «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1881, № 3 и 4.

³⁵ Залеман К. Г. Новые материалы по ягнобскому языку, ЗВО, т. III, СПб., 1889, стр. 128—129. Насколько мало были известны собранные Е. Ф. Калем материалы по словарю ягнобцев можно судить еще и потому, что имя Каля осталось даже не упомянутым в обстоятельном «Очерке истории исследований ягнобцев и ягнобского языка», составленном таким компетентным ученым, как покойный Лев Васильевич Ошанин (Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, Труды САГУ, ч. III, Новая серия, вып. ХCVIII; Исторические науки, кн. 18, Ереван, 1959, стр. 36—40; О рукописи Е. Ф. Каля см. Абрамов А. Т. Восточный отдел научной библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского ордена Ленина госуниверситета им. А. А. Жданова, В кн. «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза», М., 1963, стр. 228, «В архиве Е. Ф. Каля, — пишет автор, — имеется рукопись «Ягнобский словарь».

³⁶ Ср. Абаев В. И. Сравнительно-историческое иранское языкознание, В кн. Очерки по истории изучения иранских языков, М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 5—6.

³⁷ Материалы согдийско-ягнобских параллелей помогли Залеману и в его последующих работах по согдийскому языку, заложивших основы согдийской грамма-

тики (Залеман К. Г. «Manichaica. II, V» (Известия Имп. Академии наук, СПб., 1907, стр. 531—558; 1913, стр. 1125—1144).

³⁸ Соколов С. Н. Изучение мертвых иранских языков в России и в СССР. В кн. «Очерки по истории изучения иранских языков», М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 11; из новых публикаций см.: Боголюбов М. Н. Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследования и материалы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1956; Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957; [В. А. Лившиц] Ягнобский язык, В кн. «Народы Средней Азии и Казахстана», I, М., 1962, стр. 149—152 и др.

³⁹ Корректурa набора рукописи К. Г. Залемана «Ягнобские этюды», хранится в Архиве АН СССР в Ленинграде (ср. Benveniste E. «Une lexique du Yagnobî», J. A., vol. CCXLIII, fasc. 2, 1955, p. 139—162). Выход с чет «Ягнобских этюдов» был задержан, в частности, по той причине, что К. Г. Залеман предполагал к «отпечатанным уже материалам Куна, Акимбетова, Арендаренко и Веселовского присоединить записи Каля». Действительно, в последней своей редакции глава IV «Ягнобских этюдов» (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, д. 208) содержит «Материалы, собранные Е. Ф. Калем в 1887 г.» (ср. А. Г. Периханян и Карл Германович Залеман. В кн. «Очерки по истории русского востоковедения», IV, М., 1959, стр. 90—91). Позднее рукописью «Ягнобских этюдов» пользовались Гейгер, Андреас, Готье и др. Сама рукопись не вышла в свет потому, видимо, что «требовательный к себе ученый не хотел их выпускать, не переработав основательно, с чем и была связана командировка К. Г. Залемана в Среднюю Азию в 1897 г. (Периханян, Указ. соч., стр. 91).

⁴⁰ Андреев М. С., Пещерева Е. М. Указ. соч., стр. 5. Позднее, в 1897 и 1907 гг. К. Г. Залеман сам ездил в Среднюю Азию. В Самарканде он произвел записи непосредственно от ягнобцев. В личном фонде Н. П. Остроумова хранится письмо на его имя К. Г. Залемана, написанное 9 июля 1897 г. и ст. из Нового Маргелана. «Уже более месяца,— писал Залеман,— я нахожусь в Туркестане... Я собирался, по поручению Георг. общ. в Шугнан, для изучения наречия тамошних горцев — галчей,— но судьба решила иначе. Телега опрокинулась, и я ошиб себе ногу настолько серьезно, что должен теперь лежать более недели... У нас в Петербурге рассказывали, что по распоряжению генерал-губернатора, в Ташкенте печатается словарь ягнобского языка. Это меня сильно интересует, так как у меня самого напечатана уже часть труда по этому же самому языку (главным образом по материалам, собранным во время Искандеркульской экспедиции Куном), именно тексты и словарчик до буквы К вкл... Не будете ли Вы столь добры сообщить мне какие-либо более точные сведения по этому делу» (ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 38, лл. 25, 25 об.).

⁴¹ Протокол заседания Восточного отделения РАО 11 ноября 1888 г., ЗВО, т. III, СПб., 1889, стр. VII.

⁴² Там же, стр. X.

⁴³ Тизенгаузен В. Г. Нумизматические заметки. 5. Коллекция Е. Ф. Каля, ЗВО, т. III, СПб., 1889, стр. 374—376. К моментам из нумизматической коллекции Е. Ф. Каля Тизенгаузен возвращался и в последующем. В качестве «величайшей редкости» В. Г. Тизенгаузен упоминал чеканенную в Ташкенте (без указания года) «монету Абдуллаха I из соборания Е. Ф. Каля» (Тизенгаузен В. Г. Восточные монеты Н. П. Ливевича, ЗВО, т. IV, СПб., 1890, стр. 313). В другом обзоре нумизматических новинок В. Г. Тизенгаузен говорил, что «ввиду редкости древнейших сефевидских монет [надо] указать еще на три неизданные серебряные монеты Тахмаста I, полученные... в дар от Е. Ф. Каля» (Тизенгаузен В. Г. Нумизматические новинки, ЗВО, т. VI, СПб., 1892, стр. 258. В другом случае в статье о новых нумизматических приобретениях Ливевича Тизенгаузен вспоминал о неизданных серебряных шейбанидских монетах из коллекции Каля и перечислял их (Тизенгаузен В. Г. Новые нумизматические приобретения Н. П. Ливевича, ЗВО, т. IX, СПб., 1896, стр. 241).

⁴⁴ ЗВО, т. III, 1888, СПб., 1889, стр. 221.

⁴⁵ Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Составил Е. Каль, Ташкент, Типография Окружного штаба, 1889, 77 стр. + 1 стр. исправлений (14 марта 1890 г. Каль рапортовал о сдаче в Библиотеку 100 экземпляров книги; часть экземпляров ее была направлена в Публичную библиотеку и Университет (СПб.), Лазаревскому институту (Москва), Школам восточных языков (Париж, Лейпциг), Королевской Азиатской библиотеке (Лондон) и др.; ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 516, лл. 160—161 (по справке, любезно представленной нам Г. Н. Чабровым).

⁴⁶ В основу хранилища (отдела) восточных книг и рукописей Туркестанской публичной библиотеки легли книги и рукописи, собиравшиеся А. Л. Куном. «В Самарканде и Ташкенте он [Кун] находил у мулл и ученых-мусульман интересные сочинения и покупал их» («Туркестанские ведомости», Ташкент, 12 июля 1890). Он же разбирал библиотеки хивинского и кокандского ханов. «Наиболее ценные книги были отосланы в Императорскую публичную библиотеку» (там же).

⁴⁷ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 516, л. 159 (за указание на это дело благодарим Г. Н. Чаброва).

⁴⁸ М—в Н. [Маев Н. А.]. Библиографическая заметка, «Туркестанские ведомости», Ташкент, 12 июня 1890, № 24.

⁴⁹ В. Р. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Составил Е. Каль, Ташкент, 1889; ЗВО, т. V, вып. 1, СПб., 1890, стр. 123—125.

⁵⁰ Здесь Каль ошибался; сохранившаяся в конце списка дата 1071/1661 гг. относилась к самому произведению, а не к рукописи, написанной на русской бумаге XVIII — начала XIX вв. (ср. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР, т. I, под ред. А. А. Семенова, Ташкент, 1952, стр. 72).

⁵¹ Имеется в виду Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, 215 стр.

⁵² Имеется в виду «Извлечение из летописей (историй)» Хаджи Мухаммед Хаким-хана, написанное в 1259/1843 г. (у Каля список с датой 1295/1878 г. (ср. Каталог восточных рукописей..., т. I, стр. 89).

⁵³ В. Р. Указ. соч., стр. 125.

⁵⁴ Письмо ИАК на имя КТГГ от 4 августа 1889 г.; Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 86 («Об археологических розысканиях Е. Ф. Каля в Туркестанском крае». Начато 4 августа 1889 г., кончено 1 марта 1910 г.), л. 1, 1 об. В деле имеется Открытый лист на имя Е. Ф. Каля от 30 марта 1890 г. за № 323 (л. 10); ранее ему был выдан Открытый лист на 1899 год (лл. 15—16).

⁵⁵ Там же, лл. 2—3.

⁵⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 86, л. 15, 15 об.

⁵⁷ ОАК за 1889 г., стр. 93—94.

⁵⁸ Раскопки в Сырдарьинской области. ОАК за 1890 г., СПб., 1893, стр. 74—79.

⁵⁹ Всего описано 29 тепе. Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 86, лл. 66 об. 82. (Там же, лл. 131—137 об.)

⁶⁰ Там же, л. 17—18.

⁶¹ Там же, л. 19 об.

⁶² Уварова П. С. Поездка в Ташкент и Самарканд. «Русская мысль», Год двенадцатый. Книга XI, М., 1891, стр. 7.

⁶³ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 80, лл. 24—25.

⁶⁴ Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН ССР, Серия I, История, археология, вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Ташкент, 1940, стр. 17, 18.

⁶⁵ Аминджанова М. Средневековое стекло Мавераннахра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. историч. наук, Ташкент, 1962, стр. 9.

⁶⁶ М—в Н. [Маев Н. А.] Е. Ф. Каль, «Туркестанские ведомости», Ташкент, 24 сентября 1891. Насколько нам известно, перевоз тела покойного в Ташкент осуществлен не был и захоронение его состоялось в Керках, скорее всего на местном военном кладбище.

⁶⁷ Там же, л. 29, 29 об.

⁶⁸ Там же, л. 30.

⁶⁹ Там же, лл. 31—36.

⁷⁰ Там же, лл. 42, 42 об.; к № 21—25, 30—31 сделаны карандашные обозначения: в «Эрмитаже».

⁷¹ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 722, лл. 3, 4.

⁷² Там же, лл. 46—48. Свертки № 1 и 2 были переданы для нумизматической коллекции СПб. университета.

⁷³ Там же, лл. 49—56.

⁷⁴ Известно также, что Е. Ф. Каль занимался и составлением археологической карты Сырдарьинской области; смерть помешала, к сожалению, завершить это интересное начинание.

С. Б. ЛУНИНА, И. АХРАРОВ
**ЦЕННЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ СТЕКЛОДЕЛИЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Среди работ Института химии АН УзССР, выпущенных в 1963 г., видное место занимает монография группы авторов «Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье»¹.

Творческое содружество археолога Ю. А. Заднепровского и химиков А. А. Абдуразакова и академика АН БССР М. А. Безбородова привело к появлению работы интересной не только для археологов и химиков, но и для историков, искусствоведов, этнографов, а также широкого круга читателей.

Стеклоделие, как один из важнейших видов ремесла Средней Азии в античное время и средневековье, привлекало многих исследователей. Но стекло изучалось археологами типологическим методом, основанным на внешних признаках вещей. При исследовании этим методом многие вопросы оставались неразрешенными. И только химико-технологический метод изучения стекла дал возможность ответить на многие вопросы.

Авторы монографии сформулировали задачи, стоящие перед ними в процессе работы:

1. Дать общее представление о находках стекла и развитии стеклоделия от его зарождения до средних веков.

2. Определить время возникновения стекольного производства в Средней Азии и охарактеризовать основные этапы истории его.

3. Создать общую классификацию стеклянных изделий, в частности, типологическую классификацию средневековой стеклянной посуды. Сравнить изделия Средней Азии с изделиями соседних стран.

4. Выявить химический состав среднеазиатских стекол и своеобразие последних по сравнению со стеклами других стран.

5. Сделать попытку определить сырьевые материалы и состав шихты, применявшихся в стеклоделии Средней Азии в средние века.

6. Установить особенности варки стекла и описать технические приемы выработки, обработки и декорировки изделий изготавливавшихся в рассматриваемое время.

7. На основании археологических и химико-технологических методов определить место стеклоделия Средней Азии в общей истории стекольного производства древности и средневековья.

История стеклоделия в Средней Азии, время знакомства народов

¹ А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, 242 стр.

этой территории со стеклом, технология производства стеклянных изделий и их орнаментировка на протяжении почти столетия волнуют исследователей исторического прошлого народов Средней Азии. Этими вопросами занимались такие исследователи, как Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин, М. Е. Массон, А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов. Отдельными вопросами стекольного производства интересовались Е. А. Давидович, С. А. Трудновская, М. Аминджанова и др. Однако масса сведений о стеклянных изделиях, найденных при археологических раскопках, находится в статьях и работах, не посвященных специально стеклоделанию, кроме того, в различных музеях есть некоторое количество еще не описанных изделий. Авторы упомянутой работы и взяли на себя трудную задачу обобщения уже имеющихся данных, причем им удалось успешно решить ряд вопросов, сделать интересные выводы, а также поставить отдельные вопросы, которые требуют дальнейшего исследования.

В первых главах монографии авторы рассматривают общие понятия о стекле, его химический состав, строение и свойства и подробно останавливаются на методах изучения древнего и средневекового стеклоделия. Методика исследования древних стекол (письменные источники, типологический метод, технический метод) впервые освещена достаточно подробно и глубоко и может быть использована археологами и химиками при изучении древнего стеклоделия.

В третьей главе освещаются вопросы возникновения и начальный этап развития стеклоделия. Этот раздел очень интересен, но, на наш взгляд, в работе, специально посвященной стеклоделанию Средней Азии, не нужны весьма подробные данные по истории стеклоделия, раскопкам отдельных мастерских в Европейской части СССР и на Кавказе. Видимо, эти сведения следовало кратко привести лишь в сравнительно-хронологическом плане или при сравнении технологий производства.

Основную часть работы составляет историко-археологическая и химико-технологическая характеристика древнейших и средневековых стеклянных изделий Средней Азии, достаточно глубокая и полная, сопровождаемая соответствующими выводами. Авторы правы, когда утверждают, что находки стеклянных поделок в раскопках, датируемых со II в. до н. э., еще не свидетельствуют о местном знакомстве со стеклоделанием, а скорее о торговых связях с другими областями. Авторы делают вывод о том, что местное массовое производство стеклянных изделий можно отнести лишь к грани нашей эры. Вопрос о происхождении местного стеклоделия в Средней Азии, на наш взгляд, может быть окончательно решен лишь со временем, по мере накопления фактического материала, когда раскопки стеклоделательных мастерских покажут, каков был характер производившейся здесь продукции, что не лишит ценности те обобщения, которые сделаны сейчас авторами работы «Стеклоделие Средней Азии».

Целесообразной представляется нам проведенная классификация стеклянных изделий по их назначению. Выделенные авторами группы охватывают все известные категории стеклянных изделий. Однако при рассмотрении средневекового периода развития производства стекла (IX — начало XIII вв.) следовало попытаться хотя бы наметить отдельные этапы внутри этого большого периода. По нашему мнению, вопросы развития техники производства, изменения форм изделий, их декорировки освещены в работе недостаточно, в частности, связь стеклоделия с другими видами ремесла, с уровнем естественно-технических наук и пр.

Следует считать обоснованным вывод о том, что в каждом городе или поселении Средней Азии в IX — начале XIII вв. имелись собственные стеклоделательные мастерские, в которых изготовлялась продукция,

имевшая определенное сходство в формах и орнаментации с подобными изделиями из Ирана, но вместе с тем оригинальная. Авторы убедительно доказали самостоятельность и самобытность среднеазиатского стеклоделия.

Обстоятельно рассматриваются в книге химический состав стекол Средней Азии (хотя количество проведенных анализов, это признают и сами авторы, недостаточно для широких обобщений), количественный состав смеси сырьевых материалов для варки стекла и особенности варки. Сведения о процессах варки стекла в древности в Средней Азии отсутствовали. Поэтому приобретают особое значение скрупулезно собранные в книге данные археологических раскопок. Знание процессов варки, стекла и применявшихся при этом инструментов, способов формовки изделий из стекла и их назначения поможет археологам при рассмотрении находок из археологических раскопок на территории Средней Азии. На основании изучения химических анализов сделаны интересные выводы о торговых связях между различными районами Средней Азии и Европейской частью СССР. Недостатком работы, на наш взгляд, является то, что не всегда данные химических анализов сопоставлены с археологическими. Следовало бы попытаться сделать такие сопоставления, где это только возможно.

Изучая стеклоделательное производство в масштабах Средней Азии, можно было больше рассказать о распространении стеклянных изделий в быту среди различных групп населения в разные периоды истории.

Наконец, досадным упущением кажется, что, собрав и обобщив интереснейший материал, авторы не сказали о возможности использования некоторых приемов выделки, орнаментации, форм изделий в наши дни.

Книга хорошо иллюстрирована фотографиями, рисунками, схемами, в ней в специальных таблицах приведены данные химических анализов древнего стекла.

Широко проводимое в последние годы изучение различных памятников материальной культуры Средней Азии, в том числе и исследование А. А. Абдуразаковым, М. А. Безбородовым и Ю. А. Заднепровским древнего среднеазиатского стеклоделия, прекрасно подтверждает самобытность искусства и ремесла народов Средней Азии.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
М. Е. Массон. Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ	3
Г. А. Пугаченкова. К дискуссии о «Сотере Мегасе»	15
Н. И. Крашенинникова. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса	26
З. И. Усманова. Раскопки арсенала сасанидского времени в Старом Мерве	34
С. Б. Лунина. Группа «караул-тепе» и некоторые археологические памятники Бостандыкского района	44
Г. Я. Дресвянская. Каменные бусы с городищ Старого Мерва	56
М. Е. Массон. Катта Лянгар средневековой области Кеш	66
История изучения	66
Топографическое положение	68
Предания о лянгарской старине	71
Историко-археологические данные	76
Мавзоль катталянгарских шейхов	78
Шейхи Катта Лянгара	81
Главная катталянгарская мечеть	86
Последующая история памятников Катта Лянгара	88
Заключение	99
Дополнение	101
Б. В. Луни. Ориенталист-туркестановед Евгений Федорович Каль	106
С. Б. Лунина, И. Ахраров. Ценный труд по истории стеклоделия Сред- ней Азии	125

Коллектив

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Редактор *Е. Н. Вассерман*
Технический редактор *Х. У. Карабаева*
Корректор *И. Ш. Ахмедова*

Р 1229. Сдано в набор 21/IV-1966 г. Подписано к печати 25/IV-1966 г. Формат 70×108^{1/16}—4,0 бум. л.
—10 96 печ. л. Уч.-изд. л. 10,6. Изд. № 368. Тираж 500. Цена 81 к.

Типография Издательства «Фан» УзССР, ул. Л. Б. Шаштри, 21. Заказ 167.
Адрес Издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.